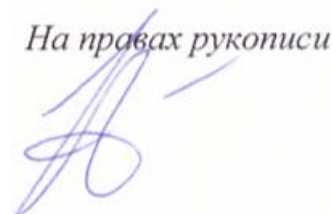

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

На правах рукописи

Кучукян Артем Владиславович

**Социоструктурные детерминанты влияния виртуальных сетей на
протестную активность современной молодежи**

Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и
процессы

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор педагогических наук,
профессор Шаповалов В. К.

Ставрополь – 2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования влияния виртуальных сетей на протестную активность	15
1.1. Методология сетевого анализа в современной социологии	15
1.2. Теоретические основы изучения протестной активности молодежи.....	30
1.3. Концептуальные основы исследования влияния виртуальных сетей на социальную активность молодежи	51
Глава 2. Детерминированность виртуальными сетями протестных настроений молодежи	79
2.1. Структурные и функциональные характеристики виртуальных молодежных протестных сообществ.....	79
2.2. Характеристика и типологизация протестной активности современной молодежи, детерминированной виртуальными сетевыми сообществами.....	112
Заключение.....	140
Список литературы.....	148
Приложения.....

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена все возрастающим влиянием новых информационно-коммуникационных технологий, которые меняют содержание и структуру традиционных способов взаимодействия, как между отдельными индивидами, так и между большими социальными группами. Виртуальные социальные сети сегодня являются не только новой формой взаимодействия их пользователей, но и представляют собой принципиально новый социальный феномен, оказывающий влияние на многие сферы человеческой жизнедеятельности.

Представители различных областей социально-гуманитарного и естественнонаучного знания в настоящее время пытаются оценить роль, которую будут играть виртуальные сетевые структуры в ближайшем будущем, в том числе и в социально-политической сфере жизни общества.

Многие социальные явления под влиянием виртуальных социальных сетей в настоящее время приобретают принципиально иной вектор функционирования. Не является исключением и социальный протест. Многие известные общественные деятели, ученые и интернет-активисты называют виртуальные сети новой движущей силой общественных протестов по всему миру. Массовые выступления и протесты, происходящие в последние годы по всему миру, со всей очевидностью демонстрируют принципиально новые возможности протестной мобилизации населения.

Кроме того, протестные выступления молодежи с использованием инструментов виртуальных социальных сетей в настоящее время являются предметом исследований представителей различных отраслей знания во всем мире. События «Арабской весны» показали, что такие факторы, как рост числа молодежи в стране и активное распространение технологий Интернет-коммуникаций среди населения, стали главными движущими силами

социально-политических перемен в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Массовые протесты в России 2011–2012 годов и последующие деструктивные события в различных регионах России со всей очевидностью доказывают, что роль молодого поколения в общественных трансформациях и влияние виртуальных сетевых структур будут только возрастать.

В связи с этим социологическое осмысление социальных детерминант и факторов влияния виртуальных социальных сетей на протестное поведение современной молодежи, протестной мобилизации и самоорганизации молодого поколения, становятся актуальными и своевременными задачами социологической науки. Всесторонняя оценка влияния виртуальных сетевых сообществ на протестное поведение современной молодежи позволит выявить и описать их структуру и функции, отличительные особенности, а также предложить действенные механизмы реагирования государства и общества на деструктивные проявления массового протеста.

Социологическое осмысление влияния виртуальных сетевых структур на протестное поведение молодежи достаточно трудно поддается эмпирической оценке с помощью только лишь традиционных социологических методов и подходов. Для исследования изучаемого явления необходима констелляция классических социологических методов и методологии социально- сетевого анализа.

Степень научной разработанности проблемы исследования определяется сложностью и разносторонностью изучаемого объекта. Одна из основных групп научных источников связана с развитием методологии сетевого анализа в современной науке. Это прежде всего междисциплинарные исследования зарубежных авторов, таких как Л. Адамик, А. Барабаши, Б. Батлер, П. Блау, С. Боргатти, Х. Ботт, Дж. Брем, П. Виссер, К. Вильямс, Е. Гилберт, Р. Гросс, А. Зинман, М. Кастельс, Д. Кракхард, Г. Козинец,

П. Лазарсфельд, Н. Лин, М. МакЛюэн, Р. Мертон, Р. Мирабиле, Я. Морено, М. Ньюман, Дж. Скотт, Л. Фриман, П. Фостер, Дж. Форгас, А. Тоффлер, В. Хайнс, Г. Хоманс, Ф. Харари, Н. Эллисон и других.

В России развитием методологии сетевого анализа в современной социологии занимаются такие ученые, как Д. А. Александров, Е. В. Бродовская, Е. В. Веретенник, А. Э. Гапич, Г. В. Градосельская, Д. А. Губанов, К. С. Губа, С. В. Докука, Е. Ю. Кольцова, М. А. Пильгун, Д. В. Просьянюк, М. А. Сафонова, А. В. Семенов, М. М. Соколов, С. Г. Ушкин, А. Г. Чхартишвили и другие.

Анализу феномена виртуальности посвящены труды зарубежных мыслителей У. Бека, М. Вэйнштейна, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Н. Лумана, М. Паэтау, Ф. Хэмита и других.

Молодежь как особую социально-демографическую группу изучают такие представители отечественной социологической науки, как В. П. Бабинцев, А. А. Бесчастная, М. А. Буданова, О. Ю. Гаранин, Г. Д. Гриценко, М. К. Горшков, И. М. Дзялошинский, Р. И. Зинурова, Ю. А. Зубок, С. Н. Иконникова, А. А. Иудин, А. Ю. Карпова, В. А. Касамара, А. А. Козлов, И. С. Кон, Д. Л. Константиновский, В. Ф. Левичева, В. А. Луков, А. П. Михайлов, А. Л. Темницкий, В. И. Чупров, М. М. Шульга, Л. А. Ятина и многие другие исследователи.

Проблематикой социального протеста как массового общественно политического явления посвящены исследования зарубежных классиков теорий коллективного действия: Г. Блумера, Л. Киллиана, Г. Лебона, Н. Смелзера, Р. Тернера.

В России исследованием проблем протестного движения занимаются А. Э. Гапич, Д. В. Громов, Е. Е. Ефанова, Г. В. Косов, И. Ксенофонтова, Г. В. Косов, Е. О. Кубякин, Е. М. Куликов, Д. А. Лушников, А. А. Николаева, Э. Д. Понарин, В. Г. Тихонов и другие.

Значимый вклад в изучение социальной структуры внесли П. Бурдьё, М. Вебер, Э. Гидденс, З. Т. Голенкова, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Р. Мертон, Т. Парсонс, Н. Е. Тихонова, Ф. Теннис, Ж. Т. Тощенко, М. Ф. Черныш, А. Шюц и другие.

В данной работе используются наработки ученых С. В. Бондаренко, Е. В. Закаблукковского, Н. Биггарта, О. Е. Брун, Б. Уэлмана, М. Грановеттера, С. Г. Ушкина, Дж. Урри, посвященные изучению структуры виртуальных сетевых сообществ.

Методологическую и теоретическую основу диссертационного исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные специфике применения социально- сетевого анализа в современной социологии, социологии массовых коммуникаций и общественных движений, социологии Интернета. С целью выявления методологических особенностей исследования виртуальных протестных сообществ при изучении молодежного протеста использовалась методология социально- сетевого анализа (Social network analysis). Определение социоструктурных детерминант влияния социальных сетей на протестную активность молодежи осуществлено на основе структурно-функциональной методологии Т. Парсонса и Н. Смелзера, теории поля П. Бурдьё, а также теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

Анализ социальных последствий коммуникационных взаимодействий участников виртуальных молодежных протестных сообществ осуществлен с опорой на базовые положения теории социального капитала Р. Патнэма.

Исследование протестной активности современной молодежи основано на концепции относительной депривации С. Стауффера, теории мобилизации ресурсов М. Олсона, а также теории массового заражения Г. Лебона.

Использование указанных методологических подходов обусловлено широтой их применения при анализе социальных взаимодействий в сетевых структурах и существенными концептуальными возможностями.

Ресурсный подход был использован при оценке мобилизационного и самоорганизующего потенциала виртуальных социальных сетей.

Характеристика и типологизация протестной активности современной молодежи в виртуальных сетевых сообществах осуществлены на основе констелляции качественной и количественной исследовательских стратегий, а также применения методологии социально- сетевого анализа.

Осуществленный анализ научной литературы показывает, что, несмотря на возрастающий интерес социологической науки к исследованию сетевых структур, актуальным вопросом остается выявление и характеристика социоструктурных детерминант, обуславливающих протестную активность молодежи.

Актуальность темы исследования и недостаточная степень ее изученности в научной литературе определили **проблему исследования**, заключающуюся в основном исследовательском вопросе: каковы основные социоструктурные детерминанты влияния виртуальных сетей на протестную активность современной молодежи?

Объект исследования – протестная активность современной российской молодежи.

Предмет исследования – социоструктурные факторы влияния виртуальных сетевых сообществ на протестную активность современной молодежи.

Цель исследования – определить и охарактеризовать социоструктурные детерминанты влияния виртуальных сетевых сообществ на протестную активность современной молодежи.

В соответствии с поставленной целью в диссертационной работе решаются следующие основные **задачи**:

- выявить методологические особенности и преимущества использования социально-сетевого анализа для исследования влияния виртуальных структур на протестную активность молодежи;
- рассмотреть концептуальные основания исследования протестной активности современной молодежи;
- рассмотреть теоретические основы исследования влияния виртуальных сетевых структур на протестную активность современной молодежи;
- исследовать социоструктурные детерминанты функционирования виртуальных молодежных протестных сообществ;
- осуществить характеристику социоструктурных детерминант протестной активности современной молодежи в виртуальных сетевых сообществах;
- осуществить типологизацию протестной активности молодежи в виртуальных сетевых сообществах.

Методы и информационная база исследования:

- стандартизированное онлайн-интервью участников виртуальных молодежных протестных сообществ в возрасте от 18 до 35 лет с помощью сервиса GoogleDocs. N= 358.
- глубинные интервью с активными участниками и модераторами виртуальных молодежных протестных сообществ, осуществленных с помощью общедоступного проприетарного сервиса Skype. N=19. Выборка сформирована с помощью метода снежного кома. Генеральная совокупность – участники виртуальных молодежных протестных сообществ, локализованных на территории Ставропольского края.
- вторичный анализ данных социологических исследований, посвященных проблеме виртуальных сетевых сообществ. Для вторичного анализа было использовано три общедоступных базы данных из Единого архива социологических и экономических данных («Курьер», 2012-06, «Мониторинг

инновационного поведения населения», 2012, «Электоральная панель ВЦИОМ», 2011-2012)

- сетевой анализ структуры и функциональных особенностей виртуальных молодежных протестных сообществ, функционирующих на платформах «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter». Всего было проанализировано 34 сетевых сообщества.

Научная новизна результатов исследования состоит в следующем:

– структурированы и систематизированы теоретико-методологические подходы к изучению виртуальных сетевых структур. Определено, что социально-сетевой анализ в сочетании с качественной и количественной исследовательской стратегиями представляет собой эффективный исследовательский инструмент для изучения виртуальных социальных сетей;

– аргументирована возможность исследования молодежного протеста на основе констелляции теории относительной депривации и уровня вовлеченности молодежи в реальные социально-политические процессы в обществе; аргументирован дефицит концептуальных оснований для изучения влияния виртуальных сетевых структур на формирование протестных настроений в молодежной среде;

– разработаны и апробированы критерии социологического анализа детерминированности виртуальными сетевыми структурами формирования протестной активности современной молодежи, включающие в себя социально-демографические показатели и ключевые метрики социально- сетевого анализа, характеризующие специфику взаимодействия участников виртуальных молодежных протестных сообществ;

- предложена социологическая интерпретация социоструктурных детерминант влияния на формирование протестной активности молодежи, включающая две группы факторов – сетевого анализа и социально-демографических участников виртуальных сетевых сообществ;

– на основе анализа результатов эмпирического исследования впервые выявлены и охарактеризованы структурные и функциональные характеристики виртуальных молодежных протестных сообществ;

– посредством использования методологии социально- сетевого анализа и динамического моделирования случайных графов осуществлена характеристика и типологизация протестной активности современной молодежи в виртуальных сетевых сообществах; на основании построенных иерархических регрессионных моделей и динамического моделирования случайных графов рассчитан жизненный цикл сетевого молодежного протестного сообщества;

– на основе применения методологии социально- сетевого анализа, математико-статистических методов анализа эмпирических данных определены специфика и степень влияния виртуальных сетевых структур на протестную активность современной молодежи.

На защиту выносятся следующие основные тезисы:

1. Сетевая методология представляет собой комплексную систему концептуализации социальных отношений и описания общественных явлений в целом. В рамках сетевой теории и методологии сетевого анализа именно процессы взаимодействия рассматриваются в качестве ведущей детерминанты социального поведения индивидов. Эвристические возможности сетевой методологии позволяют исследовать социальные процессы на различных уровнях социальной организации общества. Таким образом, выбор сетевой методологии в качестве ведущего концептуального подхода для исследования детерминированности социальными сетями протестной активности современной молодежи является вполне оправданным.

2. Под протестной активностью понимается отдельный тип социальной активности, характеризующийся публичной, открытой и негативной репрезентацией убеждений, ценностей и поступков, отражающих реакцию на социально-экономическую или социально-политическую ситуацию отдельной

личности или социальной группы. Основными формами протестной активности в молодежной среде являются несанкционированные пикеты, митинги, флэшмобы, перформансы. Протестная активность выражается через легитимные или нелегитимные формы. При этом молодежи присущи именно нелегитимные формы проявления протестной активности.

Протестная активность в виртуальных сетях представляет собой отдельный вид гражданских инициатив, проявляющихся благодаря интенсификации взаимодействия пользователей социальных сетей, распространению контента, характеризующего протестную ситуацию, а также привлечению различных молодежных групп к протестной риторике.

3. Социоструктурные детерминанты влияния сетевых структур на протестную активность молодежи интерпретируются как позиции личности или группы индивидов в виртуальном сообществе, специфические характеристики и особенности функционирования которых обуславливают ту или иную реакцию участника сообщества на события, происходящие в реальной жизни. Социоструктурные детерминанты представлены двумя группами факторов. В первую группу входят факторы, характеризующие особенности функционирования молодежных сетевых структур, которые определены на основе различных показателей центральностей анализа (degree centrality, closeness centrality, betweenness centrality, eigenvector centrality) и ряда других метрик сетевого анализа (модулярность, коэффициент кластеризации). Вторую группу составляют индивидуализированные социально-демографические характеристики участников молодежных протестных сетевых сообществ, такие, как пол, возраст, уровень образования и место проживания, а также количественные показатели, характеризующие взаимодействие между участниками сетевых сообществ.

4. При изучении молодежного протеста в социологии используется два основных подхода. Первый ориентируется на теорию относительной

депривации, где ведущей детерминантой протеста выступает фактор недовольства. Согласно второму концепту, ведущим фактором протеста является вовлеченность различных социальных групп в политическую жизнь. В ходе теоретического анализа установлено, что малоисследованной остается проблема вовлеченности молодежи в протестные акции посредством виртуальных социальных сетей. Большинство исследований, посвященных влиянию социальных сетей на формирование и развитие протеста, носят описательный характер и не содержат анализа факторов, причин и мотивов реальной протестной активности современной молодежи. В связи с этим, применение традиционных социологических методов и подходов в сочетании с методологией сетевого анализа позволит исследовать динамику и прогнозировать последствия влияния сетевых сообществ на протестное поведение современной молодежи.

5. К типичным особенностям молодежных протестных сообществ, формирующихся в виртуальных сетевых структурах, можно отнести следующие: существенные различия по социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам пользователей; присутствие в молодежных протестных сетевых структурах большого числа изолянтов (пользователей, не состоящих во взаимодействии с другими участниками подобных сообществ); возможность адресного влияния на конкретного участника сетевого сообщества протестного характера; отсутствие непосредственных взаимодействий участников протестных сообществ с оппонентами; невысокие организационные и материальные затраты для создания молодежного сообщества протестного характера.

Основными функциями виртуальных молодежных протестных сообществ являются: 1) информационная – оповещение участников сообщества о тех или иных событиях в виртуальном или реальном мире; 2) пропагандистская – распространение материалов о целях, сущности и функциях виртуального

сообщества, формирование смыслов протеста; 3) организационная – воспроизводство и совершенствование внутренней структуры виртуального молодежного протестного сообщества; 4) рекрутинговая – поиск и привлечение новых сторонников протеста и членов сетевой структуры;

6. На основе данных количественного онлайн-опроса участников молодежных протестных сообществ и транскриптов глубинных интервью были выделены и охарактеризованы три основные стратегии использования сетевых протестных сообществ, сформированные на основе мотивов и специфики взаимодействия между их участниками. Первую стратегию можно условно обозначить как информационно-коммуникационную. Этой стратегии придерживаются респонденты в возрасте от 27 до 35 лет, предпочитающие использовать социальные сети «Фейсбук» и «Твиттер», обладающие высшим образованием и средним уровнем материального благосостояния. Следующая стратегия обозначена нами как мобилизационная. Участники молодежных протестных сообществ, отнесенные к данной стратегии, используют виртуальные социальные сети «Фейсбук», «Твиттер» и «Вконтакте», а также такие ресурсы, как Newsru.com, slon.ru, gazeta.ru, meduza.io. Средний возраст пользователей виртуальных протестных сообществ, придерживающихся мобилизационной стратегии, составляет 24 года. В этой группе доминируют пользователи с высшим и незаконченным высшим образованием, обладающие низким или средним уровнем личных ежемесячных доходов. Третья стратегия обозначена нами как деструктивная. Ее придерживаются наиболее молодые пользователи сетевых протестных сообществ, находящиеся в возрасте от 17 до 22 лет. Сторонниками деструктивной стратегии используется только социальная сеть «Вконтакте». Типичный участник протестного сообщества, отнесенный к данной стратегии, обладает общим средним или средним специальным образованием и проживает в городе или районном центре. Пользователи,

отнесенные к данной стратегии, отличаются активными призывами к участию в реальных акциях протеста, активным распространением информации о них.

7. На основе построения иерархических регрессионных моделей определена степень влияния виртуальных сетевых структур на протестное поведение молодежи, при этом выявлено, что значительное влияние оказывают сообщества, обладающие следующими сетевыми характеристиками: количество участников – от 417 до 16924 человек; количество симметричных связей в сообществе – от 17 до 42% от общего количества членов группы; количество отслеживаемых участников сообщества – не менее 10% от общего числа участников конкретного сетевого сообщества; количество пользователей, состоящих в сообществах аналогичной направленности – не менее 19%; преобладающий возраст членов сообщества – 14-19 лет ($R^2=0,61$). Сетевые структуры, не обладающие указанными характеристиками, не оказывают существенного влияния на формирование протестной активности в молодежной среде.

Применение динамического моделирования случайных графов позволило рассчитать жизненный цикл сетевого молодежного протестного сообщества, выступающего одной из детерминант активизации молодежного протеста в реальной жизни. На начальной стадии происходит его зарождение, когда вокруг лидера консолидируется не менее шестнадцати его последователей. На стадии формирования осуществляется установка связей между участниками сообщества. На следующем этапе сетевая структура становится самоорганизующейся системой. На этом же этапе жизненного цикла оказывается наиболее сильное влияние на протестные сообщества в реальной жизни. Завершается жизненный цикл молодежного протестного сетевого сообщества стадией дифференциации на более мелкие протестные виртуальные структуры.

Теоретическая значимость исследования состоит в дополнении социологического знания о специфике функционирования молодежных сообществ в виртуальных социальных сетях. Полученные в ходе исследования результаты расширяют проблемное поле изучения социального протеста и современных сетевых структур. Ряд выводов и обобщений, приведенных в диссертационном исследовании, могут способствовать построению прогностических моделей виртуальных социальных сетей и социальных организаций.

Выявленная специфика влияния виртуальных сообществ на протестное поведение молодежи может быть основой для дальнейшего изучения сетевых структур. Знания о стратегиях использования виртуальных сетевых сообществ их участниками могут быть полезны для дальнейших теоретических разработок в области изучения влияния сетей на специфику социального поведения различных социальных групп.

Практическая значимость исследования заключается в разработке инструментария исследования влияния виртуальных сетевых сообществ на протестное поведение современной молодежи. Осуществленное исследование создает научную основу для дальнейшего изучения протестных сетевых структур и сообществ.

Материалы и результаты исследования могут быть адресованы представителям органов государственной власти и местного самоуправления, молодежным общественным организациям, органам управления образованием, а также правоохранительным структурам и специальным службам.

Методическая часть диссертационного исследования может быть востребована при разработке программ эмпирических исследований виртуальных сетевых сообществ. Отдельные результаты диссертационной работы могут использоваться для разработки содержания спецкурсов в образовательном процессе в организациях высшего и среднего

профессионального образования по дисциплинам: «Социология молодежи», «Социология новых медиа», «Социология девиантного поведения», «Методология и методика социологических исследований», «Социология социальных изменений», «Политическая социология», «Современные социологические теории», «Социально-сетевой анализ в социологии».

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Отраженные в диссертации научные положения соответствуют области исследования специальности 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы, пункту 1. Социальная структура и социальная стратификация. Понятие «социально-стратификационная структура общества». Различные критерии социальной стратификации; пункту 2. Основные методологические подходы к изучению социальной структуры. Одномерность и многомерность стратификации; пункту 8. Историко-теоретический анализ формирования новых социально-групповых общностей, их взаимодействия и иерархии; пункту 11. Социальная динамика и адаптация отдельных групп и слоев в трансформирующемся обществе; пункту 29. Проблемы социальных конфликтов, социальной напряженности, проявления группового, корпоративного эгоизма; пункту 30. Возрастные когорты в системе социально-структурных отношений. Молодежь на рынке труда, перспективы трудоустройства. Региональные особенности.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры социологии Северо-Кавказского федерального университета и рекомендована к защите по специальности 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы.

Результаты исследований докладывались и получили позитивную оценку на международных и всероссийских научно-практических конференциях: Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы социального развития российской молодёжи и пути оптимизации

государственной молодежной политики» (г. Краснодар, 2012); Международная научно-практическая конференция «Время перемен: проблемы общества – ответы социологии»; III Северо-Кавказские социологические чтения (г. Ставрополь, 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Прошлое, настоящее и будущее российской цивилизации» (г. Ставрополь, 2013 г.); Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013» (г. Севастополь, 2013 г.); Межрегиональная научно-практическая конференция «Социально-философские проблемы развития общества и личности» (г. Краснодар, 2014); Всероссийская научно-практическая конференция «Новые контуры социальной реальности»; IV Северо-Кавказские социологические чтения (г. Ставрополь, 2015 г.).

Основные положения диссертационной работы нашли отражение в 12 публикациях, общим объемом 4,5 п. л., в том числе в четырех статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России

Структура и объем работы. Диссертация включает введение, две главы, состоящие из пяти параграфов, заключение, список литературы, приложения. Общий объем работы – 183 страницы. Список использованных источников информации состоит из 165 наименований, в том числе, 85 – на английском языке.

Глава 1.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ПРОТЕСТНУЮ АКТИВНОСТЬ

1.1 Методология сетевого анализа в современной социологии

Анализ социальных сетей как специализированный методологический подход в настоящее время применяется в таких отраслях научного знания, как биология, статистика и социология. Анализ социальных сетей является одним из разделов теории социальных сетей. Данный подход на современном этапе представляет большой интерес для исследователей в области социальных наук. Социальные сети оказывали и продолжают оказывать значительное влияние на социальные сообщества на протяжении многих веков. В течение последнего десятилетия основной научный интерес социологов, психологов, математиков и специалистов компьютерных наук был сосредоточен вокруг виртуальных социальных сетей в силу очевидного влияния Интернета и коммуникационных технологий на социальное взаимодействие в современном обществе.

На протяжении многих лет исследования были посвящены анализу офлайн сетей или же простых виртуальных сетевых образований. В настоящее время специалисты в области физики и компьютерных наук стали законодателями исследовательской моды в области изучения сложных виртуальных сетей, состоящих из нескольких отдельных социальных сетевых образований.

Методология сетевого анализа является, на наш взгляд, одним из наиболее удачных научных подходов для концептуализации социальных взаимодействий и отношений различных групп населения, в том числе современной молодежи. Не касаясь виртуального аспекта, можно утверждать, что социальные сети определяются как межличностные условия, которые

составляют индивиды, и их отношения с другими людьми [147, с. 164]. Структуру сети составляют акторы и субъекты их взаимодействия [130]. Социальные сети концептуализируются и описываются специфическими характеристиками соединений, такими как близость, частота контактов, плотность, промежуточность и многими другими [164].

Исследование различных социальных сетей предоставляет важную информацию о социальных отношениях, формах и способах социальных взаимодействий, а также может предоставлять ученым данные о способах социальной поддержки, типичных для данной конкретной сети. Последнее обстоятельство является наиболее ценным при изучении протестной активности современной молодежи.

Методология сетевого анализа как самостоятельное научное направление начала развиваться с эмпирических исследований различных сетевых структур. Социологическим же объяснениям изучаемых явлений и процессов уделялось явно недостаточно внимания. Основной исследовательский акцент был направлен на совершенствование эмпирических методов сбора и анализа сетевых данных. Сетевая теория стала развиваться относительно недавно и в настоящее время является предметом острых научных дискуссий и концептуальных дополнений. Основные теоретические вопросы касаются роли сетевого анализа в современной социологии и концептуализации языка описания и эвристических возможностей данного направления.

Мы полагаем, что сетевой анализ является полноценным методологическим подходом и обладает не только эмпирическими возможностями, но и существенным теоретическим потенциалом в исследовании многих процессов и явлений, прежде всего, влияния социальных сетей на протестную активность современной молодежи.

Основным отличием сетевой теории от других социологических подходов является его концентрация на концептуальных особенностях социальных

отношений между акторами. Основываясь на ключевых положениях сетевой теории, ее сторонники концентрируются на объяснении социальных структур и их влиянии на взаимодействие акторов внутри данных структур. Именно поэтому мы полагаем сетевую теорию наиболее подходящей для данного диссертационного исследования.

В сетевой теории различают две большие группы сетей, а именно социоцентричные и эгоцентричные. Социоцентричные сети включают в себя связи между всеми участниками конкретного сообщества. Отдельные акторы являются предметом исследования эгоцентричных сетей.

Наиболее известной теоретической концепцией сетевой теории является концепция сетевого общества М. Кастельса, которая подробно описывает роль информационных и компьютерных технологий в современном обществе [35]. По его мнению, иерархические принципы организации социальных общностей постепенно уступают место сетевым основам организации общества. Исследуя современное общество, М. Кастельс приходит к выводу о том, что сетевая структура распространяется благодаря динамичному развитию информационных и компьютерных технологий, а также процессам глобализации общества.

Канадский социолог Б. Уэлман полагает, что социальные сети существуют внутри телекоммуникационных и компьютерных сетей. И их взаимопроникновение проявляется во влиянии сетей на реальное поведение различных социальных групп и общностей. На основе многочисленных эмпирических исследований Б. Уэлман делает вывод о том, что социальные общности как форма социальной самоорганизации продолжают развиваться, переходя, в том числе, и в виртуальную сферу. Б. Уэлман считает сообщество не локальным, но пространственным феноменом, не имеющим в настоящее время четких географических границ. Люди же в современном глобальном мире чаще отождествляют себя не с конкретными устойчивыми группами, а с часто

меняющимися сетями. В концепции сетевого общества Б. Уэлмана ключевым понятием является социальный капитал.

Один из теоретиков сетевого подхода Р. Коллинз на основе исследования профессиональных сетей ученых делает вывод о том, что особую роль в сетевой структуре играют личные контакты и сетевая структура [37].

Обобщая указанные идеи, можно говорить о том, что благодаря теоретическим концепциям М. Кастельса, Б. Уэлмана и Р. Коллинза, сетевая теория получила распространение в научном социологическом сообществе. Специфика сетевой теории проявляется в каждом конкретном исследовании через описание сетевых структур и специфику взаимодействия акторов внутри этих структур.

Сетевой анализ в общественных науках начал активно развиваться более ста лет назад. Обобщенно он представляет анализ набора узлов, объединенных различными смысловыми связями. Узлы или участники могут состоять из любого типа объектов: от отдельных лиц до организаций или стран. Связи в социальных сетях обычно концептуализируются как социальные отношения или взаимодействия. В сетевом анализе принципиальное значение имеет положение о том, что набор связей, которые связывают узлы, не является независимым. Связи в социальной сети соединены между собой таким образом, что узлы оказывают косвенное влияние друг на друга. Пути, которые соединяют узлы в сети, формируют структуру, в которой каждый узел занимает определенное положение. Основным принцип методологии сетевого анализа состоит в том, что позиция узла в структуре помогает определить возможности и ограничения, с которыми он может столкнуться при взаимодействии в данной сети.

В обзоре литературы по социальным сетям С. Боргатти и П. Фостер [107, с. 991–1013] попытались обобщить все множество подходов к пониманию данного феномена. Исследователи описывают многообразие подходов к

исследованию данного феномена в соответствии с двумя осями: объяснительные цели (социальная однородность или вариативность исполнения) и механизмы объяснения (сетевой контент или структуры).

Ученые пытаются объяснить ценность социальных сетей, изучая контент, который проходит через сети или же структуру сетей. Контент относится к ресурсам, доступным в сети (например, информация, слухи, деньги и т. д.). Структура относится к идентифицируемым шаблонам узлов и связей в сети.

Некоторые исследователи утверждают, что характер контента (например, наличие доступных ресурсов в сети) определяет ценность данной сети [153]. Фактический контент, которым обмениваются участники виртуальной структуры, создает сеть отношений сотрудничества, которые порождают нормы, доверие, общую цель и координацию, то есть социальный капитал [115, с. 346–362]. Например, обмен подарками может способствовать развитию социального капитала в организации или сети [128].

Различные типы контента отличаются своим перемещением по сетям. В контексте социальных сетей сетевой контент – это цифровой контент пользователей, который может предоставить информацию, влияние или социальную поддержку [117, с. 346–362]. Цифровой контент передается по сетям иначе, чем другие типы контента. Физический объект, перемещающийся по сети, занимает только одно место за раз, тогда как цифровыми ресурсами можно копировать, манипулировать, агрегировать и осуществлять поиск. Хотя цифровое содержимое соответствует методологии сетевого анализа, его отличительные характеристики могут означать, что для исследований социальных сетей требуется специализированные подходы и теории с адаптацией к традиционным сетевым исследованиям.

Другие исследователи противопоставляют контентный подход к изучению социальных сетей сосредоточением внимания на особенностях структуры или топологии сети, таких как обилие структурных дыр (отсутствие

связей между членами в личной сети), которые могут быть основным источником преимуществ в сети.

Сетевая методология предлагает исследователям широкий набор метрик для описания сетевых структур [163]. Поскольку связи – это отношения или взаимодействия, их достаточно трудно наблюдать и количественно оценивать в традиционных социальных сетях. Платформы для социальных сетей формализуют отношения или взаимодействия между узлами, представляя их в структуре данных, работающей на компьютеризированной платформе. Эта формализация обеспечивает реляционные возможности социальных сетей, которых нет в офлайновых сетевых структурах, включая простоту визуализации и анализа виртуальных соединений. Однако формализм платформ социальных сетей также ограничивает реляционные возможности, такие как ограничение количества оттенков, которые люди могут отнести к виртуальным статусам, таким как «друг» или «последователь» [140, с. 211–220]. Если люди ограничиваются установлением аналогичных формальных связей с множеством других, включая доверенных лиц, случайных знакомых и членов их семей в своих социальных сетях, платформа унифицирует все эти реляционные связи как эквивалентные (например, друзья, контакты). Таким образом, в то время как традиционная методология сетевого анализа говорит о том, что означает связь, но испытывает трудности с получением этих социальных данных и их объективным измерением, виртуальные социальные сети могут объективно оценивать связи через их цифровые следы, но испытывают затруднения с описанием социальных контекстов и детерминант взаимодействий.

Для данной работы большое значение имеет рассмотрение влияния социальных сетей как на индивидуальные отношения между людьми, так и на формирование у социальных групп подростков и молодежи различных паттернов протестного поведения как в реальной, так и в виртуальной жизни.

П. Виссер и Р. Мирабиле в своих исследованиях изучали влияние социальных сетей на межличностные отношения людей и влияние на данные отношения однородных (похожих) и гетерогенных (разнородных) сетей [166, с. 779–795]. Они провели четыре различных исследования, чтобы определить, повлияло ли отношение членов социальной сети на отношение к конкретным людям, а также определили силу устойчивости подобных отношений.

В частности, они обнаружили, что в однородных (пропорционально конгруэнтных) сетях мнение одних участников сети о других было подкреплено личными взаимодействиями с участниками сети, разделявшими их ценности и взгляды.

П. Виссер и Р. Мирабиле протестировали ряд потенциальных медиаторов, чтобы объяснить взаимосвязь между членами конкретной социальной сети и силой социальных связей в ней. Они обнаружили, что амбивалентность отношений явилась детерминантой, которая наилучшим образом характеризует различия между двумя типами сетей, а именно: для гетерогенных социальных сетей амбивалентные взаимодействия участников являются более типичными, чем для сетей однородных. Кроме того, люди в гетерогенных социальных сетях склонялись к изменению своих взглядов и установок, когда сталкивались с сообщениями в СМИ, противоречащими их личным убеждениям. В это же время участники однородных социальных сетей, которые испытывали меньшую амбивалентность и имели более с определенными отношения, чаще могли противостоять внешнему влиянию, в том числе со стороны СМИ.

Учитывая интересные и неоднозначные выводы, полученные П. Виссером и Р. Мирабиле, в данной работе также будет предпринята попытка оценить влияние гетерогенных и гомогенных молодежных социальных сетей на протестную активность их участников.

Мы полагаем, что исследование влияния социальных сетей на взаимодействия между их участниками в определенных условиях внешней

среды, например, активного развертывания протестных действий в офлайне, также является важным приращением теоретико-прикладного знания для современной отечественной социологической науки.

Основной вектор внимания в данном диссертационном исследовании будет сосредоточен на нескольких параметрах взаимодействия участников виртуальных объединений, а именно:

- 1) характер социальных отношений между участниками сети;
- 2) качество социальных отношений;
- 3) характеристика интенсивности взаимодействий в сети (сила связи);
- 4) характеристика амбивалентности участников сети.

Проанализировав зарубежные исследования, построенные на методологии сетевого анализа, можно также констатировать, что специфика и тематическая направленность различных виртуальных сообществ также имеет значение в исследовании их влияния на протестное поведение участников таковых сообществ. В связи с этим в эмпирической части данной работы предполагается исследовать то, как различные типы коммуникации формируются в зависимости от сетевого контекста и тематики конкретного виртуального сообщества.

Одна из задач данного исследования заключается в том, чтобы оценить, может ли взаимодействие внутри виртуальной социальной сети привести в определенных обстоятельствах к конкретным действиям этих людей в реальной жизни.

При решении этой нетривиальной задачи автор опирается на работы различных авторов, в частности, на исследования Дж. Форгаса и К. Вильямса о влиянии социальных сетей на межличностные взаимодействия индивидов [139]. Существенное значение в изучении влияния социальных сетей на протестное поведение имеют однородные социальные сети (т. н. «гомофилия»). Самые ранние исследования однородности в социальных сообществах были сосредоточены на небольших группах, в которых этнографический наблюдатель

мог легко установить все связи между членами данной группы. Поэтому первые систематические доказательства свойств однородности в неформальных сетевых связях были получены от школьников, студентов колледжей и молодежи небольших городских кварталов. Первоначальные сетевые исследования показали существенные признаки однородности по демографическим характеристикам, таким как возраст, пол, этническая принадлежность и образование, и по таким психологическим особенностям, как интеллект, отношения и ценности [108, с. 88].

К середине XX столетия сложилась устойчивая исследовательская традиция с двумя основными направлениями. Поскольку проблемы расовой и школьной десегрегации доминировали на политической арене США, многие исследователи сосредоточили внимание на масштабах неформальной сегрегации в недавно дезагрегированных школах, автобусах и других общественных местах, в то время как социологические исследования взаимодействий были не так популярны, как изучение этнических стереотипов. Вторая традиция строилась вокруг гипотезы о том, что группы сверстников являются важным источником влияния на поведение людей (особенно среди подростков). Это обстоятельство особенно важно в контексте нашего исследования.

В 1970–1980-е годы ученые впервые применили к изучению социальных сетей технологию современных выборочных обследований. Эти масштабные исследования также позволили одновременно изучать явление гомофилии в сетях по многочисленным социально-демографическим и психологическим признакам. Последние работы в этой области сосредоточены на организационных контекстах сетей. Интерес к воздействию сетей на индивидуальную карьеру человека, успехи организаций стимулировал многочисленные исследования организационных сетей [158, с. 673–703].

В этой связи П. Лазарсфельд и Р. Мертон выделяют два типа гомофилии: гомофизический статус, в котором подобие основано на неформальном, формальном или приписанном статусе, а также подобие, которое основано на ценностях, установках и убеждениях [160]. Статус подобия или однородности включает в себя основные социально-демографические аспекты, которые стратифицируют связанные с обществом характеристики, такие как раса, этническая принадлежность, пол или возраст, и приобретенные статусные особенности, к которым относят образование, профессию или модели поведения. Ценность данного феномена для исследования социальных сетей включает в себя широкое разнообразие социальных ролей, которые формируют основные поведенческие модели личности.

Таким образом, при исследовании влияния виртуальных сетевых сообществ на протестное поведение современной молодежи особое внимание будет уделено анализу гомогенных характеристик, влияющих на сплочённость сетевых структур.

Кроме того, изучение влияния социальных сетей на протестное поведение предполагает также оценку расположения и группировки членов сетевых сообществ. Подобные меры в сетевом анализе позволяют определить ролевые характеристики участников сетевых сообществ, а также кластеров, образующихся внутри виртуальной структуры.

Далее необходимо коротко остановиться на основных показателях сетевого анализа, которые будут использованы для оценки влияния социальных сетей на протестное поведение современной молодежи.

Первым и одним из наиболее важных показателей, использующихся в методологии сетевого анализа, является различная степень центральности узлов социальной сети [159]. Основным смыслом этой степени центральности в сетевом анализе заключается в предположении о том, что тот участник сети, кто имеет большее количество связей, занимает в сообществе главенствующее положение.

Недостатком этой меры сетевого анализа является то, что количество социальных контактов не всегда отражает их качественные и содержательные характеристики [3, с. 106–123]. При этом особенно важно обращать внимание на то, каким образом связаны между собой пользователи социальных сетей.

Промежуточность является мерой, которая позволяет оценить, сколько кратчайших путей в сети проходят через определенный узел. Данная характеристика сетевого анализа может послужить ответом на вопрос о том, насколько конкретный узел сети играют важную роль в соединении других участников сети. Кроме того, данная мера позволяет определить, насколько тот или иной участник сетевого сообщества способен контролировать свое социальное окружение. Иными словами, чем выше степень центральности по посредничеству у конкретного индивида, тем большим объемом социального капитала он обладает [93].

Центральность по близости позволяет оценить, насколько конкретный узел (пользователь сети) близко расположен к другим участникам данной конкретной сети. Л. Фриман полагает, что данная мера служит показателем того, насколько конкретный пользователь (узел сети) может быть восприимчив к различного рода информационным воздействиям [140, с. 544]. Данная метрика сетевого анализа служит также показателем того, насколько быстро может распространяться информация в конкретном виртуальном сообществе. Для исследования молодежных протестных сообществ этот показатель имеет особое значение, поскольку позволяет оценить включенность конкретных участников сети в общесетевое взаимодействие.

Кроме индивидуальных показателей центральности, в сетевом анализе существенное значение имеют также и групповые меры центральностей, демонстрирующие, насколько различаются участники виртуальных сообществ по индивидуальным значениям собственных центральностей.

Наиболее важной в контексте данного исследования является такая мера групповой центральности, как центральность по собственному вектору, которая демонстрирует, насколько зависимы друга от друга центральности конкретного актора и его ближайшего окружения в сети.

Следующим важным показателем в сетевом анализе является мера сплоченности подгрупп в сети. Сплоченность – одна из базовых характеристик сообществ. Одним из основных индикаторов сплоченности сообщества является идентификация его клика. В теории графов кликой называется «максимально плотный подграф, включающий не менее трех вершин...» [161, с. 596].

Перечисленные сетевые метрики, в частности показатели центральности, являются важными индикаторами измерения влияния социальных сетей на протестную активность современной молодежи. Кроме упомянутых показателей, исследователи социальных сетей пытаются объяснить ценность социальных сетей через контент, который они генерируют. Характер потоков контента в социальных сетях относится к наиболее распространенным ресурсам, доступным в социальных сетях, и определяет ценность данной сети [131].

Фактический контент, которым обмениваются участники сетевых сообществ, определяет специфику отношений сотрудничества, которые порождают нормы, доверие, общую цель и координацию, то есть социальный капитал. Например, обмен подарками может способствовать развитию социального капитала в организации или сети. Различные типы контента отличаются своим перемещением в виртуальных сетях.

В ходе развития методологии сетевого анализа в рамках социологической науки исследователями было обнаружено, что многие сети естественным образом делятся на сообщества или модули. Проблема обнаружения и характеристики этих модулей в настоящее время является одной из актуальных проблем для сетевого анализа. Наиболее известным подходом, используемым

для обнаружения скрытых сообществ в сети, является оптимизация функции качества, известная как «модулярность». Модулярность в виртуальных сообществах может быть выражена через собственные векторы сетевой матрицы. Иными словами, модулярностью называется один из наиболее действенных механизмов кластеризации сетевых сообществ [162]. К достоинствам модулярности относится относительная простота интерпретации данного алгоритма. Модулярность возможно просчитать при относительно небольших размерах кластеров. В эмпирической части диссертационной работе алгоритм модулярности будет применен при кластеризации молодежных виртуальных протестных сообществ.

Обнаружение структуры сообщества возможно рассматривать также как метод анализа данных, используемый для определения структуры виртуальных сетей. Методы анализа структуры сообществ говорят о том, что представляющая интерес сеть естественным образом делится на подгруппы, а работа исследователя заключается в поиске этих групп. Количество и размер групп в методологии сетевого анализа определяются самой сетью, а не исследователем.

Итак, если говорить об особенностях сетевой методологии, то ее специфика заключается в следующем:

- 1) в сетевой методологии основное внимание уделяется структуре отношений внутри социальной сети;
- 2) акторы могут являться как индивидуальными участниками сообщества, так и его коллективными агентами, что позволяет исследовать как микро-, так и макроструктуру виртуальных сообществ. Таким образом, сетевой подход позволяет изучать многоуровневую структуру сетевого взаимодействия;
- 3) сетевая структура состоит и из субъектов, и из потоков ресурсов, которыми участники сети обмениваются между собой;

4) способы сетевых взаимодействий в сообществах определяют тенденции и специфику развития самой сетевой структуры;

5) сетевые структуры не обладают четкими границами и не имеют количественных ограничений. Это допущение имеет значение при исследовании горизонтальных типов социальных взаимодействий и так называемых «слабых связей» между акторами сети;

6) сетевые структуры во многом определяют индивидуальные и коллективные действия акторов конкретной сети. Источниками структурных ограничений для индивидуальных и коллективных акторов являются эмерджентные свойства сетевых структур. Это обстоятельство детерминирует непреднамеренные действия акторов сети, последствия которых могут являться неосознаваемыми для ее участников;

7) пространство социальных сетей представляет собой совокупность статусов, ролей, взаимодействий и ресурсов. В этом пространстве акторы находятся согласно типичным для них взаимодействиям. В связи с этим субъекты, находящиеся друг от друга на расстоянии тысяч километров, могут быть ближе друг другу, чем соседи по дому.

Таким образом, сетевая методология представляет собой цельную и непротиворечивую систему концептуализации социальных отношений и описания общественных явлений в целом. Методология сетевого анализа позволяет исследователю выйти за рамки традиционных научных подходов и концепций благодаря изучению структуры взаимодействий и ее фундаментальных основ. Методология сетевого анализа позволяет также исследовать социальные отношения на всех уровнях социальной организации общества. В рамках сетевой теории и методологии сетевого анализа именно взаимодействия рассматриваются в качестве ведущей детерминанты социального поведения индивидов. Именно в связи с этим выбор сетевой методологии в качестве ведущего концептуального подхода для исследования

влияния социальных сетей на протестную активность современной молодежи представляется вполне оправданным.

В следующей части диссертационного исследования будут рассмотрены концептуальные основы исследования протестной активности современной молодежи.

1.2 Теоретические основы изучения протестной активности молодежи

Традиционно повышенное внимание к социологическому осмыслению различных молодежных проблем объясняется ее особой ролью в социальном воспроизводстве. Молодежь традиционно является наиболее активной социально-демографической группой населения, реализующей свои активности во всех сферах жизни общества. Молодежь в гораздо большей степени устремлена на повышение социального статуса и освоение новых ролей, чем представители других социально-демографических групп.

Проблемы формирования и развития социальной активности молодежи находятся в фокусе внимания представителей гуманитарных и социальных наук. Современный период развития России характеризуется наличием весьма обширных возможностей для реализации молодыми людьми своего гражданского потенциала. Социально-политические трансформации последних десятилетий в нашей стране предоставили всем социальным группам населения множество возможностей для реализации различных форм социальной активности. Многие группы населения, в том числе и молодежь, получили возможности для проявления и реализации своей гражданской активности и общественного участия. При этом многочисленные социологические исследования говорят о том, что востребованность имеющихся возможностей общественного участия населением в настоящее время весьма невелика. В связи с этим перед социологами, занимающимися исследованиями проблем молодежи (М. Буданова, О. Гаранин, И. Дзялошинский, Р. Зинурова, Ю. Зубок, В. Левичева, В. Чупров и др.), встают многочисленные вопросы о том, преодолевается ли у молодежи противоречие между обширными возможностями, предоставляемыми им для реализации своей гражданской и социально-политической активности, и низким уровнем востребованности легитимных общественных институтов, предоставляющих данные возможности для самореализации.

В то же время многочисленные свободы и относительная легкость создания политических и общественных объединений привели к появлению множества молодежных организаций радикального и экстремистского толка. Многочисленные мониторинговые исследования проявлений экстремизма и других форм радикального протеста молодежи, проводимые в последние пять лет в большинстве регионов России, показывают, что молодые люди, склонные к проявлению различных форм протеста, являются гораздо более социально активными, чем другие их сверстники. Ученые, занимающиеся исследованиями протестного поведения молодежи (Е. Ефанова, А. Гапич, Г. Косов, И. Ксенофонтова, О. Кубякин, Э. Понарин и др.), подчеркивают: несмотря на то что молодежь в России не является политически активной группой населения, именно у этой категории населения наблюдается устойчивый рост протестных настроений, иногда переходящих в экстремизм [25 с. 54–56].

Кроме того, интенсивное развитие информационных и компьютерных технологий обуславливают появление принципиально новых практик проявления социальной активности молодежи, что находит выражение, в том числе в появлении нетрадиционных форм выражения социального протеста, которые еще недостаточно изучены в рамках современной социологической науки [16 с. 137–140].

Отличительной чертой и следствием технологизации социального мира является усиление социальной стратификации в молодежной среде, снижением возможностей для вертикальной социальной мобильности, формирование девиантных субкультур и движений, что негативно влияет на социальную безопасность всего российского общества. В связи с этим увеличивается актуальность не только теоретических исследований, но и эмпирических изысканий в исследовании форм и механизмов формирования протестной активности современной молодежи.

Актуальными для отечественной социологической науки являются также вопросы о динамике социального протеста в молодежной среде, специфике его проявления, а также о доминантах и факторах, влияющих на появление протестных настроений в молодежной среде.

«Молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми и другими социально-психологическими свойствами» [38, с. 151].

Именно молодые люди в современном глобализированном обществе являются активными субъектами преобразования и формирования социума. Процесс социализации молодежи осуществляется в условиях отмены прежних ценностей и формирования новых типов социальных отношений. Современным молодым людям необходимо адаптироваться к современным вызовам и реалиям, усвоить систему социальных взаимодействий в различных сферах жизнедеятельности общества. Молодежь можно охарактеризовать статусными характеристиками родителей или будущим статусом, связанным с получением профессии и дальнейшей карьерой.

Изучаемая в рамках данного исследования социально-демографическая группа является основной движущей силой современных общественных изменений. Проявление различных форм активности молодыми людьми может иметь для общества как позитивные, так и негативные последствия и явиться фактором его социальной напряженности.

Изучение влияния виртуальных сетей на протестную активность современной молодежи обусловлено следующими обстоятельствами.

1. Отсутствие в современной отечественной социальной науке комплексных исследований молодежного протеста в условиях распространения глобальных виртуальных коммуникаций.

2. В настоящее время недостаточно исследовано влияние информационных технологий на современный политический процесс. При очевидных положительных следствиях внедрения и распространения виртуальных коммуникаций налицо и многочисленные негативные проявления этого влияния, таких как попытки использования их потенциала в экстремистских и террористических целях.

3. Тенденция к политизации современной российской молодежи обуславливает ужесточение конкуренции за влияние на молодое поколение как за важный электоральный ресурс. Одним из механизмов подобной конкуренции являются виртуальные социальные сети и сетевые сообщества. Угрозы и риски виртуальных сетей как механизма использования молодежи организациями радикального толка актуализирует изучение влияния виртуальных сетевых сообществ на протестную активность молодежи.

4. Интернет в целом в настоящее время уже является основным информационным источником, из которого молодые люди получают сведения о наиболее важных социально-политических событиях. Наряду с этим ученые отмечают возрастание негативного влияния различных информационных ресурсов на молодое поколение. В связи с этим важным является анализ воздействия различных интернет-источников на массовое сознание молодежи.

5. Молодежь есть не только главный двигатель процесса модернизации, но и существенный фактор социальной нестабильности. В связи с этим выявление и характеристика мотивационных факторов протестного поведения молодежи может положительно сказаться на социально-психологическом климате всего общества.

Мы полагаем, что исследование влияния виртуальных сетей на протестную активность невозможно без рассмотрения более широкого понятия «социальная активность». В современной социологической науке социальная активность рассматривается в качестве меры преобразующей деятельности,

основанной на рефлексии необходимости конкретных действий, цели которых детерминированы социальными потребностями [23 с. 67].

С. А. Потапова трактует социальную активность как «социально-психологическую, ценностную, профессиональную установку субъекта, реализуемую в его деятельности» [60]. Согласно ее концепции, социальная активность проявляется в деятельности и ценностных установках молодого поколения. Говоря о социологической трактовке данного термина, необходимо отметить, что исследуемую категорию следует рассматривать, прежде всего, в контексте теорий социального действия.

В теории Т. Парсонса социальное действие представляется как система и как единичное явление. М. Вебер под социальным действием понимал конкретные проявления деятельности человека, которые соотносятся с действиями других индивидов. Основными признаками социального действия являются саморефлексия вариантов поведения и ориентация на реакцию ближайшего социального окружения [12 с. 164].

В целом в структуре мотивов протестной активности выделяют следующие подструктуры:

- 1) целеполагание, основанное на констелляции личных и общественных интересов;
- 2) потребности, детерминированные социально-демографическими особенностями юношей и девушек;
- 3) рамочная структура, находящая проявление в виртуальном пространстве.

Осуществленный анализ теоретических источников по проблеме исследования позволяет утверждать, что молодежь реализует собственную активность главным образом в трудовой, рекреационной, досуговой и социально-политической сферах. Каждое из указанных направлений активно исследуется социологическими методами на основе эмпирически апробируемых

критериев и показателей. Кроме того, реализация представителями молодежи данных направлений в настоящее время тесно связана с использованием возможностей виртуального пространства. Необходимо также заметить, что указанное обстоятельство обуславливает анализ влияния виртуальных структур на протестную активность современной молодежи, который будет представлен в следующем параграфе диссертационного исследования.

Сама же проблематика протеста в настоящее время недостаточно активно изучена в отечественной социологии. В исследовании данного феномена можно проследить несколько этапов.

На первом этапе (1960–1970-е гг. XX века) анализировалось происхождение и закономерности протестных движений на западе. Большинство работ, выпущенных отечественными обществоведами в это время, содержали критику западных концептов, которым противопоставлялись теории революции и классовой борьбы. Наибольшую активность в исследовании протеста в СССР проявляли представители философских наук, в частности, В. Большакова и К. Мяло.

С конца 1980-х годов XX века начинается следующий период исследования протеста, когда предметом изучения становятся особенности и специфика данного феномена, проявляющиеся в советском обществе. В это время развивается одна из теорий среднего уровня – социология общественных движений. В работах этого периода можно выделить труды Э. Баталовой, Д. Ольшанского, Ю. Левады и других представителей советской социологической школы.

С началом 1990-х годов в России стали активно осуществляться исследования социального недовольства и социального самочувствия различных категорий и групп населения страны. Во многом это стало заслугой появившихся центров исследования общественного мнения (ВЦИОМ, РОМИР, VoxPopuli) и академических научно-исследовательских институтов (Институт

социологии РАН, Институт социально-экономического развития территорий РАН). Так, в частности, в работах ВЦИОМ приводятся данные мониторинговых исследований протестного поведения населения начиная с 1992 года.

Исследования феномена протеста представлены в зарубежной социологической науке в рамках изучения аномии, теории дезорганизации и других подходов, акцентирующихся на девиантных моделях поведения индивидов. В рамках психологической науки протест изучается в контексте многочисленных теорий социального стресса. Исследования социальных протестов в рамках конфликтологии связаны с изучением распространения насильственных действий в ситуации протеста.

В зарубежных социальных науках можно выделить три большие группы моделей, концептуально характеризующих феномен социального протеста. Наиболее распространенной из них является концепция коллективного действия. Данная концепция пытается обосновать неорганизованное и стихийное поведение индивидов, реагирующих на угрожающую ситуацию.

Среди теорий коллективного поведения особенно выделяется теория массового заражения Г. Лебона, концепция конвергенции Г. Олпорта, теория прирастающих ценностей Н. Смелзера [18, с. 58–64].

Психологические концепции, исследующие проявления протеста, помогают охарактеризовать иррациональные факторы, влияющие на массовые деструктивные действия больших групп людей. Приверженцы концепции коллективного действия трактуют протест как один из типов социального поведения индивидов. Классики социальной психологии, такие как З. Фрейд, Г. Тард, Г. Лебон понимают протест как феномен, сущность которого следует искать в психологии масс и толп.

Классические социологические исследования протеста обычно связывают его с повышенным уровнем социального самочувствия. Социальные протесты в

данном контексте представляют собой движения радикальных масс, нарушающих закон и общественный порядок.

Другие ученые, исследующие социальный протест в рамках модели коллективного действия, полагают, что протестное поведение обусловлено социальными условиями в большей степени, чем психологическими особенностями индивида [22]. Так, американский социолог Н. Смелзер, исследуя природу протестного поведения, доказывает, что социальный протест является попыткой изменения социальной среды.

В последней четверти XX века в западной социологии стала весьма востребована теория мобилизации ресурсов, которая относится к такому направлению, как социология общественных движений. В рамках данного направления социальный протест представляется одной из форм политического конфликта в обществе.

В это же время на Западе получила распространение теория относительной депривации С. Стауффера [27, с. 161]. В рамках данной концепции характеризуются различные виды социально-экономических ограничений, создающие условия для возникновения социальной напряженности. Теория относительной депривации исходит из посыла о том, что социальный порядок в обществе поддерживается в том случае, когда люди обеспечены настолько, чтобы реализация собственных устремлений казалось достижимой. Под депривацией в данном случае понимается субъективное восприятие лишения имевшихся ранее благ.

Таким образом, в социологической науке традиционно сложились несколько фундаментальных теоретических направлений в изучении феномена социального протеста. Основными из них являются концепция коллективного действия, теория мобилизации ресурсов и теория относительной депривации.

В контексте сетевой методологии особое значение для данного исследования имеет концептуализация протеста. Сетевые теории протестной

активности сконцентрированы вокруг исследования влияния новых информационных технологий на протестную активность различных групп населения. В контексте данной группы теорий особое значение приобретают следующие три фактора:

- 1) изменение характера политического участия граждан;
- 2) трансформация политических процессов;
- 3) изменение характера коммуникации и распространения информации [237, с. 203].

Феномен массовой мобилизации населения и распространения протеста для многих ученых-обществоведов стал «неожиданным и непрогнозируемым одновременно» [84, с. 35]. Прежние теоретические модели объяснения социальных протестов перестали работать в условиях глобализированного мира. Один из сравнительно новых подходов к изучению феномена протеста в рамках сетевой методологии – теория «умной толпы» Г. Рейнгольда [114]. Ее основное положение состоит в том, что средства коммуникации сами по себе могут способствовать мобилизации больших групп людей и синхронизации их действий в реальном времени, концентрировать и самоорганизовывать большие массы людей и способствовать координации их действий. На практике это положение реализуется в протестных флэшмобах – массовых акциях, участниками которых становятся незнакомые друг с другом люди, объединившиеся с различными целями при помощи виртуальных средств коммуникации, и в других скоординированных акциях протеста.

Важным положением концепции Г. Рейнгольда является значимость виртуальной коммуникации как ресурса политической мобилизации различных социальных групп и общностей. Одним из самых показательных примеров является свержение в 2001 году президента Филиппин Дж. Эстрады. Г. Рейнгольд указывает не только на широкое распространение виртуальных

коммуникаций в мире, но и на имперсональный и децентрализованный характер социальных взаимодействий индивидов [114, с. 19].

Наряду с этим американский исследователь обращает внимание на то, что, наряду с распространением и повышением доступности современных средств связи и коммуникации, усиливается система контроля над пользователями этих технологий. Современные медиа и виртуальные сети способствуют утрате приватности и постулируют открытость современного информационного общества.

Еще один подход, который развивает К. Ширки в рамках сетевых теорий, концентрируется на исследовании неформальных организаций и их роли в самоорганизации граждан. Он выделяет несколько значимых изменений в концепции массового участия. Первое из них заключается в том, что виртуальные сети способствуют созданию децентрализованной горизонтальной коммуникации. Следующее изменение состоит в трансформации традиционных СМИ в цифровые медиа. Следствием этого является интеграции горизонтальных и вертикальных каналов коммуникации в социальных медиа. При этом виртуальные сети становятся не только местом, но и средством коммуникации.

Третье изменение заключается в стирании границ между производителем и потребителем информации в современном глобализированном обществе. Социальные медиа способствуют тому, что каждый пользователь становится потенциальным создателем информационного контента. К. Ширки считает, что при подключении к виртуальной сети каждый новый пользователь одновременно становится и производителем, и потребителем информации [229].

К. Ширки также полагает, что виртуальное пространство представляет собой распределенную, дешевую и не имеющую границ форму онлайн-коворкинга. По его мнению, каждое новое медиа стремится к достижению

гармонии и процветания в мире. Но гармонии не наступает, поскольку новые знания порождают новые социальные конфликты и напряженность.

В контексте теории К. Ширки постулируется тезис о том, что индивиды или социальные группы, которые не могут добиться социальных изменений с помощью законодательства, либо формируют протестные группы, либо оставляют идею социальных изменений [227, с. 27].

Тезис о том, что в случае наличия выгоды или вознаграждения, молодежь становится полноценным участником общественной деятельности, доказывает в своем исследовании Е. Невесенко. Им характеризуется комплекс механизмов, способствующих развитию социальной активности [98, с. 20].

В теоретических изысканиях М. Кастельса доказывается положение о том, что новые технологии способствуют формированию нового информационного общества. Он полагает, что виртуальные сети являются не просто инструментом и формой коммуникации, но выступают в качестве процессов власти и коммуникации.

Фундаментальное значение в информационном обществе приобретает способность изменения человеческого мышления. Санкции и социальный контроль становятся вторичными по отношению к горизонтальному характеру взаимодействия и коммуникации. Именно коммуникация становится в основе процессов конструирования изменений в структуре властных отношений и процессов взаимодействия в обществе [172, с. 19].

Анализ конкретных случаев массовых протестных явлений в современном мире приводит М. Кастельса к выводу о том, что мобильные коммуникации и виртуальные сети создали «пространство автономии» для свободно коммуникации и совместного участия. Виртуальные сети в данном случае выступают инструментом новых форм политической жизни, основанных на горизонтальных связях, неформальных лидерах и коммуникативной солидарности [172, с. 20].

С. Докука в своих исследованиях доказывает, что современные массовые коммуникации способствуют координации коллективных действий, в том числе в политической сфере [39].

На начальном этапе мобилизации умеренные пользователи осваивают типичные стереотипы и способы поведения в виртуальных сетях. На следующем этапе происходит эффект «заражения» какой-либо идеей с помощью горизонтальных коммуникаций. Третий этап характеризуется появлением виртуальных протестных сообществ. При этом число персональных коммуникаций в таких сообществах возрастает в геометрической прогрессии. На следующем этапе у пользователей протестных сообществ формируется дихотомия «мы – они», выступающая в качестве компонента для формирования протестной мотивации. Последний этап характеризуется поддержанием протестной активности в социальных сетях, когда реальные акции протестного характера в офлайне уже завершены [39, с. 128–129].

Следующий подход связан с теорией солидаризации Дж. Александера [157]. Он полагает, что ведущим фактором возникновения протеста выступает социальный перформанс. Дж. Александер доказывает, что изменения в социальной структуре общества не объясняют причин возникновения массовых протестов. По его мнению, в современном обществе основное противостояние разворачивается не между социальными классами, а между символическими репрезентациями. Основная часть подобных баталий осуществляется в виртуальных сетях, которые предоставляют обширные возможности для продвижения коллективных репрезентаций [133, с. 124].

«Сильная» программа культурсоциологии отрицает социальный реализм, поскольку утверждает, что протестные движения опосредованы не социально-экономическими или демографическими причинами, а проявляется в культурных особенностях их участников [157, с. 18].

Трансформация символических репрезентаций к реальным действиям

происходит благодаря акторам перформанса, принимающим участие в разработке его сценария. Реализация данного сценария происходит в результате присоединения к нему существенного количества других акторов. Коллективные акторы становятся участниками перформанса с конкретной расстановкой его участников в виртуальном пространстве. В таком случае конечной целью данного процесса является сакрализация протеста и профанация институтов власти [133, с. 124].

Д. В. Громов, придерживаясь методологии социальной драматургии И. Гофмана, говорит о том, что «структура политического уличного протеста идентична структуре спектакля» [30, с. 21]. Роль виртуальных сетей в таком случае состоит в повышении количества эмоционально вовлеченных наблюдателей.

Исследование процессов репрезентации и перформанса детерминировано также особенностями и характеристиками социализации. Они являются не только важным фактором, обуславливающим протестную активность, но и принципиально новым феноменом, с характерными только для него особенностями пространства и типичными способами деятельности [66, с. 8]. И. В. Ксенофонтова говорит о виртуальной солидарности как важной детерминанте социального перформанса. Исследователь полагает, что солидарность возникает как результат эмоциональных симпатий, обусловленных виртуальными коммуникациями.

Кроме того, солидарность часто предшествует переходу этого феномена на качественно иной уровень. Солидарность зачастую не связана с активными действиями в реальной сфере и может проявляться в виртуальном единстве или молчаливом одобрении. Также очевидно, что солидарность является основой виртуальных сетевых сообществ без четких границ и явных связей. Все это говорит о том, что феномен солидарности – особенный и наиболее важный тип социальных отношений, типичный для современного виртуального

пространства.

Еще одним подходом, используемым при анализе виртуальных сетей, является теория слактивизма, или «ленивой активности» [6]. Ее ведущим тезис – утверждение о том, что социальные сети представляют для их пользователей множество возможностей, которые, однако, не проявляются в реальных действиях. В дальнейшем в рамках данной концепции Е. Морозов и З. Бауман доказывают, что социальные сети не более чем симулякр реального протеста, а все реальные действия осуществляются с помощью традиционных средств мобилизации населения.

По мнению З. Баумана, социальные сети есть весьма доступная и организованная форма социального надзора, которую могут использовать диктаторы и тираны в своих интересах [6].

Наиболее распространено мнение о том, что слактивизм является достаточно популярным у молодежи в силу ее инфантилизма и аполитичности. Однако политическая активность с помощью социальных медиа превращается в элемент шоу и развлечения, что привлекает к ней отдельные молодежные общности.

В целом необходимо отметить, что концепции сетевого протеста развиваются в русле традиционных сетевых теорий и методологии сетевого анализа.

Прежде чем говорить о теоретических основаниях изучения молодежного протеста, необходимо определиться с пониманием сути дефиниции «социальный протест».

В наиболее общем виде типологизацию социального протеста можно представить следующим образом:

- 1) классовый протест;
- 2) идеологический протест;
- 3) экономический протест;

4) политический протест [42, с. 175–181].

Формальной целью появления протестных движений является преобразование социальных отношений и структуры общества. При этом зачастую протест понимается не в качестве средства достижения данной цели, а как некий идеалистический феномен, на который направлена энергия протестующих.

Социальному протесту присущи типичные признаки:

- направленность против конкретной социальной группы или классовой структуры;
- выраженное содержание;
- стремление к существенным преобразованиям в обществе.

Однако, как уже отмечалось ранее, глобализация общества и распространение информационных технологий обусловили появление новых форм протестной активности, в том числе в молодёжной среде. Типичным проявлением такого рода протестов являются события «Арабской весны». Отвлекаясь от идеологических трактовок сущности и содержания этих событий, можно говорить о том, что в этом случае не наблюдалось явного стремления к фундаментальным преобразованиям в обществе, отсутствовал явный образ противника и подлинное содержание протеста.

Еще одним новым типом социальных протестов являются общественные движения в Европе и США. Например, движение «Окупай УоллСтрит» также не характеризуется потребностями в коренных преобразованиях, несмотря на широкий охват и готовность масс к радикальным действиям. Социальные протесты в Европе, в частности межнациональные волнения во Франции свидетельствуют, скорее, о неосознаваемой подмене фундаментальных причин и формальных поводов для подобных протестов.

Наиболее интересными в контексте данного исследования являются социальные протесты последних лет, происходящие в нашей стране. Несмотря

на выраженную социально-политическую мотивацию массовых выступлений на макроуровне, многие протесты имеют локализованный проблемный характер на уровне местных сообществ.

В связи с этим в данном диссертационном исследовании будет уделено основное внимание российским особенностям проявления социальных протестов в молодежной среде.

Что касается теоретических оснований изучения протеста, то согласно одному из самых распространенных подходов в западной и отечественной социологии, протест концептуализируется исходя из допущения о том, что протестное поведение является одной из форм социально-политического участия населения. Одну из самых подробных классификаций типов социально-политического участия населения предлагает британский исследователь А. Марш [165, с. 256]. К формам политического участия ортодоксального типа А. Марш относит действия, которые обеспечивают стабильное функционирование политических систем. Протестное поведение он определяет как политическое участие, относящееся к неортодоксальному типу.

Конвенциональное и неконвенциональное политическое участие различает У. Милбрайт [78, с. 18–21]. К конвенциональным формам политического участия относятся все виды голосования, партийной жизни, участия в избирательных кампаниях. Неконвенциональные формы политического участия включают в себя бунты, протестные марши и митинги, забастовки и т. д.

При рассмотрении социального протеста как формы политического участия в основе его классификации может быть заложено отношения общества к конкретным определенным видам социальных протестов. Исходя из этого тезиса, неконвенциональный протест является событием, противоречащим общепринятым нормам поведения в обществе. Он проявляется в противодействии требованиям законных властей. Этот тип социального

протеста востребован в случаях отсутствия институциональных каналов выражения интересов и низком уровне доверия к политической системе.

Отечественные исследователи разделяют неконвенциональный протест на два типа [22, с. 73–82]. К первому относятся действия, легитимированные органами власти. Второй тип включает в себя действия, противоречащие законным требованиям государственных институтов, которые, в свою очередь, разделяются на насильственные и ненасильственные.

К насильственным формам неконвенционального протеста относятся различные проявления экстремизма и терроризма, отказ в подчинении властям, бунты. К ненасильственным формам можно отнести различные типы гражданского протеста и неповиновения, при которых наряду с протестом по отношению к государственным институтам, отсутствуют насильственные действия, направленные против представителей органов власти. Это сознательный отказ в исполнении законных требований, несанкционированные акции протеста и т. д.

Поведение, использующее различные законные формы или отвечающие общепринятым нормам, относится к конвенциональному протесту. Основной формой выражения конвенционального протеста является участие в выборах и референдумах различного уровня.

Социальный протест, реализуемый в соответствии с конвенциональными формами его выражения, а именно через электоральное поведение, является наиболее распространенной формой участия населения в политической жизни. С другой стороны, недостаточная эффективность институтов гражданского общества и отсутствие формальных каналов выражения недовольства создают благоприятную среду для формирования у отдельных социальных групп, в первую очередь молодежи, неконвенциональных форм социального протеста.

Кроме участия в выборах, к конвенциональным формам выражения социального протеста в настоящее время относят общественные обсуждения

различных социально-политических проблем, в том числе и на виртуальных площадках.

По мнению ряда отечественных исследователей, соотношение конвенциональных и неконвенциональных форм зависит от специфики действующего политического режима, наличия действенных политических институтов, социально-экономического положения общества [22, с. 73–82].

Как любые формы социального поведения, протестное поведение разделяют на активное и пассивное. Пассивные формы социального протеста рассматриваются как безынициативный вид несогласия с чем-либо. Активный протест представляет собой активную форму защиты собственных интересов.

В рамках данного подхода обычно рассматриваются следующие формы организованного протеста:

- 1) пассивный открытый протест (неподчинение, абсентеизм);
- 2) пассивный скрытый протест (саботаж, игнорирование);
- 3) открытый активный протест (стачки, забастовки, митинги, шествия);
- 4) скрытый активный протест (распространение негативной информации, подстрекательство к протесту, проявления экстремизма).

Таким образом, можно говорить о том, что в отечественной и зарубежной литературе существует несколько моделей и типов социального протеста. Основной характеристикой этих моделей является специфичность критериев, выбор которых детерминирован многообразием теоретических оснований исследования протеста.

При изучении молодежного протеста в социологии используется два основных подхода. Первый ориентируется на теорию относительной депривации, где ведущей детерминантой протеста выступает фактор недовольства. Данная теория говорит о том, что неудовлетворенность от социальных ожиданий является фактором проявления социального протеста.

Второй подход можно условно назвать «политическим». Согласно данному концепту ведущим фактором протеста является вовлеченность различных социальных групп в политическую жизнь и возможность оказывать влияние на принятие управленческих решений. Многие отечественные исследователи (Е. Здравомыслова, М. Назаров и др.) отмечают зависимость между развитием неправительственных общественных организаций и ростом протестной активности населения, в том числе и молодежи.

Таким образом, в зарубежной и отечественной социологической науке существуют различные концепции и теории изучения социального протеста. Отечественная социальная наука накопила достаточно большой объем эмпирических фактов реального протеста. При этом в изучении данной проблематики можно отметить и ряд проблем, требующих пристального изучения в настоящее время.

1. Малоисследованной остается проблема вовлеченности молодежи в протестные акции посредством виртуальных социальных сетей.

2. Большинство исследований, посвященных влиянию социальных сетей на формирование и развитие протеста, носят описательный характер и не содержат факторов, причин и мотивов реальной протестной активности современной молодежи.

3. Проблема влияния виртуальных сетей на формирование молодежной протестной активности особенно актуальна в настоящее время на региональном уровне, поскольку имеющиеся эмпирические данные говорят о существенных различиях протеста в зависимости от конкретного регионального сообщества.

1.3 Концептуальные основы исследования влияния виртуальных сетей на социальную активность молодежи

Новые формы и способы социальной коммуникации, основанные на интернет-технологиях, весьма активно привлекают к себе огромное число пользователей из числа подростков и молодежи. В настоящее время можно констатировать факт несомненного влияния виртуальных коммуникаций на культурную, социально-экономическую и социально-политическую сферы жизни современного общества.

Прежде чем говорить о влиянии виртуальных коммуникаций на протестное поведение молодежи, необходимо уточнить понимание дефиниции «виртуальные коммуникации». Одним из базовых составляющих этой дефиниции является термин «виртуализация».

В наиболее общем виде виртуализация рассматривается как процесс изменения всего общества, нетождественный формированию параллельного виртуального мира [31, с. 28]. Виртуальная реальность предстает как симулякр реальности, ее замещающий. При этом виртуальной реальности присущи следующие основные характеристики:

- 1) формирование виртуальной реальности носит явно выраженный нематериальный характер;
- 2) наличие возможности возобновления и прерывания виртуальных взаимодействий;
- 3) объекты виртуальной реальности носят замещаемый характер.

Исходя из данных характеристик, можно говорить о том, что виртуальные коммуникации представляют собой обмен информационными, символическими, материальными и другими видами ресурсов с помощью современных социотехнических средств передачи данных. В современном мире виртуальные коммуникации становятся важным фактором, детерминирующим изменения в общественном сознании и поведении как больших социальных

групп, так и отдельных личностей. Виртуальные коммуникации обеспечивают интенсивный, безграничный и универсальный по содержанию процесс взаимодействия, имеющий и положительные, и отрицательные проявления. При этом виртуальная активность представляет собой процесс транзита осознанной и самостоятельной деятельности субъекта из реального в виртуальное пространство.

Наиболее подходящим теоретическим основанием для исследования влияния виртуальных коммуникаций на протестную активность в современном обществе являются различные концепции информационного общества. Сама дефиниция «информационное общество» является в современной социологии весьма актуальной и востребованной [77, с. 416].

Одним из основных постулатов теории информационного общества является неравный доступ к информационным ресурсам [57, с. 22]. Данная теория также предполагает, что функционирование виртуальных структур является фундаментальным условием развития общества в целом, которое достигается с помощью увеличения возможностей для взаимодействия, а также для модернизации социальных процессов.

Очевидно, что с понятием «виртуальность» в настоящее время неразрывно связан феномен Интернета, который понимается нами не столько как средство передачи данных, сколько как глобальное средство массовой коммуникации. Т. В. Филиппова полагает, что понимание феномена Интернета является инструментом изменения социальной структуры на основе существования и развития «информационных механизмов управления и самоорганизации» [76, с. 24].

Исходя из этого, протестная активность современной молодежи должна изучаться в контексте основных последствий функционирования общественных институтов не только в виртуальном, но и в реальном пространстве. Указанное обстоятельство тем более актуально, что, согласно взглядам М. Кастельса,

основу современного общества составляют сетевые структуры, с помощью которых осуществляется основное развитие социальных институтов [33, с. 34]. М. Кастельс полагает, что именно сетевые структуры составляют новую основу современных сообществ, а распространение «сетевых концепций» позволяет осмыслить многие новые явления и процессы в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Важным дополнением является его тезис о том, что «власть структуры оказывается сильнее структуры власти» [33, с. 34].

Отечественный исследователь А. В. Маслов подчеркивает, что для структуры виртуальных сетевых сообществ наиболее типичными являются управленческие и темпоральные типы ресурсов. По его мнению, виртуальные сообщества являются по своей сути самоизменяющимися и саморегулирующимися структурами.

Д. В. Иванов полагает, что Интернет способствует зарождению виртуальных сообществ, в будущем способных соединиться в единое виртуальное общество [30, с. 96].

Классик американской социологической мысли Р. Мертон при разработке структурно-функционального анализа представил также обширные возможности его использования при изучении виртуальной коммуникации. Согласно его воззрениям, функциональность коммуникации должна стать основной исследования ее влияния на функционирование различных общественных институтов [53, с. 873].

Изучение влияния виртуальных коммуникаций на протестную активность молодежи на основе структурно-функционального подхода позволяет принять во внимание цели традиционной коммуникации и при этом исследовать информационную составляющую в структуре виртуального пространства.

А. Н. Шеремет полагает, что к основным функциям виртуального пространства, относятся следующие:

- коммуникативная;

- социализационная;
- досуговая;
- темпоральная.

Ю. Н. Рупасов считает, что функции Интернета следующие: информационная, коммуникативная и медийная. Так, например, информационная функция предполагает такие ее разновидности, как передача, обмен и хранение различных видов информации.

Медийная функция может применяться, как для хранения информационных ресурсов, так и для обеспечения доступа к ней.

Коммуникативная функция Интернета, по мнению исследователя, в данном случае тождественна традиционным СМИ.

Таким образом, можно говорить о том, что в настоящее время и в западной, и в отечественной социологической науке сложилась необходимая теоретическая база для исследования как виртуальных коммуникаций, так и их влияния на протестное поведение населения, в частности молодежи.

Далее мы считаем необходимым рассмотреть масштабы виртуальных коммуникаций в социальных сетях и их влияние на формирование протестного поведения молодежи. Основным методом, используемым в данном разделе, является анализ материалов и результатов эмпирических социологических исследований, проведенных по схожей тематике.

Актуальность данной темы можно также подтвердить масштабом распространения виртуальных сетей в нашей стране. Так, согласно исследованиям компании Brand Analytics, к концу 2015 года было зафиксировано 37,7 миллионов активных пользователей [151].

АВТОРОВ ЗА МЕСЯЦ, ТЫС.

Россия, декабрь 2015

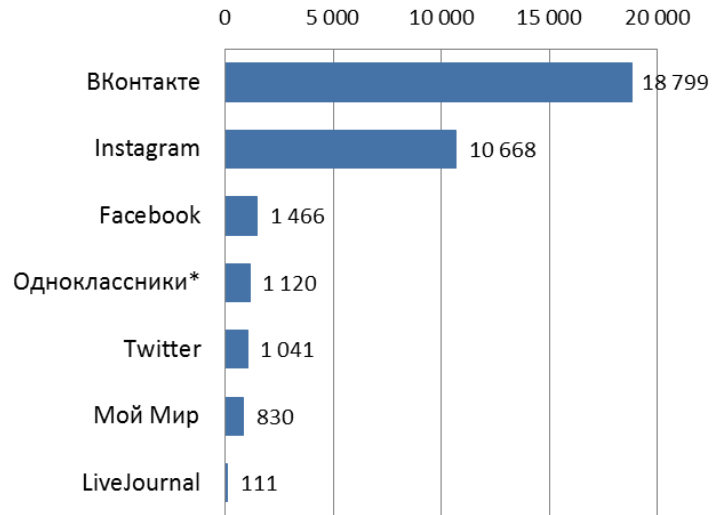

Рисунок 1. Количество активных авторов в социальных сетях

Данные рисунка 1 говорят о том, что наибольшее количество активных пользователей социальных сетей (18 799 тыс.) зарегистрированы в социальной сети «ВКонтакте». На втором месте по количеству активных авторов (10 668 тыс. авторов в месяц) находится социальная сеть «Инстаграмм». Существенно меньшее количество активных авторов у социальных сетей «Фейсбук» и «Одноклассники». У сети «Твиттер» число ежемесячных авторов находится в пределах одного миллиона человек.

СООБЩЕНИЙ ЗА МЕСЯЦ, ТЫС.

Россия, декабрь 2015

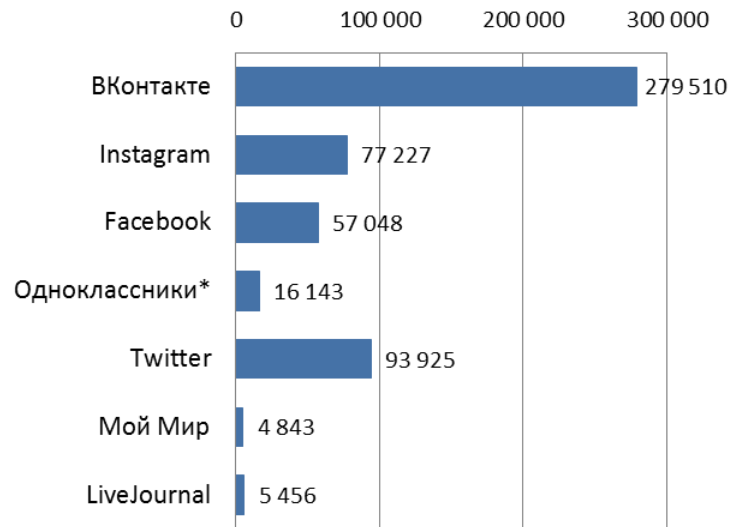

Рисунок 2. Сообщений в месяц (в тысячах)

Данные рисунка 2 говорят о том, что наибольшее количество сообщений приходится на социальную сеть «ВКонтакте». На втором месте по количеству сообщений в месяц находится социальный сервис «Инстаграмм», на третьем – международная социальная сеть «Фейсбук».

АУДИТОРИЯ ЗА МЕСЯЦ, ТЫС. ЧЕЛОВЕК

Россия, 12-64 лет, ноябрь 2015

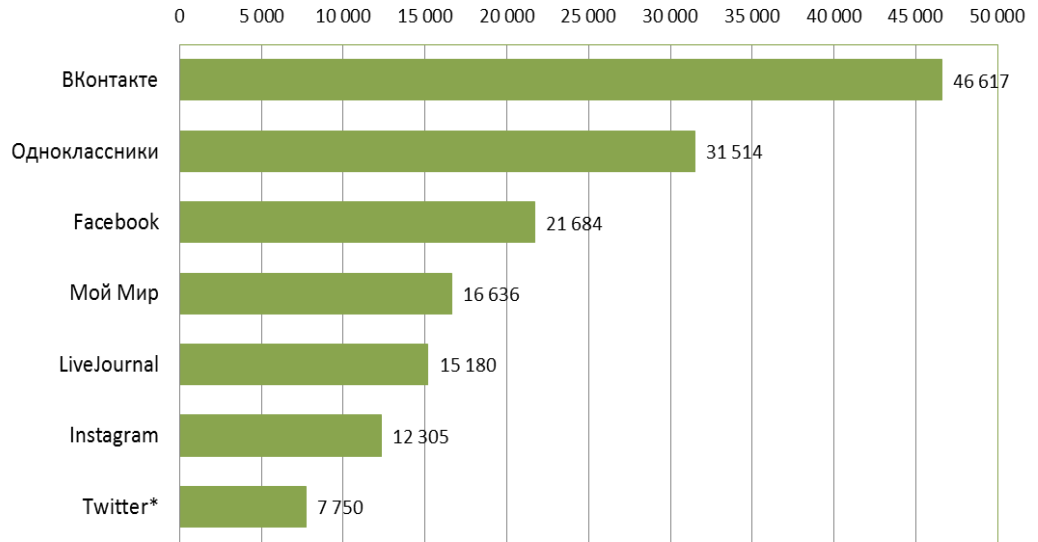

Рисунок 3. Ежемесячная аудитория социальных сетей

Ежемесячная аудитория социальной сети «ВКонтакте» колеблется в пределах 46 миллионов человек. Социальной сетью «Одноклассники» пользуются 31 миллион человек в месяц. «Фейсбук» используют около 20 миллионов пользователей ежемесячно.

ВКОНТАКТЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНАЯ АУДИТОРИЯ*

(количество человек, заходивших на сайт хотя бы 1 раз за месяц)

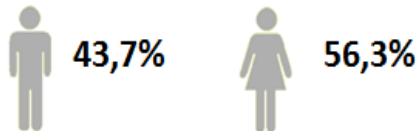
46 617 000

АКТИВНЫХ АВТОРОВ**

(хотя бы 1 публичное сообщение за месяц)

18 798 900

ПОЛ АВТОРОВ**

*TNS Web Index, ноябрь 2015

**Brand Analytics, декабрь 2015

ВОЗРАСТ АВТОРОВ**

(возраст указан у 32,7% авторов)

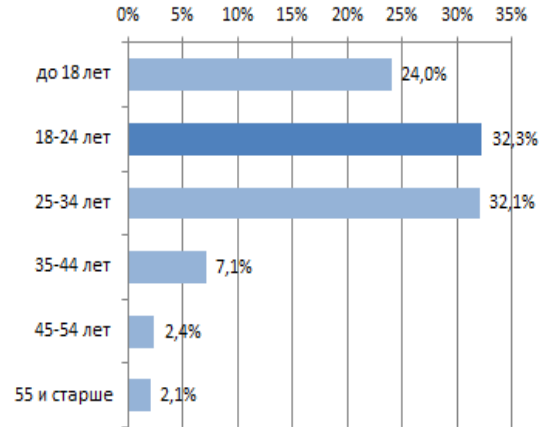

Рисунок 4. Статистические данные об основных социальных сетях в России

Данные рисунка 4 говорят о том, что количество авторов женщин на 10 % превышает количество авторов мужского пола. Возраст наиболее активных авторов социальной сети «ВКонтакте» находится в пределах от 18 до 34 лет. Количество активных авторов социальной сети «ВКонтакте» в возрасте от 55 лет не превышает 2,1 % от общего числа пользователей.

ВКОНТАКТЕ: распределение авторов по регионам России

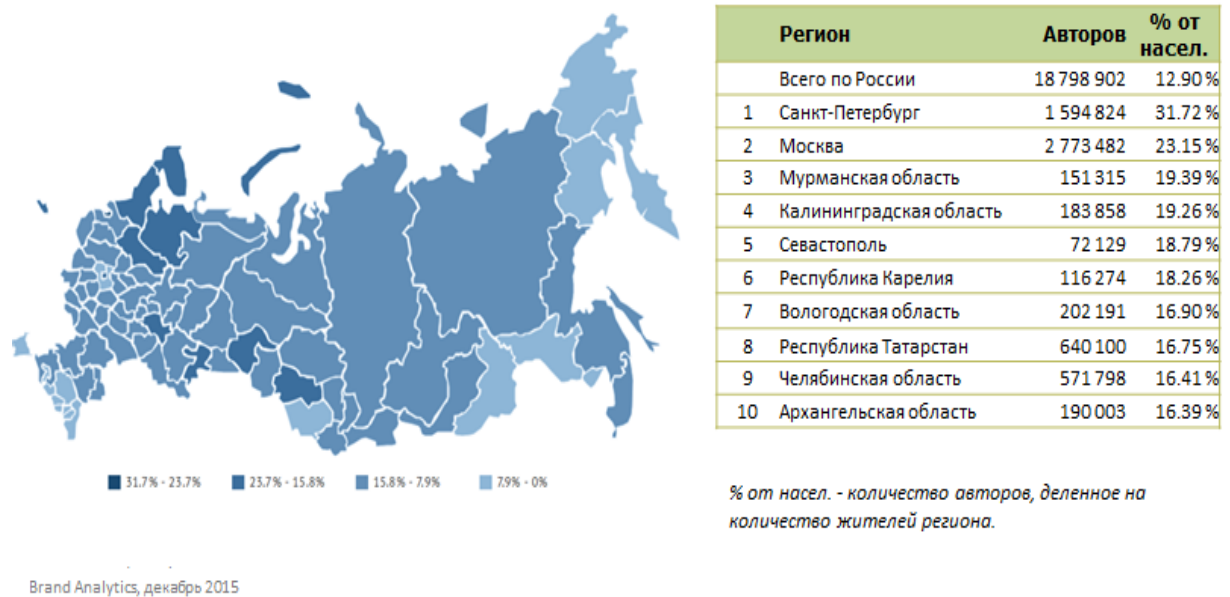

Рисунок 5. Распределение активных авторов социальной сети «ВКонтакте» по регионам России

Распределение авторов социальной сети «ВКонтакте» в регионах страны относительно равномерное. Единственным явным регионом-лидером является город Санкт-Петербург.

Примечательно, что Севастополь входит в пятерку наиболее активных авторов социальной сети «ВКонтакте».

INSTAGRAM

ЕЖЕМЕСЯЧНАЯ АУДИТОРИЯ*

(количество человек, заходивших на сайт хотя бы 1 раз за месяц)

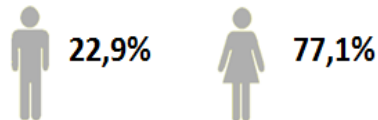
12 305 000

АКТИВНЫХ АВТОРОВ**

(хотя бы 1 публичное сообщение за месяц)

10 668 450

ПОЛ АВТОРОВ**

*TNS Web Index, ноябрь 2015

**Brand Analytics, декабрь 2015

ВОЗРАСТ АВТОРОВ**

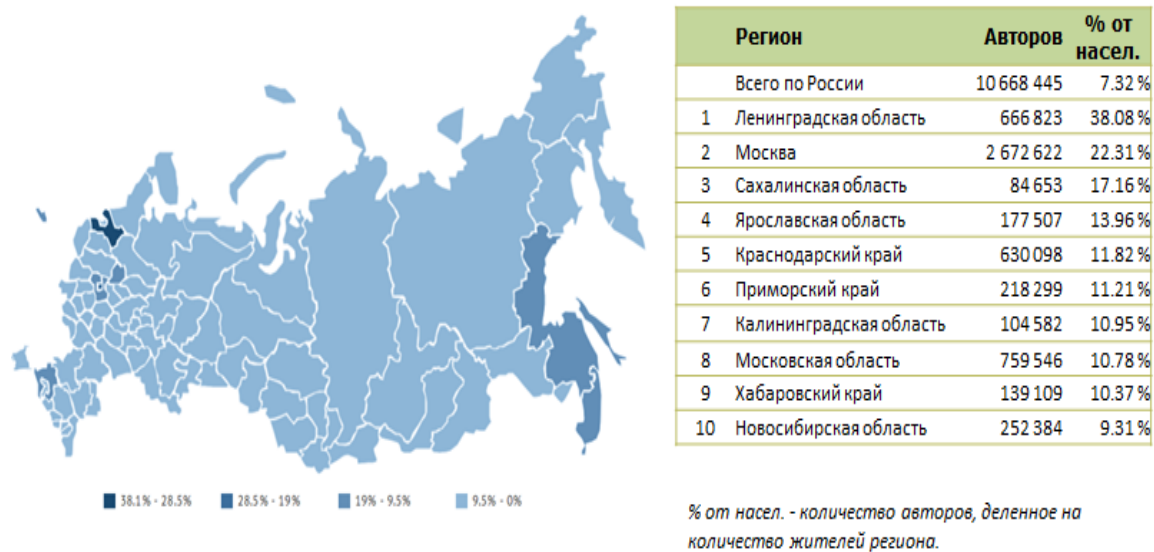
В Instagram данные о возрасте авторов отсутствуют

Рисунок 6. Ежемесячная аудитория социальной сети «Инстаграмм»

Ежемесячная аудитория социальной сети «Инстаграмм» составляет около 12 миллионов человек. Количество активных авторов данной социальной сети в месяц составляет порядка 10,5 миллионов.

Таким образом, можно говорить о том, что из числа наиболее востребованных социальных сетей у виртуального сервиса «Инстаграмм» самое большое количество активных авторов.

INSTAGRAM: распределение авторов по регионам России

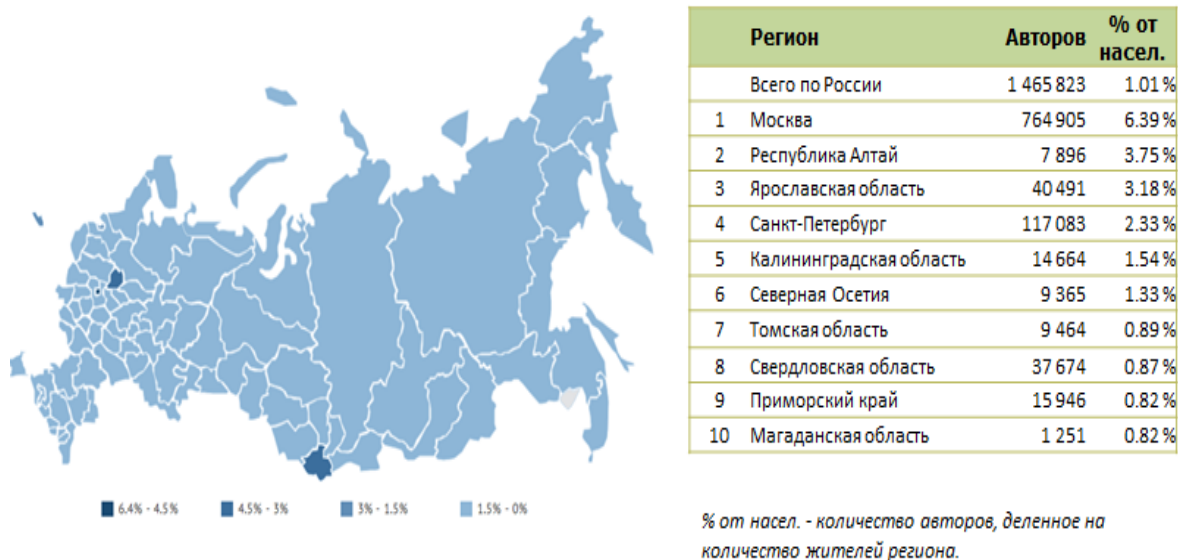

*Brand Analytics, декабрь 2015

Рисунок 7. Распределение по регионам России авторов социальной сети «Инстаграмм»

Ленинградская область наиболее выделяется среди регионов проживания количества активных авторов социальной сети «Инстаграмм». Далее следуют столица России, Сахалинская область, Ярославская область и Краснодарский край.

FACEBOOK: распределение авторов по регионам России

*Brand Analytics, декабрь 2015

Рисунок 8. Распределение по регионам России авторов социальной сети «Фейсбук»

Количество активных авторов социальной сети «Фейсбук» в Москве не превышает 7 % от числа всех жителей столицы России. В республике Алтай количество активных авторов данной социальной сети составляет 3,8 % от общего числа населения данного региона.

В целом можно сказать что «Фейсбук» в настоящее время является наименее популярной социальной сетью в стране. Однако данные многочисленных онлайн-исследований показывают, что при этом пользователями «Фейсбука» являются наиболее социально-активные граждане страны.

ОДНОКЛАСНИКИ

ЕЖЕМЕСЯЧНАЯ АУДИТОРИЯ*

(количество человек, заходивших на сайт хотя бы 1 раз за месяц)

31 514 000

АКТИВНЫХ АВТОРОВ**

(хотя бы 1 публичное сообщение за месяц)

1 120 200

ПОЛ АВТОРОВ**

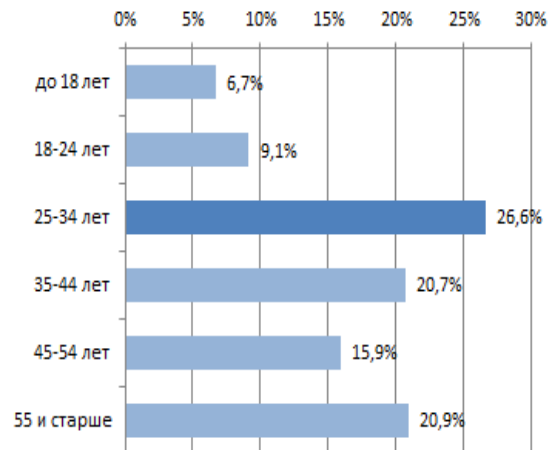
30,9%

69,1%

ВОЗРАСТ АВТОРОВ**

(возраст указан у 64,7% авторов)

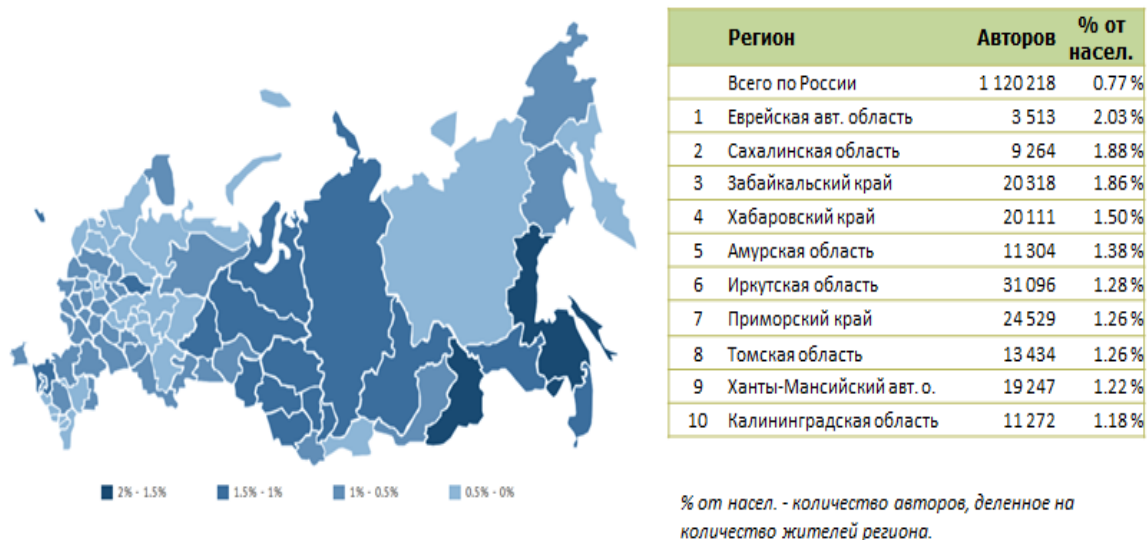
*TNS Web Index, ноябрь 2015

**Brand Analytics, декабрь 2015

Рисунок 9. Ежемесячная аудитория социальной сети «Одноклассники»

Сеть «Одноклассники» является площадкой для непосредственного межличностного общения знающих друга людей. Ежемесячная аудитория данной социальной сети составляет 31,5 миллиона пользователей. При этом количество активных пользователей данной сети не превышает 1,5 миллиона человек.

ОДНОКЛАССНИКИ: распределение авторов по регионам России

*Brand Analytics, декабрь 2015

Рисунок 10. Распределение по регионам России авторов социальной сети «Одноклассники»

Статистические данные исследовательской компании Brand Analytics говорят о том, что социальной сетью «Одноклассники» пользуется наименьший процент населения по всем регионам страны. Вывод, который можно сделать по итогам анализа рисунка 10, заключается в том, что «Одноклассники» являются преимущественно региональным социальным сервисом.

Данные рисунка 10 говорят о том, что первое место по уровню проникновения данной сети среди регионов страны занимает Еврейская автономная область.

Данные многочисленных зарубежных исследований свидетельствуют, что в современных социальных протестах наиболее активная роль принадлежит социальной сети «Твиттер».

TWITTER

ЕЖЕМЕСЯЧНАЯ АУДИТОРИЯ*

(количество человек, заходивших на сайт хотя бы 1 раз за месяц)

7 750 000

АКТИВНЫХ АВТОРОВ**

(хотя бы 1 публичное сообщение за месяц)

1 041 100

ПОЛ АВТОРОВ**

*TNS Web Index, ноябрь 2015

**Brand Analytics, декабрь 2015

ВОЗРАСТ АВТОРОВ**

В Twitter данные о возрасте авторов отсутствуют

Рисунок 11. Ежемесячная аудитория социальной сети «Твиттер»

Сервис «Твиттер» не раскрывает данные о возрасте пользователей. Несмотря на это, можно предположить, что наиболее активными пользователями данной социальной сети являются люди в возрасте от 27 до 45 лет. Судя по динамике, в сети «Твиттер» растет доля активных авторов среди мужчин.

TWITTER: распределение авторов по регионам России

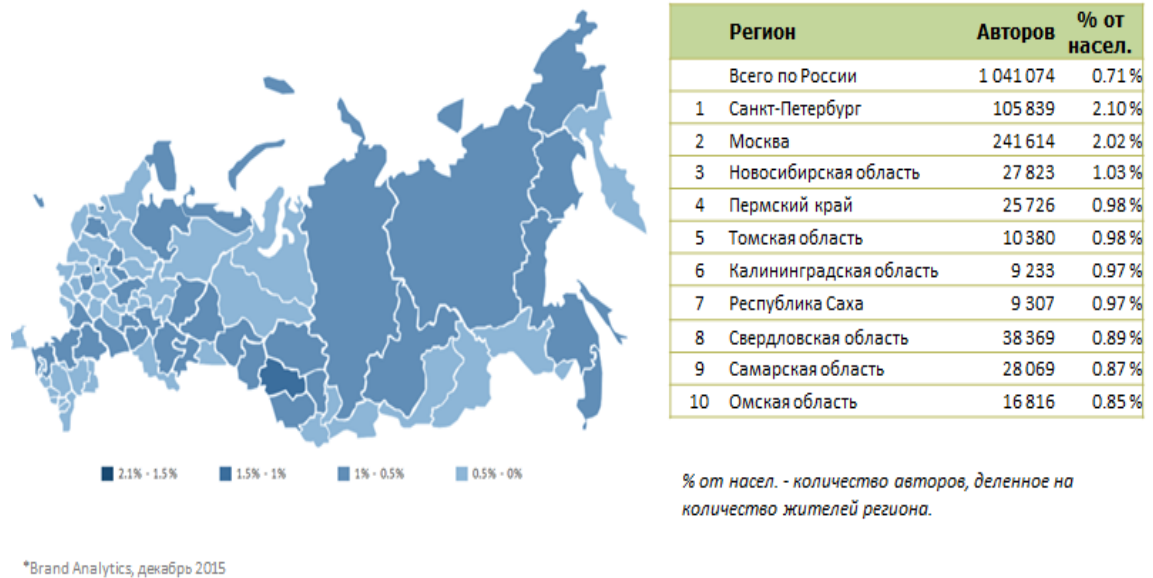

Рисунок 12. Распределение авторов по регионам России социальной сети «Твиттер»

Данные исследования социальных сетей компании Brand Analytics позволяют говорить о том, что лидерами проникновения среди регионов страны данного виртуального сервиса являются города Санкт-Петербург и Москва. Другими словами, данный сервис наиболее востребован в самых крупных субъектах Российской Федерации.

Для репрезентативного социологического исследования влияния социальных сетей на протестную активность современной молодежи важны социально-демографические характеристики пользователей виртуальных сервисов. Данные об этом представлены на рисунке 13.

ВОЗРАСТ АВТОРОВ

Россия, декабрь 2015

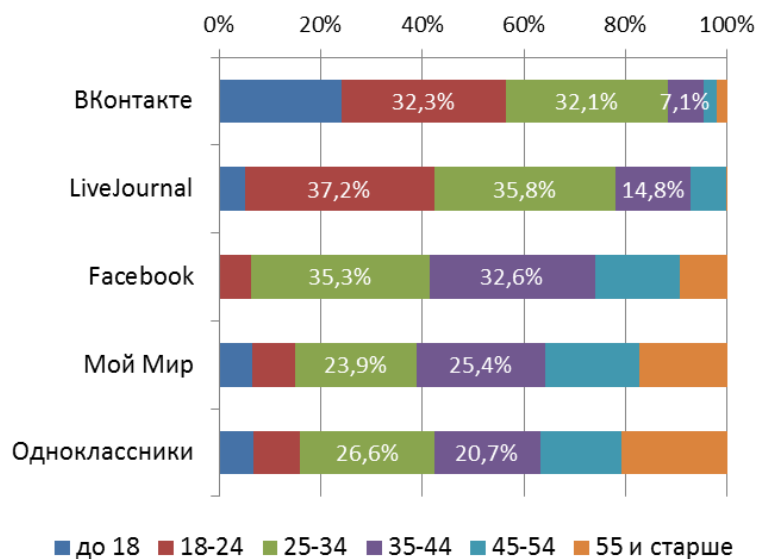

Рисунок 13. Возрастное распределение наиболее активных пользователей социальных сетей в России

Сравнительные данные, представленные на рисунке 13, говорят о том, что среди молодежи наиболее популярной социальной сетью является сервис «ВКонтакте». Также значительной популярностью среди молодежи пользуется «Живой Журнал».

Социальная сеть «Фейсбук», судя по данным, представленным Brand Analytics, является востребованной как у молодежи, так и у старших возрастных групп населения нашей страны.

ПОЛ АВТОРОВ

Россия, декабрь 2015

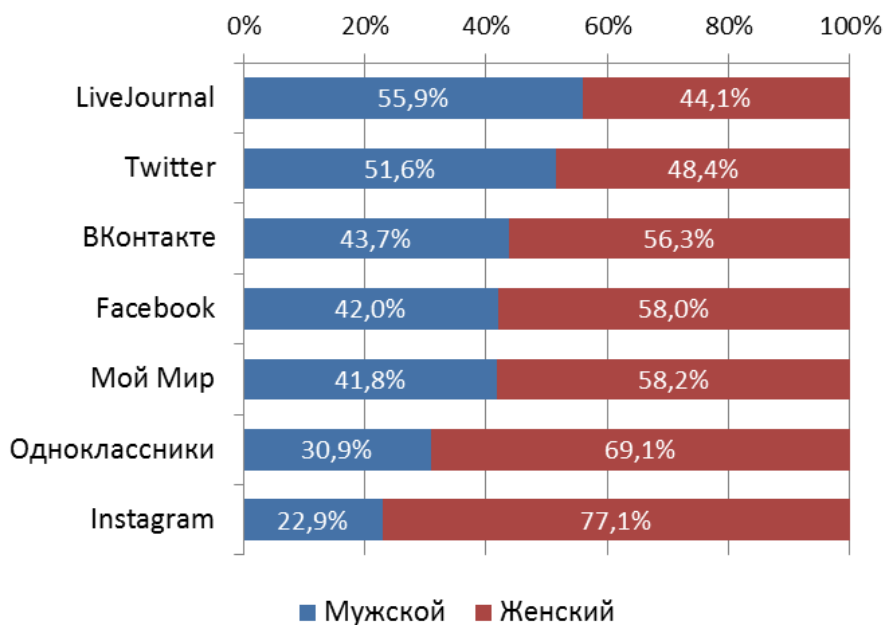

Рисунок 14. Гендерное распределение наиболее активных пользователей социальных сетей в России

Данные, представленные на рисунке 14, свидетельствуют о том, что гендерное распределение наиболее активных пользователей социальной сети «ВКонтакте» в целом соответствует соответствующему распределению жителей нашей страны.

В социальных сетях «Одноклассники», «Фейсбук» и «Инстаграмм» женщины среди наиболее активных пользователей данных сервисов преобладают над мужчинами. Преобладание мужчин над женщинами характерно для таких сетей, как «Живой Журнал» и «Твиттер».

Среди наиболее ярких тенденций, характерных для российского сегмента виртуальных социальных сетей, является активный рост аудитории сервиса «Инстаграмм». Эта же тенденция характерна и для социальной сети «Фейсбук».

Также можно заметить, что снижается активность российской части социальной сети «Твиттер».

Таким образом, на основе вторичных данных исследований социальных сетей в России, можно сделать вывод о том, что наиболее популярными социальными сетями у российской молодежи в настоящее время являются сервисы «ВКонтакте», «Инстаграмм», «Фейсбук» и «Твиттер». Именно эти сервисы станут объектом нашего прикладного эмпирического исследования влияния сетей на протестную активность, которое будет представлено во второй главе работы.

Между тем важным также является вопрос и о непосредственной роли новых технологий коммуникации, в частности виртуальных социальных сетей, в формировании протестной активности современной российской молодежи.

Современный протест характеризуется тем, что способен самостоятельно формировать свою повестку и особенности, способствуя развитию новых форм и механизмов групповой солидарности. Отличительной чертой современных протестных движений является «омоложение» самих протестующих. В российских протестных акциях все чаще начинает принимать участие студенческая молодежь и даже школьники.

Еще одной отличительной чертой современного молодежного протеста является его технологичность и информативность. Эта тенденция находит проявление в средствах и механизмах визуализации и популяризации протеста. Виртуальные социальные сети играют первостепенную роль в мобилизации участников протестных акций.

Наиболее ярко мобилизационные возможности социальных сетей в нашей стране проявились в период массовых протестов в марте 2012 года. В это время активно использовались такие социальные сети, как «ВКонтакте», «Фейсбук» и «Твиттер». Эти сервисы массовых коммуникаций выполняли различные функции, такие как:

- сбор и обобщение разнородной информации о сути и направленности протеста;

- распространение информации среди различных групп пользователей социальных сетей;

- формирование мультипликативного эффекта среди активных пользователей социальных сетей.

Кроме того, во время активной стадии данных процессов у протестной структуры можно было выделить следующие особенности:

1) протестные виртуальные сети явились более дисперсными и многообразными, чем сети сторонников действующего режима;

2) сети сторонников действующего режима отличаются интенсивной коммуникацией и большим числом пассивных участников;

3) в период активных протестных действий в социальных сетях доминирующую роль начинают играть обычные пользователи, а не профессиональные журналисты или политтехнологи.

Также показательным примером влияния виртуальных социальных сетей на протестную активность различных категорий граждан, в том числе молодежи, являются события 2013–2014 года на территории Украины и 2015 года на территории республики Молдова.

Содержание сообщений пользователей молдавского сегмента виртуальных социальных сетей позволило установить, что характер контента во время протестных действий являлся достаточно однородным и не содержал большого количества постов радикального характера.

Особенностью украинских событий явилось формирование в социальных сетях протестных установок пользователей, основанных на противостоянии олигархическому капиталу, коррупции и значительной роли молодого поколения в ориентации общества на западные ценности демократии и либерализма.

Во время событий так называемой «Арабской весны» «Твиттер» также стал главным двигателем радикальных социально-политических изменений. Многие

средства массовой информации называли протесты в Тунисе «Твиттер-революцией» именно в силу того, что данный сервис явился основным средством координации действий протестующих против правительственных сил.

Изменение действующего строя в Ливии сопровождалось существенным повышением роли виртуальных социальных сетей. Важной особенностью социальных сетей, проявившейся во время ливийского переворота, стало освещение протестов в реальном времени. При этом социальные сети в этой стране даже были использованы силами НАТО для координации авиационных ударов и идентификации наземных целей. Таким образом, в данном конфликте был впервые выявлен и опробован военный потенциал виртуальных социальных сетей [39, с. 28].

Одним из самых многочисленных молодежных протестных движений, возникших благодаря виртуальным коммуникациям, стала египетская организация «Шестое апреля». Его многочисленные группы и публичные страницы в социальной сети «Фейсбук» были использованы активистами протеста для координации своих действий и информирования сторонников о шагах властей.

В целом во всех странах Ближнего Востока, по которым прокатилась волна социальных протестов, существенную роль в процессе мобилизации граждан и сопротивлении действующим властям сыграли виртуальные коммуникации и социальные сети.

Однако многие исследователи говорят о том, что, наряду с современными коммуникационными технологиями, протесты в арабских странах также были связаны со значительным повышением образовательного уровня молодого поколения. Таким образом, очевидно, что в ближайшее время эти два фактора, а именно: молодежь и современные технологии глобальных коммуникаций – будут играть решающую роль в социальных изменениях общества. Это

обстоятельство еще раз подтверждает актуальность выбранной тематики диссертационного исследования.

Итак, виртуальные сети представляют собой принципиально новый феномен коммуникации, находящийся в процессе активных трансформаций и развития. Наряду с выполнением типичных функций для института коммуникации, виртуальные сети являются инструментом мобилизации и объединения отдельных индивидов, и социальных групп. Социальные сети могут нести как позитивные, так и негативные последствия для пользователей и их социального окружения.

В настоящее время в социальных сетях происходит резкий рост количества виртуальных молодежных объединений, что в конечном итоге может привести к уменьшению абсентеизма в молодежной среде, а также к трансформации протестного потенциала в самостоятельный субъект социально-политической деятельности.

Под протестной активностью мы понимаем отдельный тип социальной активности, характеризующийся публичной, открытой и негативной репрезентацией убеждений, ценностей и поступков, отражающих реакцию на социально-экономическую или социально-политическую ситуацию отдельной личности или социальной группы. Основными формами протестной активности в молодежной среде являются несанкционированные пикеты, митинги, флэшмобы, перформансы. Протестная активность выражается через легитимные или нелегитимные формы. Для молодежи присущи именно нелегитимные формы проявления протестной активности.

Протестная активность в виртуальных сетях представляет собой отдельный вид гражданских инициатив, проявляющихся благодаря интенсификации взаимодействия пользователей социальных сетей, распространению контента, характеризующего протестную ситуацию, а также привлечению различных молодежных групп к протестной риторике.

Теоретико-методологическим основанием для исследования влияния виртуальных социальных сетей на протестную активность в современном обществе являются теория рационального выбора, теория социального действия, а также различные концепции информационного общества.

Изучение влияния виртуальных коммуникаций на протестную активность молодежи на основе структурно-функционального подхода позволяет принять во внимание цели традиционной коммуникации и при этом исследовать информационную составляющую в структуре виртуального пространства.

Огромным аналитическим потенциалом при изучении влияния виртуальных структур на протестную активность молодежи обладает социально-сетевой анализ, который наряду с другими концепциями и теориями будет использован при проведении собственного эмпирического исследования.

В рамках данного диссертационного исследования была осуществлена серия социологических замеров с целью выявления роли виртуальных социальных сетей на протестную активность современной молодежи, осуществления типологизации участников протестных сообществ в виртуальных социальных сервисах, а также исследования структурных особенностей данных сообществ в различных сетях. Всего было осуществлено 3 исследования с использованием различных социологических методов и подходов.

Представляется, что именно сочетание количественной и качественной методологии, а также социально-сетевого анализа способствует выявлению причинно-следственных связей и закономерностей влияния виртуальных структур на протестную активность молодежи.

Для определения типичных характеристик участников молодежных протестных сообществ использовалась методика глубинных интервью, а также содержательный анализ публичных текстовых сообщений в данных группах. Всего в ходе исследования было проведено 19 полуструктурированных – с

лидерами, активными и рядовыми участниками – молодежных протестных сообществ различной направленности. К таким сообществам в данном исследовании отнесены «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» в социальных сетях «Фейсбук» и «Вконтакте», сообщество «НАРОД ПРОТИВ ЖУЛИКОВ И ВОРОВ | АКЦИИ ПРОТЕСТА» социальной сети «Вконтакте» и открытая группа «Акции протеста» из этой же социальной сети. Кроме того, социально-сетевому анализу были подвергнуты ряд так называемых «групп смерти» социальной сети «Вконтакте». Мы полагаем, что именно эти сообщества являются основными катализаторами молодежного протеста, формирующегося в виртуальных социальных сетях.

Необходимо более подробно остановиться на том, почему именно данные сообщества были выбраны в качестве объекта настоящего исследования. Во-первых, при определении объекта исследования учитывались такие характеристики молодежных протестных сообществ, как численность конкретной группы, динамика ее пополнения, коммуникационная активность и т. д.

Во-вторых, при отборе виртуальных молодежных протестных сообществ учитывалась тематическая направленность группы и общественный резонанс от результатов их функционирования в офлайн-пространстве.

Первым этапом исследования явилось определение типичных социально-демографических и социально-психологических характеристик участников виртуальных молодежных протестных сообществ. Для решения этой задачи был осуществлен онлайн-опрос при помощи специализированного сервиса для онлайн-исследований Testograf. В данном случае в качестве объекта исследования также выступали участники молодежных протестных сообществ.

Всего в онлайн-опросе приняли участие 358 человек в возрасте от 14 до 35 лет. При этом 47 человек из общего числа респондентов предоставили данные для обратной связи, согласившись на дальнейшее участие в подобного рода исследованиях.

Следующим этапом исследования стало онлайн-интервью с активными участниками и модераторами виртуальных молодежных протестных сообществ. В ходе серии из 19 глубинных интервью, осуществленных с помощью общедоступного проприетарного сервиса Skype, были заданы вопросы о мотивации участия в молодежных протестных сообществах, личном опыте и особенностях использования виртуальных молодежных сообществ в период протестной активности (топик-гайд для интервью представлен в приложении 2).

На третьем этапе была исследована структура и особенности коммуникации в виртуальных молодежных протестных сообществах. В данном случае была использована методология социально- сетевого анализа. Для интерактивного анализа качества и особенностей социальных взаимодействий внутри виртуальных протестных сообществ были использованы эмпирические данные об участниках данных сообществ, основанные на их дружеских связях и характере коммуникационной активности (лайки, дизлайки, комментарии и публичные сообщения).

При анализе протестных сообществ социальной сети «Фейсбук» были использованы условно бесплатные приложения NetVizz и NodeXL. Кроме этого, с использованием библиотеки RFacebook для языка программирования R, было разработано приложение для данной социальной сети, позволяющее при согласии пользователя собирать о его активности в конкретном сообществе дополнительные сведения.

Таким образом, всего за время проведения исследования было получено 34 среза структуры указанных ранее виртуальных молодежных протестных сообществ. Собранные данные включают информацию о геолокации участника сообщества, количестве и составе его друзей в данном сообществе, характеристики публичной коммуникационной активности, местах учебы или / и работы.

Этап обработки собранных данных включал в себя построение графов социальных связей и коммуникационных взаимодействий участников виртуальных молодежных протестных сообществ, а также расчет различных метрик (индексов), используемых в социально-сетевом анализе. Анализ полученных таким образом эмпирических данных осуществлялся с помощью аналитического пакета UCINET, программы ORA, а также специализированной библиотеки Igraph для языка программирования R. Визуализация графов виртуальных сообществ была осуществлена с помощью специализированного свободно распространяемого программного обеспечения Gephi и NetDraw.

Построение динамических моделей графов протестных сообществ осуществлено с использованием свободно распространяемого программного обеспечения NetLogo и специализированного ПО для анализа и прогнозирования динамики социальных сетей Siena (Simulation Investigation for Empirical Network Analysis), которое позволило создать четыре акторно-ориентированные модели развития протестной активности внутри конкретных сообществ. Данное моделирование осуществлено на основе цепей Маркова.

Анализ виртуальных молодежных протестных сообществ социальных сетей «ВКонтакте» и «Твиттер» был осуществлен по аналогичной методологии. Единственным отличием является разработка автором данного диссертационного исследования специализированного программного обеспечения на языке программирования Python (библиотека VK) для сбора данных о коммуникационной активности участников виртуальных сообществ. Все данные собранные таким образом были получены с персонального согласия каждого из участников данного сообщества.

Выводы по главе I

Основным отличием сетевой теории от других социологических подходов является ее концентрация на концептуальных особенностях социальных отношений между акторами. Основываясь на ключевых положениях сетевой теории, ее сторонники концентрируются на объяснении социальных структур и их влиянии на взаимодействие акторов внутри данных структур. Именно поэтому мы полагаем сетевую теорию наиболее подходящей для данного диссертационного исследования.

В сетевой теории различают две большие группы сетей, а именно социоцентричные и эгоцентричные. Социоцентричные сети включают в себя связи между всеми участниками конкретного сообщества. Отдельные акторы являются предметом исследования эгоцентричных сетей.

Сетевая методология предлагает исследователям широкий набор метрик для описания сетевых структур. Проанализировав зарубежные исследования, построенные на методологии сетевого анализа, мы сделали вывод о том, что специфика и тематическая направленность различных виртуальных сообществ, также имеет значение в исследовании их влияния на протестное поведение участников таковых сообществ. В связи с этим в эмпирической части данного исследования предполагается изучить то, как различные типы коммуникации формируются в зависимости от сетевого контекста и тематики конкретного виртуального сообщества.

Итак, если говорить об особенностях сетевой методологии, то ее специфика заключается в следующем:

1) в сетевой методологии основное внимание уделяется структуре отношений внутри социальной сети;

2) акторы могут являться как индивидуальными участниками сообщества, так и его коллективными агентами, что позволяет исследовать как микро-, так и макроструктуру виртуальных сообществ;

3) сетевая структура состоит как из субъектов, так и из потоков ресурсов, которыми участники сети обмениваются между собой;

4) способы сетевых взаимодействий в сообществах определяют тенденции и специфику развития самой сетевой структуры;

5) сетевые структуры не обладают четкими границами и не имеют количественных ограничений;

6) сетевые структуры во многом определяют индивидуальные и коллективные действия акторов конкретной сети;

7) пространство социальных сетей представляет собой совокупность статусов, ролей, взаимодействий и ресурсов; в этом пространстве акторы находятся согласно типичным для них взаимодействиям.

Сетевая методология представляет собой цельную и непротиворечивую систему концептуализации социальных отношений и описания общественных явлений в целом. Методология сетевого анализа позволяет исследователю выйти за рамки традиционных научных подходов и концепций благодаря изучению структуры взаимодействий и ее фундаментальных основ. Методология сетевого анализа позволяет исследовать социальные отношения на всех уровнях социальной организации общества. В рамках сетевой теории и методологии сетевого анализа именно взаимодействия рассматриваются в качестве ведущей детерминанты социального поведения индивидов.\

Согласно одному из самых распространенных подходов в западной и отечественной социологии, протест концептуализируется исходя из допущения о том, что протестное поведение является одной из форм социально-политического участия населения. Концептуальные основы исследования протестной активности современной молодежи базируются на сетевых теориях протестной активности и влияния новых информационных технологий на взаимодействие различных групп населения.

Формальной целью появления протестных движений является преобразование социальных отношений и структуры общества. При этом зачастую протест понимается не как средство достижения данной цели, а как некий идеалистический феномен, на который направлена энергия протестующих.

Социальному протесту присущи следующие типичные признаки:

- направленность против конкретной социальной группы или классовой структуры;
- выраженное содержание;
- стремление к существенным преобразованиям в обществе.

В зарубежной и отечественной социологической науке существуют различные концепции и теории изучения социального протеста. Отечественная социальная наука накопила достаточно большой объем эмпирических фактов реального протеста. При этом в изучении данной проблематики можно отметить и ряд проблем, требующих пристального изучения в настоящее время.

1. Малоисследованной остается проблема вовлеченности молодежи в протестные акции посредством виртуальных социальных сетей.

2. Большинство исследований, посвященных влиянию социальных сетей на формирование и развитие протеста, носят описательный характер и не содержат факторов, причин и мотивов реальной протестной активности современной молодежи.

3. Проблема влияния виртуальных сетей на формирование молодежной протестной активности особенно актуальна в настоящее время на региональном уровне, поскольку имеющиеся эмпирические данные говорят о существенных различиях протеста в зависимости от конкретного регионального сообщества.

Далее на основе вторичных данных исследований социальных сетей в России сделан вывод о том, что наиболее популярными социальными сетями у российской молодежи в настоящее время являются сервисы «Вконтакте»,

«Инстаграмм», «Фейсбук» и «Твиттер». Именно эти сервисы станут объектом нашего прикладного эмпирического исследования влияния сетей на протестную активность, которое будет представлено во второй главе работы.

Виртуальные сети представляют собой принципиально новый феномен коммуникации, находящийся в процессе активных трансформаций и развития. Наряду с выполнением типичных функций для института коммуникации, виртуальные сети являются инструментом мобилизации и объединения отдельных индивидов, и социальных групп. Социальные сети могут нести как позитивные, так и негативные последствия для пользователей и их социального окружения.

Протестная активность в виртуальных сетях представляет собой отдельный вид гражданских инициатив, проявляющихся благодаря интенсификации взаимодействия пользователей социальных сетей, распространению контента, характеризующего протестную ситуацию, а также привлечению различных молодежных групп к протестной риторике.

Теоретико-методологическим основанием для исследования влияния виртуальных социальных сетей на протестную активность в современном обществе являются теория рационального выбора, теория социального действия, а также различные концепции информационного общества.

Изучение влияния виртуальных коммуникаций на протестную активность молодежи на основе структурно-функционального подхода позволяет принять во внимание цели традиционной коммуникации и при этом исследовать информационную составляющую в структуре виртуального пространства.

Глава 2.

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ВИРТУАЛЬНЫМИ СЕТЯМИ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

2.1 Структурные и функциональные характеристики виртуальных молодежных протестных сообществ

В данной части исследования на основе социально-сетевого анализа осуществлена попытка выявления и описания структурных и функциональных особенностей молодежных протестных сообществ.

Структурные и функциональные особенности функционирования протестных сообществ исследуются по описанной нами ранее методологии. Методика и организация исследования строилась на изучении протестных молодежных сообществ в период организации активных протестных действий.

Первым этапом данного исследования явилось изучение структуры, а также функциональных и коммуникативных характеристик и особенностей молодежных суицидально-депрессивных групп социальной сети «ВКонтакте». Следует отметить, что специфика данных групп напрямую не имеет отношения к молодежному протесту и, казалось бы, направлена на формирование культа депрессии, негативного отношения к жизни и к социальному окружению. Однако проведенный нами детальный анализ более четырехсот подобных виртуальных групп позволил сделать вывод о том, что именно они в будущем могут стать основой для формирования масштабного деструктивного протеста, причиной и формальным поводом которого могут стать любые события, репрезентированные соответствующим образом администраторами и активными участниками подобных сообществ.

Исследование осуществлено на основе изучения 427 групп и пабликов социальной сети «ВКонтакте» численностью от 216 тысяч до 80 человек. После осуществления процедур проверки и валидации в выборке осталось 127 групп

и пабликов, общая численность участников которых составляет 1 016 442 человека (с учетом ботов и заблокированных пользователей). Методология осуществления данного исследования – это неопросные методы на основе social network analysis, computer science, теории графов и комбинаторики.

В исследование были включены группы и паблики, взятые из памятки школьникам и учителям, которая размещена на сайте Министерства образования Ставропольского края. В выборку попали как закрытые, так и открытые группы и паблики не только с откровенным депрессивно-суицидальным вектором, но и такие, например, как паблик «дети умирают», у которого 216 тысяч подписчиков и вроде бы он направлен на привлечение внимания к проблемам детей, но некоторые материалы, там размещаемые, явно носят характер призыва к суициду. Кроме того, несколько групп, которые оказались в выборке, созданы, как опять же декларируется их администраторами, для противодействия этому страшному увлечению. Хотя анализ их участников показал, что некоторые из них состоят одновременно в группах и суицидально-депрессивной, и протестной направленности. Важными обстоятельствами выбора именно этих сообществ стали результаты их деятельности и подобных им сообществ.

Первым этапом осуществления социально-сетевого анализа явилось выявление наиболее типичных групп подобного характера, в которых состоят наиболее «мотивированные» пользователи. Мотивацией в данном случае является участие одного и того же человека в нескольких сообществах подобного характера. В SMM (Social Media Marketing) это называется «пересечением» аудитории. Для решения данной задачи автором было разработано специализированное программное обеспечение, позволяющее сначала отобрать только тематические сообщества, а затем отобрать в них наиболее мотивированных участников. Таким образом происходит выявление

самых крупных виртуальных сообществ подобного характера, а также их связь с другими подобными сетевыми объединениями протестного характера.

Далее был построен граф социальных связей, вершинами которого являются сообщества, а ребрами – наличие одних и тех же участников или подписчиков различных сообществ одной и той же направленности. Данный граф представлен на рисунке 15.

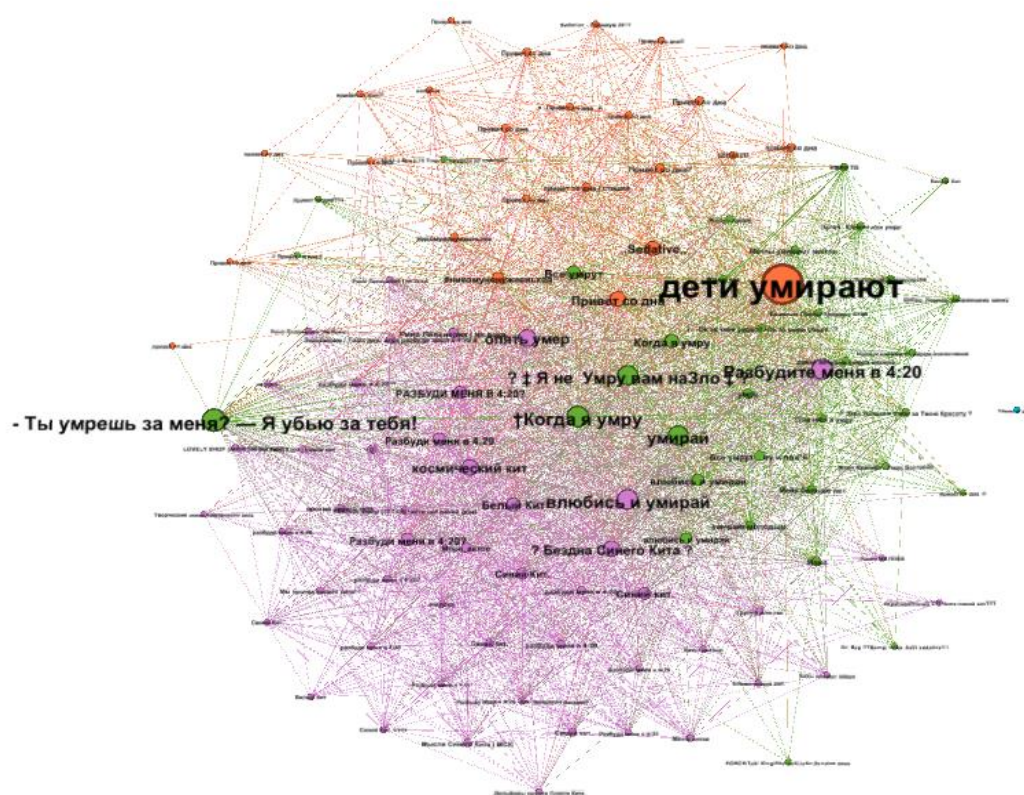

Рисунок 15. Граф пересечения аудитории молодежных сообществ суицидально-депрессивной направленности

Граф связей между сообществами представлен 109 наиболее активными сообществами суицидально-деструктивного характера. В данном графе весьма высокий коэффициент кластеризации (0,745), что задано самой сущностью его построения. Значение модулярности (алгоритм, позволяющий вывить

существование латентных сообществ в графе) в нем также достаточно высоко (0,16). Использование алгоритма модулярности позволило выявить четыре крупных кластера в исследуемом графе. Дальнейший их анализ показал, что в первом кластере находятся сообщества, специализирующиеся на игровом и развлекательном контенте, ориентированном на подростков. Вторым кластером представлен так называемыми «фейковыми» сообществами суицидально-депрессивной направленности. Именно к этому кластеру относятся группы, создаваемые и специально ориентированные на увеличение количества участников за счет повышенного интереса к проблематике подросткового суицида.

Третий кластер характеризуется сообществами, специфику функционирования которых невозможно охарактеризовать какой-либо одной доминирующей направленностью. В них одновременно представлен и развлекательный контент, и материалы, которые могут способствовать суицидально-депрессивным проявлениям. И лишь в четвертом кластере представлены группы (синий цвет узлов), контент и характер функционирования которых явно ориентирован на формирование суицидальных и других девиантных проявлений у подростков и молодежи.

Results:

Diameter: 3
 Radius: 0
 Average Path length: 1.5901696088611976

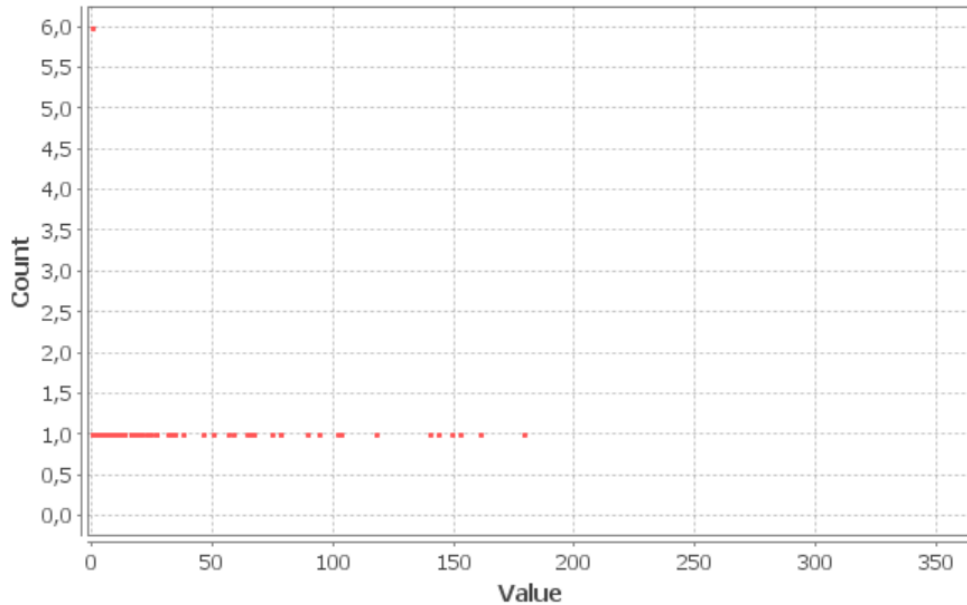
Betweenness Centrality Distribution

Рисунок 16. Распределение степени промежуточности между суицидально-депрессивными сообществами

Основная часть сообществ (более 6) не обладает достаточно высокой степенью промежуточности (показатель социально- сетевого анализа, измеряющий как прямую, так и косвенную близость между узлами графа). В основном суицидально-депрессивные сообщества характеризуются изолированными группами с небольшим числом участников (от 7 до 80). Доля виртуальных сообществ, пользователи которых не состоят в других группах подобной направленности, составила 84 %.

Распределение по степени промежуточности между всеми узлами графа суицидально-депрессивных сообществ представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Промежуточность основных узлов графа

<i>Наименование сообщества</i>	<i>Показатель промежуточности</i>
дети умирают	364.587548
- Ты умрешь за меня? – Я убью за тебя!	178.652956
†Когда я умру	160.895561

Разбудите меня в 4:20	152.510307
влюбись и умирай	149.18559
? ‡ Я не Умру вам наЗло ‡ ?	143.154111

Далее перед нами стояла задача определения, из каких групп суицидально-депрессивной направленности пользователи переходят в другие аналогичные сообщества и становятся участниками сразу нескольких подобных виртуальных объединений. Таким образом, возможно определение, какое из подобных виртуальных объединений будет являться своеобразным «лидером» по рекрутингу молодежи в суицидально-деструктивные сообщества. Для этого при проведении анализа был использован такой показатель, как исходящая мощность.

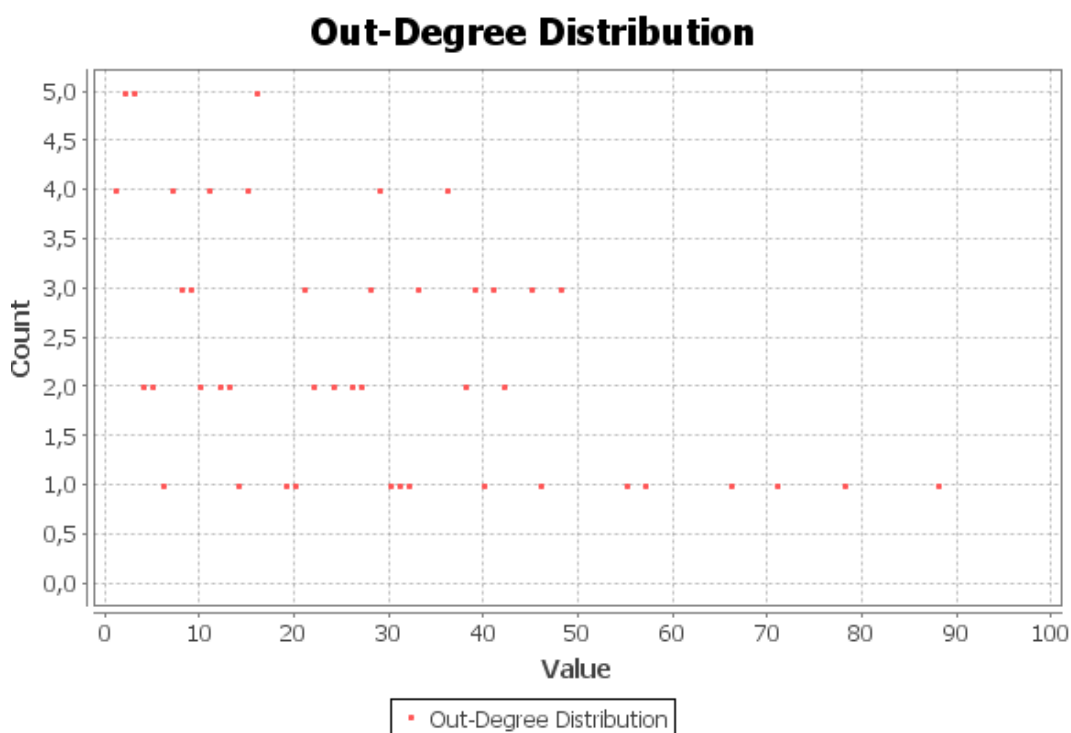

Рисунок 17. Распределение степени промежуточности между суицидально-депрессивными сообществами

Таблица 2 – Исходящая мощность основных узлов графа

<i>Наименование сообщества</i>	<i>Показатель промежуточности</i>
опять умер	88

Paint Time синий кит	36
Палач Кликни или умри	42
Синий Кит ????	29
против синего кита	41
Эксклюзив / Тема дня: игра разбуди меня в 4:20 4	48

Данные рисунка 17 и таблицы 2 показывают, что максимальным влиянием на формирование интереса пользователей к проблеме молодежного суицида обладают такие виртуальные сообщества, как «опять умер», «Paint Time | синий кит», «Палач | Кликни или умри», «Синий Кит ???», «против синего кита», «Эксклюзив / Тема дня: игра разбуди меня в 4:20 4». Графически эти данные представлены на рисунке 18.

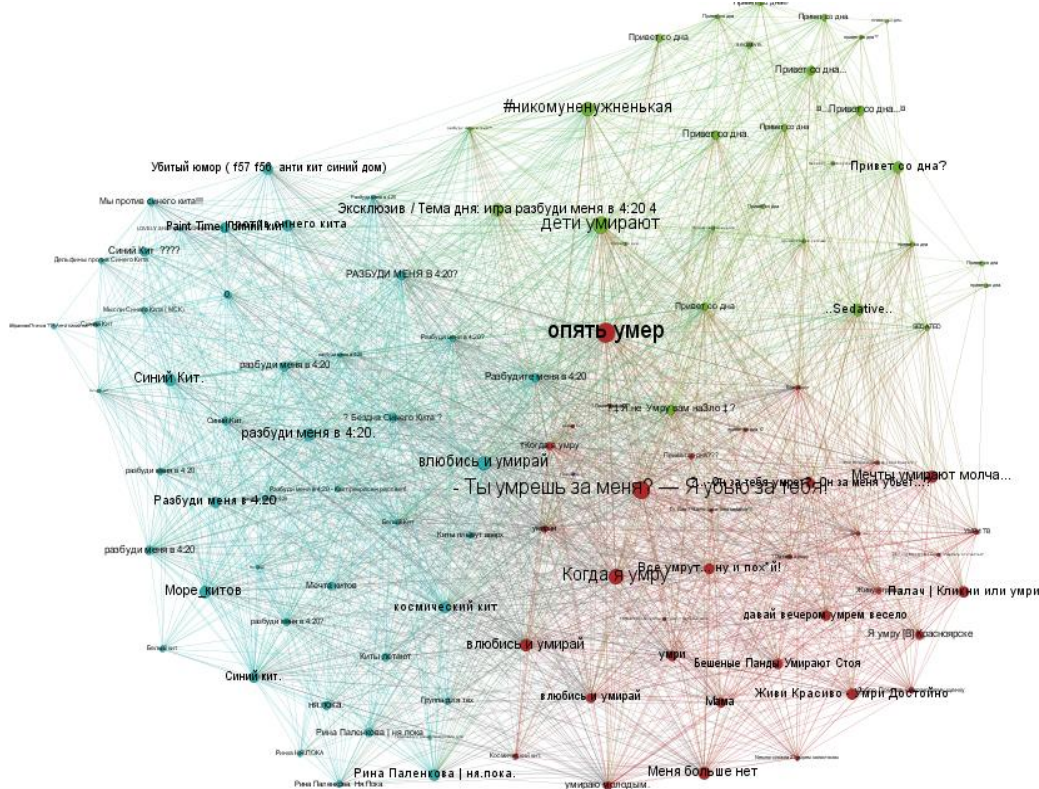

Рисунок 18. Граф суицидально-депрессивных сообществ по показателю исходящей мощности

Диаметр исследуемой сети равен трем, что означает максимально возможное расстояние между двумя акторами (три шага). Если не учитывать небольшое количество изолированных вершин, то можно говорить о компактности сети и достаточно большой скорости приращения новых участников суицидально-депрессивных сообществ за счет небольшого количества основных подобных групп.

Таким образом, можно говорить о том, что структура взаимодействий между виртуальными сообществами суицидально-депрессивной направленности определяется шестью основными виртуальными объединениями. Каждый новый участник одной из этих шести виртуальных групп быстро становится участником аналогичных сетевых структур.

Далее было установлено, что наибольшая активность в подобных группах наблюдается в выходные дни, а также в понедельник и четверг с 19 до 22 часов. При этом сейчас наибольшее количество одобрений пользователей таких групп вызывают материалы, напрямую не связанные с пропагандой суицида или жестокости.

Любые социальные сообщества как в режиме онлайн, так и офлайн образуются благодаря наличию общих интересов и людей, которые знакомы друг с другом. В суицидальных и депрессивных сообществах связей на основе дружбы в сообществе гораздо меньше, чем число участников данного сообщества, что само по себе является аномальным. В нормальных виртуальных сообществах количество связей превосходит количество участников минимум в 4 раза. Другими словами, основная часть участников подобных «групп смерти» не знакомы друг с другом (например, 518 участников сообщества и лишь 171 связь на основе дружбы). Молодежь вступает в такие группы и довольно долгое время не общаются с другими участниками этих же сообществ. Предварительное предположение, которое может за этим следовать, состоит в

том, что большая часть молодых людей вступают в подобные сообщества добровольно, и основным мотивом этого является банальное любопытство.

Следующая тенденция, которую удалось установить, заключается в том, что вслед за телесюжетами на федеральных каналах (НТВ и РЕН ТВ) о подобных «группах смерти» резко возрастает количество их участников в режиме онлайн. Так, если в среднем по выборке средний ежесуточный прирост участников составлял 14 человек в типичной суицидальной группе, то после выхода этих сюжетов, аудитория таких групп в среднем увеличивалась на 74 человека в сутки.

Что касается закрытых групп суицидально-депрессивной направленности, очень часто в них администратор сообщества не является его лидером. И эта тенденция последних двух месяцев. Использование специальных метрик сетевого анализа показало также, что во многих закрытых суицидально-депрессивных группах не существует явно выраженной стратификации, то есть нет явного лидера. Это может говорить о том, что данное явление превращается в самоорганизующуюся и самовоспроизводящуюся систему.

Далее была исследована типичная виртуальная группа, которую удалось определить на момент осуществления анализа. Она называется «Ня. Пока. Рина Паленкова. Фото переписки» (рисунок 19). Аккаунт, который соединяет между собой всех участников этого сообщества, находится в режиме онлайн (активном режиме) круглые сутки. Также не удалось установить четкой тенденции в коммуникационной активности в зависимости от времени суток. Это явно говорит о том, что на нем сидят несколько человек и, скорее всего, в разных частях страны.

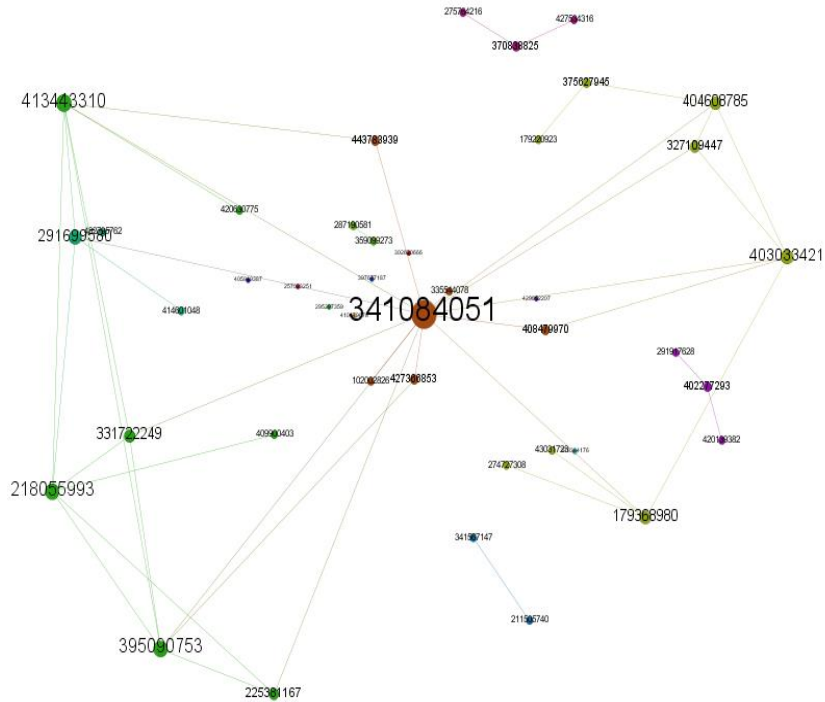

Рисунок 19. Граф суицидально-депрессивного сообщества, созданный на основе общности дружеских связей

Таким образом, на основе проведенного социально- сетевого анализа можно утверждать, что влиянию суицидальных групп в социальных сетях наиболее подвержены подростки и молодежь крупных городов и городов-миллионников в возрасте от 14 до 22 лет. Что касается Ставропольского края: из почти миллиона аккаунтов различных групп и пабликов, в том числе носящих характер противодействия этой угрозе, из Ставрополя в них оказались 135 человек, из Пятигорска – 32 человека, Невинномысска – 48 человек, Буденновска – 27 (из тех, у кого в открытой информации о себе указан город).

Если говорить о наиболее типичных участниках таких сообществ, то обобщенно портрет такого пользователя можно описать следующим образом: это девушка в возрасте от 16 до 22 лет, которая учится в школе или университете и проживает в крупном городе, нередко являющемся региональным центром. Чаще всего такая девушка является волне социально адаптированной, общается со

сверстниками и обладает типичными для своего поколения потребностями и интересами. В среднем гендерное распределение в исследованных группах следующее: две трети девушки и треть – молодые люди. Хотя в закрытых группах численность именно девушек доходит и до 90 % от общего числа членов подобной группы.

Следующим этапом проведения исследования стало построение различных моделей (на основе bootstrap из-под площади кривой нормального распределения. Bootstrap – метод исследования распределения вероятностей, основанный на многократной генерации выборок методом Монте-Карло на базе имеющейся выборки) с использованием сетевых и социально-демографических характеристик участников виртуальных суицидально-депрессивных групп. В результате было установлено, что реальными участниками суицидально-депрессивных сообществ, подверженными риску подобных девиантных проявлений, в реальной жизни являются пользователи, для которых типичны следующие основные характеристики: количество групп тематической направленности, в которых состоит пользователь (шесть), низкое значение локального коэффициента кластеризации и гендерная принадлежность пользователя.

Проанализировав протестные сообщества деструктивной направленности (на примере «групп смерти»), можно сделать вывод о том, что социоструктурные детерминанты влияния сетевых структур на протестное поведение молодежи определяются двумя группами факторов. В первую группу входят факторы, характеризующие специфику функционирования молодежных сетевых структур, которые определены на основе различных показателей центральностей анализа (degree centrality, closeness centrality, betweenness centrality, eigenvector centrality) и ряда других метрик сетевого анализа (модулярность, коэффициент кластеризации). Вторую группу составляют индивидуализированные социально-демографические характеристики

участников молодежных протестных сетевых сообществ, такие как пол, возраст, уровень образования и место проживания, а также характеристики их сетевой активности.

Следующий кейс, на котором были исследованы структурные и функциональные характеристики виртуальных молодежных протестных сообществ относится к социальной сети «Фейсбук». Оно называется «Москвичи против сноса (против закона о реновации)». Всего в данной социальной сети на момент исследования состояло 28 525 участников. Более 89 % членов данного виртуального объединения составляют молодые люди в возрасте от 16 до 35 лет.

При осуществлении анализа, как уже было сказано в теоретической части исследования, использовались только открытые данные, которые пользователи сами о себе оставляют в виртуальных сетях.

На первом этапе были проанализированы количественные характеристики различных видов активностей исследуемого сообщества. На рисунке 20 представлены данные, характеризующие относительную активность участников исследуемого сообщества, распределенную по дням недели.

Рисунок 20. Относительная активность пользователей сообщества «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук»

Данные рисунка 20 говорят о том, что наибольшую активность пользователи сообщества проявляют в рабочие дни, что косвенно может свидетельствовать об использовании данного ресурса для пропагандистских и информационных целей.

На следующем рисунке представлены данные, демонстрирующие зависимость длины публичных сообщений пользователей от дней недели.

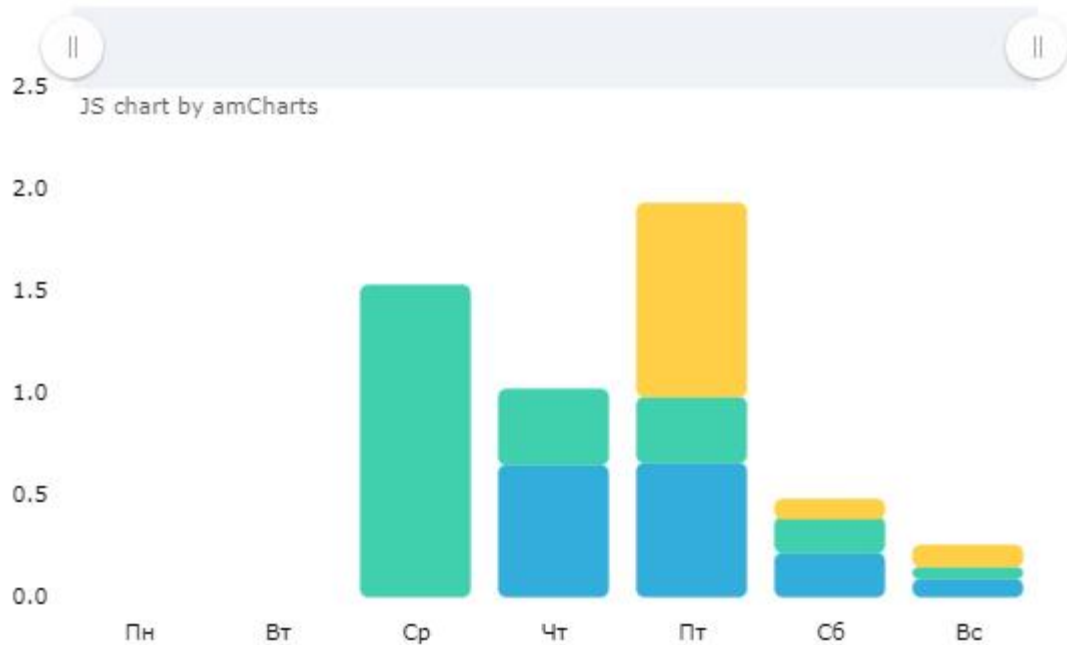

Рисунок 21. Соотношение дни недели / объем текста сообщества «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук»

Данные рисунка 21 говорят о том, что по средам в данном сообществе генерируются публичные сообщения средней длины. В выходные дни размер публичных сообщений в сообществе характеризуется средним и большим объемом текста. Начало же недели характеризуется малыми по объему текста сообщениями.

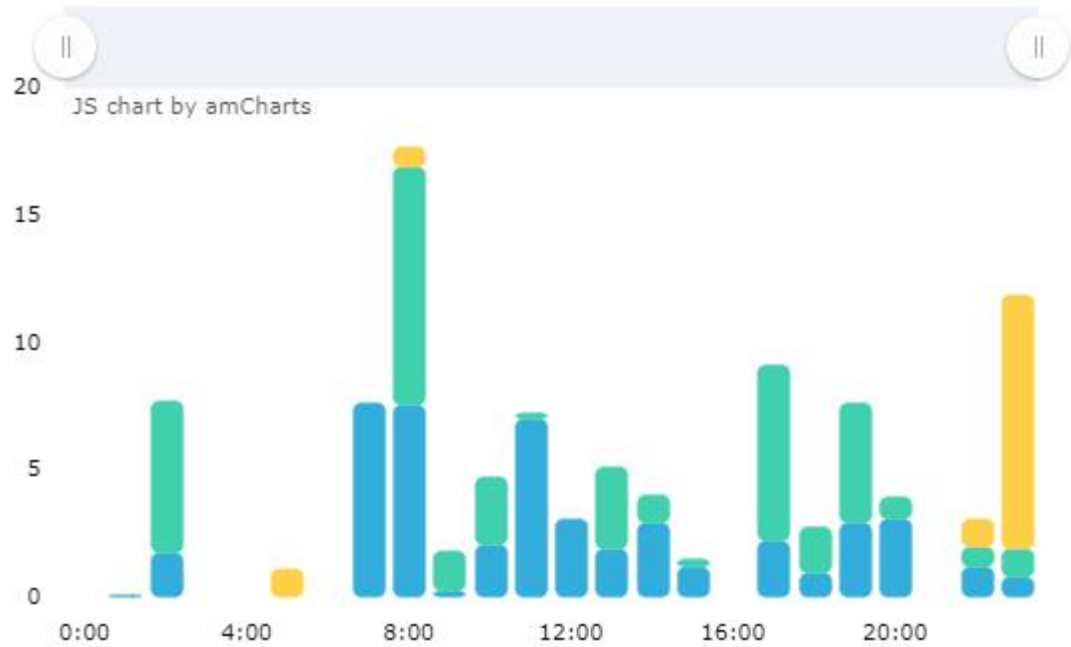

Рисунок 22. Соотношение время суток/объем текста сообщества «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук»

Судя по данным, представленным на рисунке 22, в вечернее время в данном сообществе преобладают большие по объему текста сообщения, в утренние и дневные – короткие.

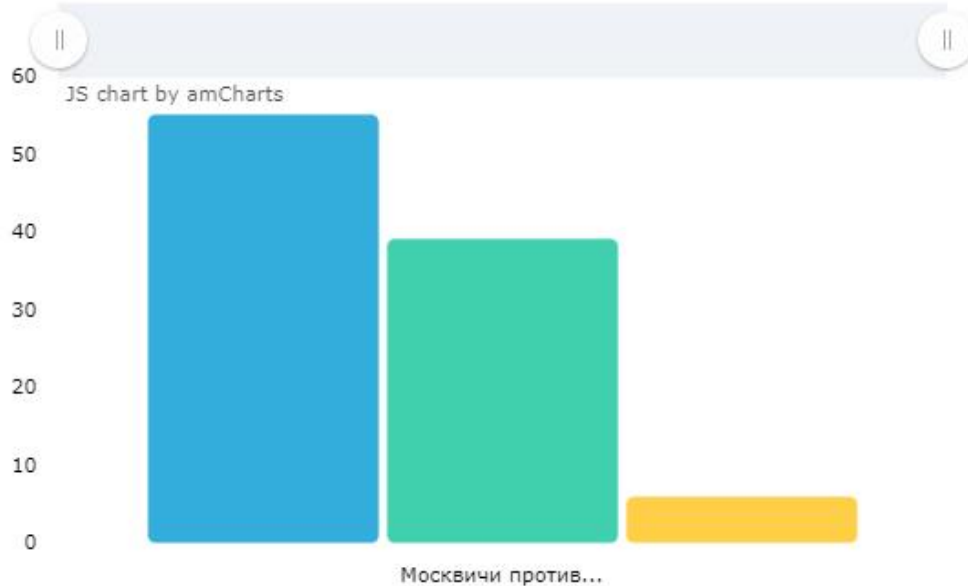

Рисунок 23. Количество сообщений по длине текста сообщества «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук»

Данные рисунка 23 говорят о том, что в анализируемом сообществе преобладают короткие по объему текста сообщения. Количество больших сообщений крайне невелико.

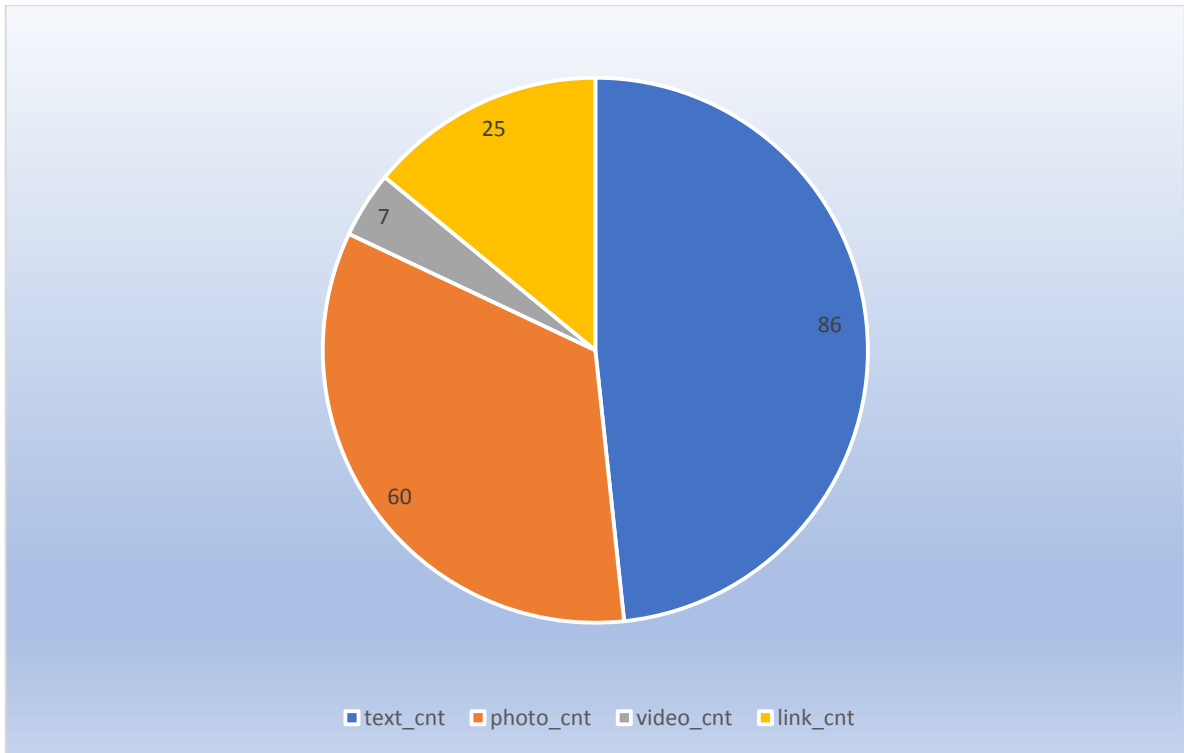

Рисунок 24. Характеристика контента сообщества «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук»

Данные рисунка 24 говорят о том, что в исследуемом сообществе доминируют текстовые сообщения. Но вторым по популярности в данном сообществе находится фотоконтент. Тематические ссылки, которыми делятся друг с другом члены исследуемого виртуального сообщества, являются третьим по популярности типом контента. Наименее популярным в виртуальном сообществе «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» является видеоконтент.

Сравнение молодежных протестных сообществ и других тематических виртуальных объединений говорит о том, что доминирование текстовых сообщений является отличительной чертой сетевых структур протестного характера.

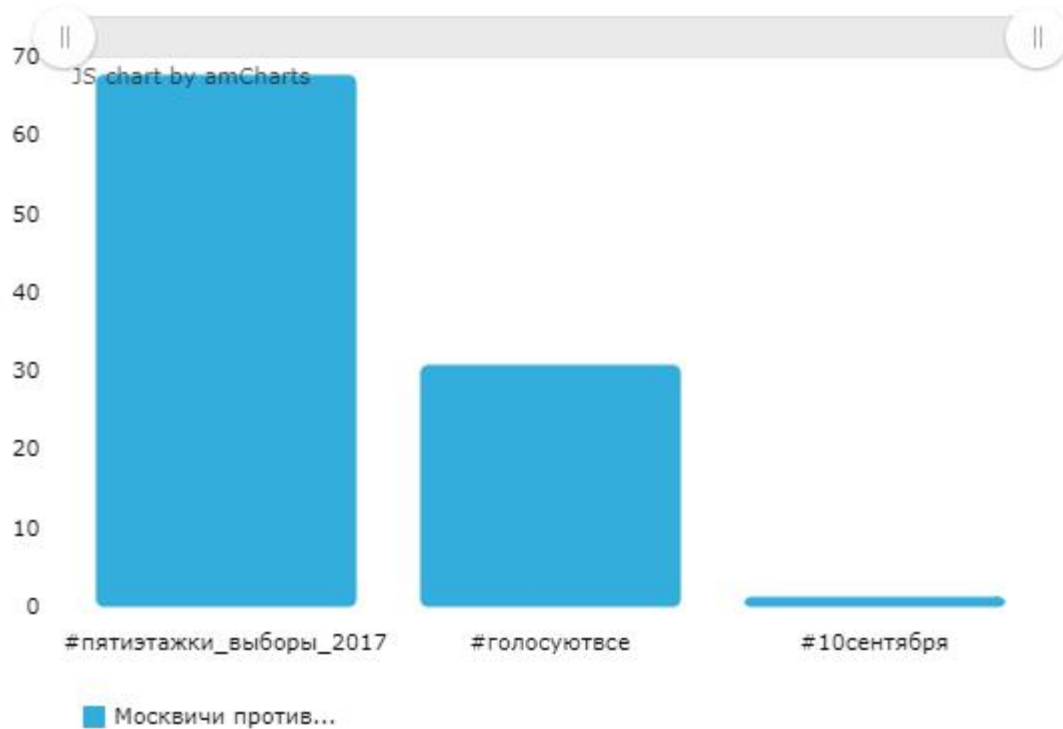

Рисунок 25. Относительная активность по хештегам сообщества «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук»

Анализ наиболее популярных хештегов (ключевое слово сообщения, тип маркирования или тега) в данном сообществе говорит о том, что основная тематика публичных сообщений в сообществе ориентирована на предстоящие муниципальные выборы в столице России.

На следующем рисунке представлены данные о социально-демографических характеристиках пользователей исследуемого сообщества.

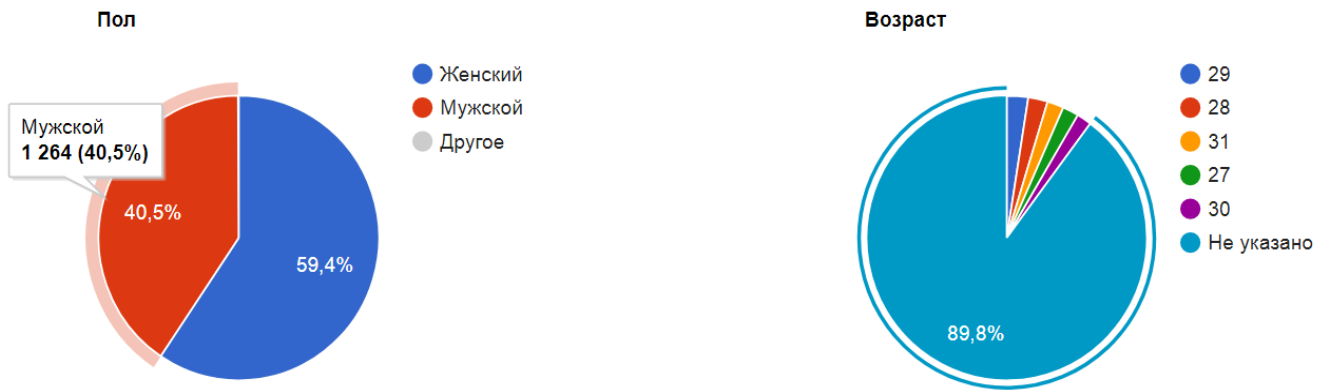

Рисунок 26. Половозрастные характеристики сообщества «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук»

Данные, представленные на рисунке 26 говорят о том, что женщин в исследуемом сообществе несколько больше, чем мужчин (59,4 % против 40,5 %). Несмотря на то что большая часть пользователей не указывают свой возраст в социальных сетях, воспользовавшись методом его восстановления с помощью анализа медианного возраста ближайшего окружения пользователя, было установлено, что средний возраст участника исследуемого виртуального объединения составляет 31 год.

Рисунок 27. Данные о семейном положении и проживании участников сообщества «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук»

Как можно было предположить, более половины членов данного виртуального объединения проживают в столице России. Более половины членов сообщества состоят в законном браке (это было установлено также на

основе медианного значения семейного положения ближайшего окружения конкретного пользователя). Не состоят в официальном браке 17 % участников изучаемого сетевого объединения.

Рисунок 28. Данные о текущем роде занятий участников сообщества «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук»

Данные рисунка 28 говорят о том, что основная часть участников сообщества являются студентами высших учебных заведений, а также работниками среднего звена на предприятиях и в организациях различных форм собственности (преимущественно, частной). Это было установлено на основе построения графа пользователей сообщества, узлами в котором являются пользователи, а ребро между ними образуется в случае наличия общего места работы или сферы деятельности.

Анализируя собранные социально-демографические данные участников исследуемого протестного сообщества, можно говорить о том, что типичным его участником является девушка в возрасте от 27 до 32 лет, проживающая в столице, являющаяся работником частной компании.

Интересной особенностью, выявленной в ходе работы над данной частью диссертационного исследования, является относительная однородность

участников исследуемого протестного сообщества. Судя по анализу информационного контента сообщества можно говорить о том, что более 87 % его активных участников никогда ранее не принимали участие в реальных протестных акциях.

Подводя итог анализа коммуникационной активности в исследуемом сообществе, можно сделать вывод, что в его структуре преобладает информационный контент с четким и понятным фактажом, ориентированным на всех членов виртуального объединения. Сам контент же характеризуется относительно короткими, но емкими сообщениями, не содержащими в себе призывов к конкретным протестным или иным действиям деструктивного характера.

Далее на следующем рисунке представлен полный граф участников данного сообщества, построенный на основе общности взаимодействия. Всего в данном сообществе на момент проведения исследования было 28 525 участников (узлов графа) и 171 152 ребра (связей на основе дружбы). Граф на рисунке 29 представлен в масштабируемом виде.

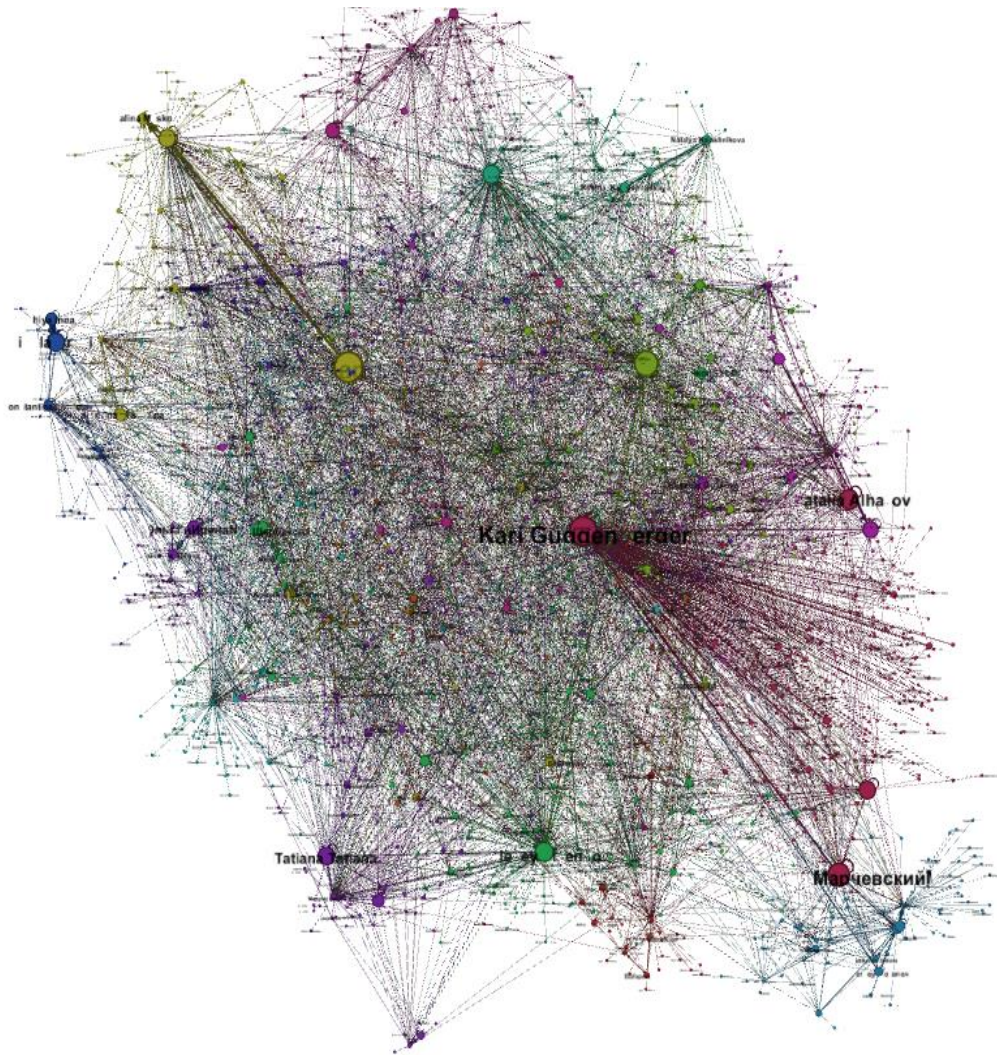

Рисунок 29. Граф социальных связей участников сообщества «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук»

Средняя степень в данном графе равна 3,51. Диаметр полученного графа равен 6. Данная сеть является достаточно децентрализованной, так как показатель плотности графа составляет 0,03. Значение среднего коэффициента кластеризации, который показывает, насколько плотно связаны вершины вокруг узлов, составило 0,31, что говорит об относительно равномерном распределении связей среди всех узлов данного графа.

Results:

Modularity: 0,483
 Modularity with resolution: 0,483
 Number of Communities: 18

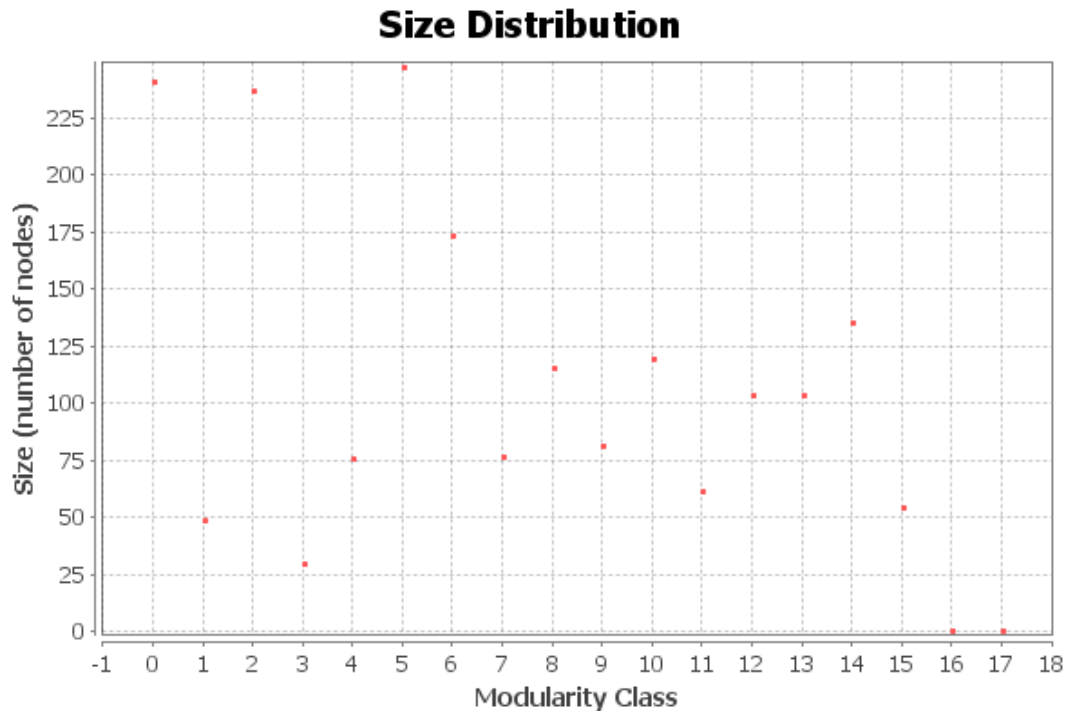

Рисунок 30. – Параметры модулярности участников сообщества «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук»

Показатель модулярности, активно используемый в социально-сетевом анализе, означает, существуют ли в графе отдельные латентные структуры. В исследуемом сообществе значение показателя модулярности составило 0,483, что позволяет говорить о наличии в нем отдельных латентных структур. Всего в сообществе «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук» обнаружено 18 подобных скрытых сообществ.

На следующем рисунке представлен граф изучаемого молодежного протестного сообщества, построенный на основе такой метрики социально- сетевого анализа, как авторитетность, по которой возможно оценить, в том числе, и виртуальный статус участника конкретной сетевой структуры.

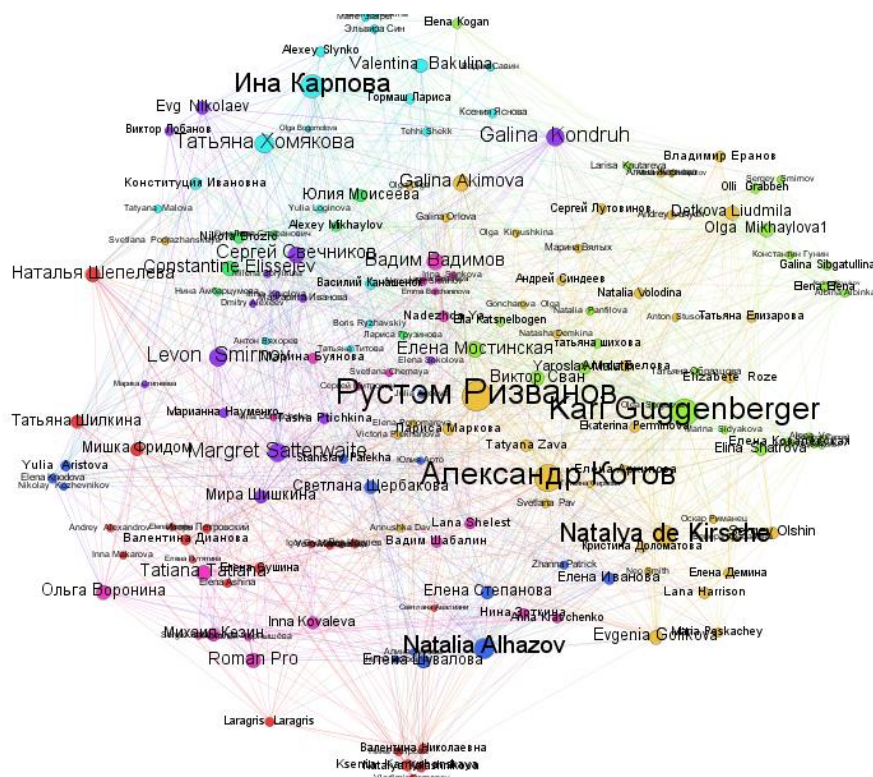

Рисунок 31. Граф сообщества «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук», основанный на показателе Authority

Граф исследуемого сообщества, построенный на основе общности связей с использованием такой метрики социально- сетевого анализа, как авторитетность, показывает, что в данном сообществе не существует явного лидера и социальный капитал сообщества распределен по нему достаточно равномерно. Информационные потоки сосредоточены вокруг пяти наиболее авторитетных участников исследуемого виртуального объединения.

Функциональные характеристики конкретной сетевой структуры невозможно оценить без изучения специфики коммуникационных взаимодействий. Для этого нами был построен граф коммуникационных взаимодействий внутри изучаемого сообщества. Вершинами графа являлись конкретные информационные материалы, размещаемые в открытом доступе, а ребрами – ссылки и комментарии к данной публикации.

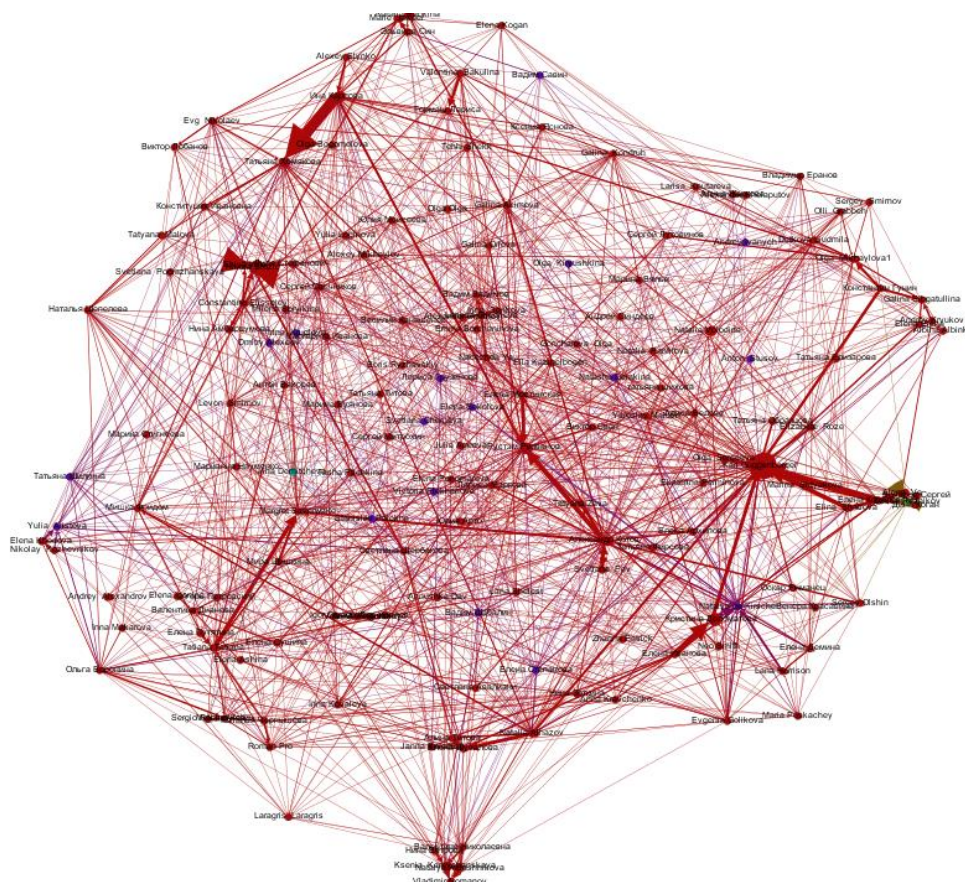

Рисунок 32. Граф публичных сообщений сообщества «Москвичи против сноса (против закона о реновации)» социальной сети «Фейсбук»

Всего в данном сообществе 88,55 % публичных сообщений комментируются пользователями. Еще 10,24 % информационного контента, открытого для всех участников сообщества, вызывает публичное одобрение («лайки»). И лишь 0,6 % комментариев к публикации вызывают ответные комментарии других пользователей. Такое же количество публикаций (0,6 %) является авторскими.

Далее необходимо отметить, что для проверки полученных данных были проанализированы еще 6 виртуальных протестных сообществ социальной сети «Фейсбук», количество участников которых варьируется в пределах от 124 до 79 542 человек. Их анализ и визуализация полученных данных показали, что во всех из них количество наиболее статусных пользователей не превышает

четырёх человек. Количество узлов, контролирующих информационные потоки – не более трех.

В целом необходимо отметить, что протестные сообщества социальных сетей «ВКонтакте» и «Фейсбук» существенно отличаются между собой как социально-демографическими характеристиками респондентов, так и структурными и функциональными особенностями. Для подтверждения этой гипотезы социально-сетевому анализу было подвергнуто еще одно масштабное сетевое образование социальной сети «ВКонтакте» «Новая сила». Данное сообщество характеризуется призывами к активным протестным действиям и другим противоправным и зачастую не согласованным акциям в реальном мире. На момент проведения исследования в данном виртуальном сообществе состояли 6 059 пользователей. На рисунке 33 представлен граф взаимодействий основных участников этой сети, построенный на основе социальных взаимодействий. При анализе также использованы только открытые данные, которые пользователи сами оставляют о себе в социальных сетях.

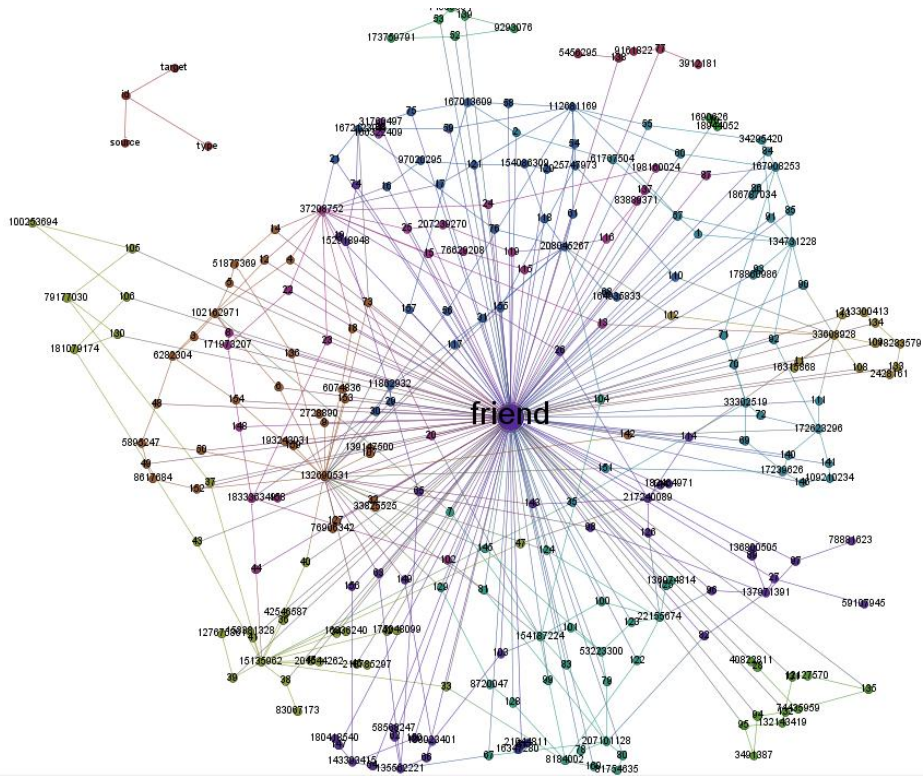

Рисунок 33. Граф социальных взаимодействий «Новая сила. Политическая партия» социальной сети «ВКонтакте»

Граф социальных взаимодействий, построенный на основе показателя промежуточности, показывает, что в данном сообществе присутствует только один явно выраженный лидер, на которого ориентируются другие участники сообщества.

Results:

Diameter: 4
 Radius: 1
 Average Path length: 2.689028980052691
 Number of shortest paths: 63768

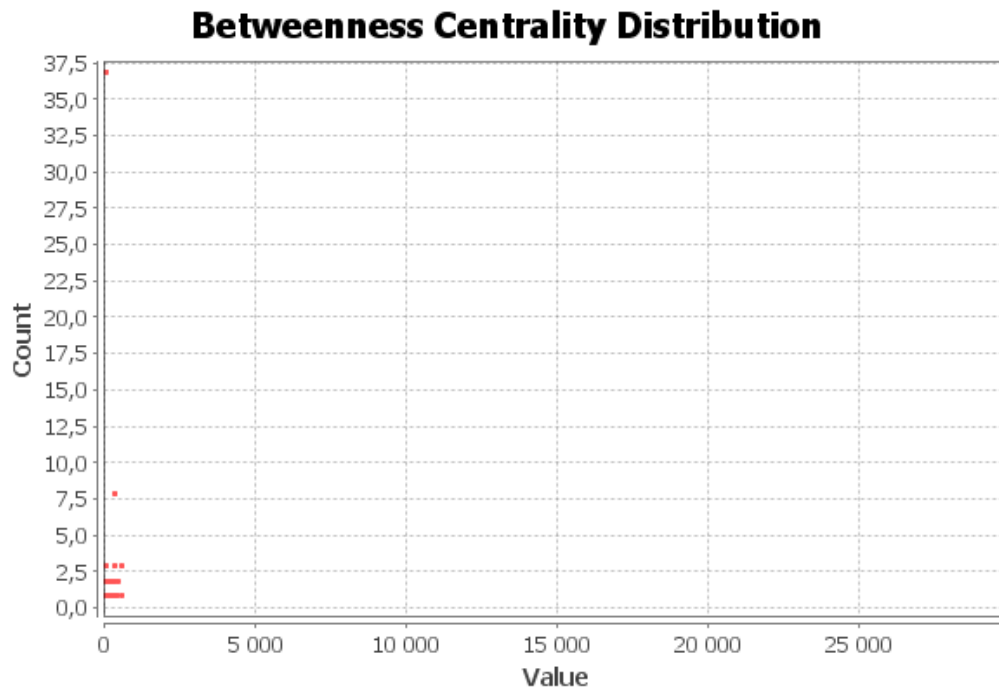

Рисунок 34. Распределение степеней промежуточности всех акторов сети

Представленных на рисунке 34 участников сети можно назвать «проводниками» сообщества. Именно через них происходит трансляция основных коммуникаций другим акторам. Более того, эти члены сообщества также являются «лидерами мнений», обладая наибольшей мощностью узлов (по сравнению со всеми узлами сети).

При этом в данном виртуальном сообществе мужчины существенно преобладают над женщинами. Кроме того, характерно также доминирование пользователей со средним или средним специальным образованием. Анализ социально-демографических характеристик участников данного сообщества показал, что более 64 % его участников не состоят в браке.

Далее представляется необходимым проанализировать граф персональных взаимодействий лидера данного сообщества, который представлен на рисунке 35.

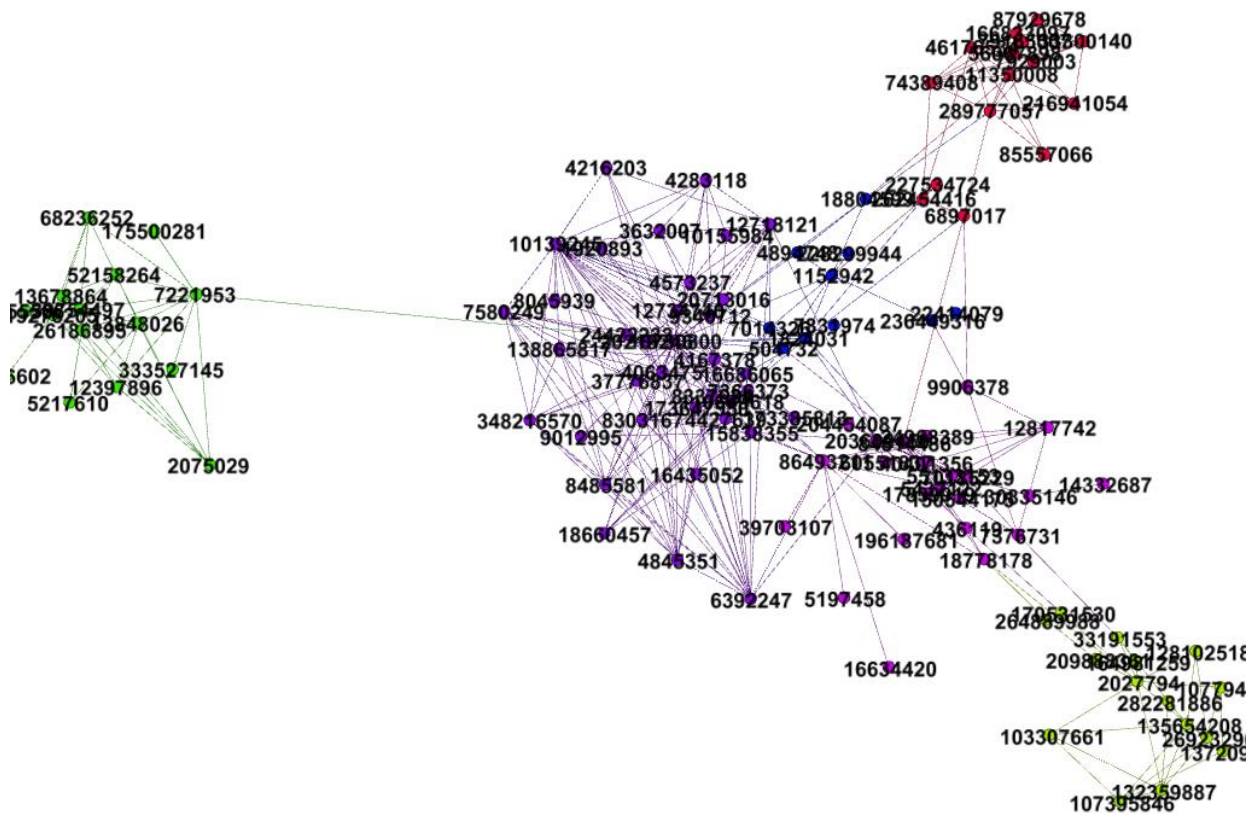

Рисунок 35. Граф эго-сети лидера сообщества «Новая сила. Политическая партия» социальной сети «ВКонтакте»

Значение модулярности персональной эго-сети (0,612) показывает, что в данной персональной эго-сети существует шесть крупных относительно замкнутых сообществ, которые соединяет между собой только один

пользователь. Значение плотности персональной эго-сети составляет 0,029, что говорит о ее существенной децентрализации.

Таким образом, на основе изучения основных метрик социально-сетевого анализа персональной эго-сети лидера виртуального протестного сообщества, можно сделать вывод о том, что в структуре его виртуальных взаимодействий присутствует от одного до трех ключевых пользователей-хабов, которые соединяют между собой других членов его личной сети.

Эго-сеть лидера протестного сообщества весьма децентрализована. Еще одной отличительной особенностью подобной сети является достаточно большое значение ее диаметра (от 6 до 10), что говорит о невысокой скорости распространения информации среди ближайшего окружения лидера протестного сообщества.

Необходимо заметить, что до этого в данном параграфе были представлены неориентированные графы виртуальных сообществ, что не дает полного представления о структурно-функциональных особенностях сетевых объединений. В связи с этим на следующем этапе исследования было подвергнуто анализу сетевое сообщество протестного характера «@Svoboda_naroda» социальной сети «Твиттер».

В результате построения ориентированного графа на основе исследования ключевых хештегов был получен ориентированный граф, представленный на рисунке 36.

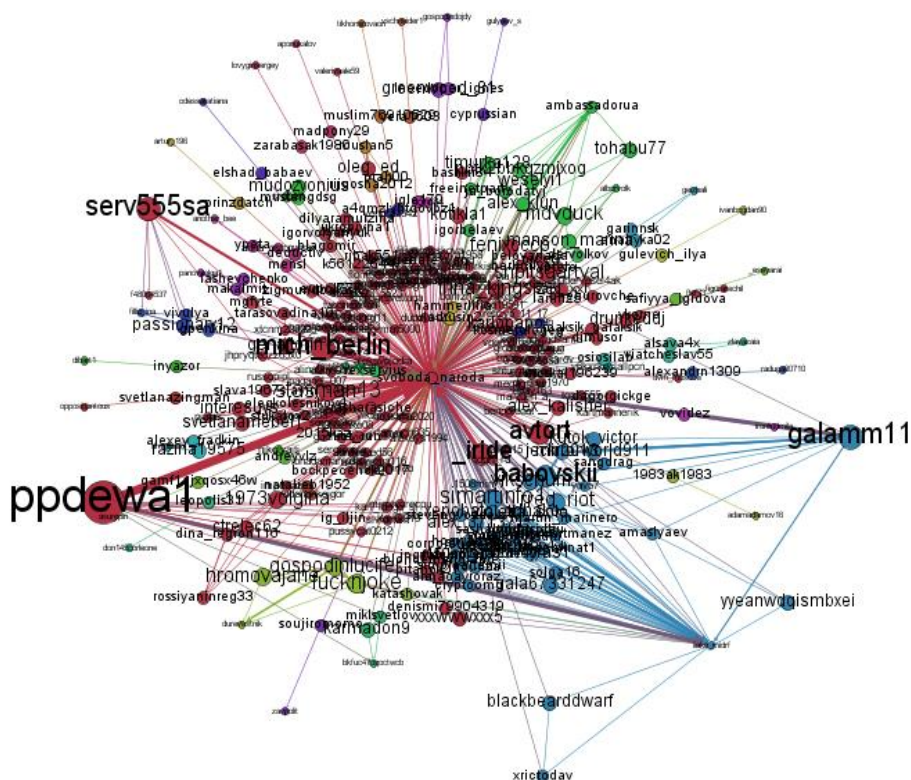

Рисунок 36. Структура коммуникативных взаимодействий в социальной сети «Твиттер»

Количество представленных в данном сообществе связей говорит о том, что узлы с высоким значением коэффициента кластеризации связаны с теми пользователями, которые их лично знают или же состоят в дружеских отношениях в указанной социальной сети. Кроме того, на рисунке 36 можно заметить плотное кольцо дружественных аккаунтов, окружающее изучаемое сообщество. Сопоставление этого вывода с четырьмя аналогичными протестными сообществами сети «Твиттер» позволяет сделать вывод о том, что данное обстоятельство является характерным свойством сетевой структуры протестных сообществ данного виртуального медиасервиса.

Кроме того, данная сеть является децентрализованной. Об этом говорит значение плотности графа, равное 0,006. Однако при этом в данной сети

присутствуют сильно связанные компоненты, что позволяет ее разделить на два кластера (рисунок 37).

Network Interpretation: directed

Results:

Number of Weakly Connected Components: 2
Number of Strongly Connected Components: 299

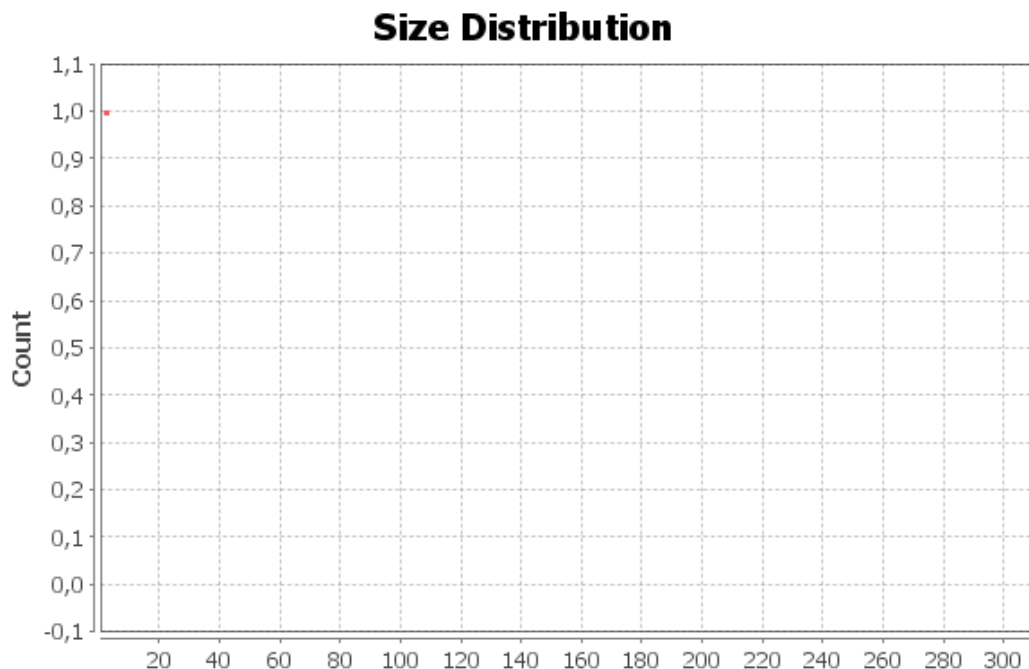

Рисунок 37. Сильно связанные компоненты сообщества «@Svoboda_naroda» социальной сети «Твиттер»

Данные, представленные на рисунке 37, говорят о том, что исследуемое сетевое сообщество делится на два крупных кластера. Условно их можно обозначить как «лайкеры» – пользователи, высказывающие одобрение тем или иным текстовым сообщениям, и «комментаторы» – пользователи, комментирующие или репостящие ту или иную запись. В данном случае в сети присутствуют пять крупных узлов, которые являются аккаунтами других пользователей, ссылающихся на изучаемое сообщество.

Таким образом, структура данного протестного сообщества состоит из пяти ключевых пользователей, обладающих высоким авторитетом и

социальным капиталом. В данном сообществе информация быстро распространяется от ее автора к получателям. При этом между отдельными акторами существует слабо выраженная взаимная связь. Проведенное дополнительное исследование аналогичных протестных сообществ социальной сети «Твиттер» показало, что это объясняется желанием ссылаться на лидеров мнений в социальных сетях, а не на пользователей, с которыми существует налаженное взаимодействие. По нашему мнению, данная особенность является отличительной для виртуальных молодежных сообществ протестного характера.

Итак, по итогам работы над данной частью диссертационного исследования можно сделать следующие основные выводы.

Среди основных особенностей виртуального молодежного протеста, можно выделить следующие:

- отсутствие географической локализации в виртуальных молодежных сообществах протестного характера;
- существенные различия по социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам пользователей;
- присутствие в молодежных протестных сетевых структурах большого числа изолянтов (пользователей, не состоящих во взаимодействии с другими участниками подобных сообществ);
- возможность адресного влияния на конкретного участника сетевого сообщества протестного характера;
- отсутствие непосредственных взаимодействий участников протестных сообществ с оппонентами;
- невысокие организационные и материальные затраты для создания молодежного сообщества протестного характера.

В ходе анализа протестных сообществ различного характера установлено существенное влияние социальной сети, на базе которой сформировано то или

иное виртуальное объединение. Так, в протестных молодежных виртуальных объединениях, созданных на базе социального сервиса «ВКонтакте» существенно преобладают мужчины в возрасте от 16 до 23 лет. Протестные сетевые структуры, функционирующие в сети «ВКонтакте», отличаются активными призывами к реальным деструктивным действиям, низким уровнем организованности взаимодействия внутри сетевого сообщества.

Протестные сообщества, функционирующие на базе социальной сети «Фейсбук», отличаются возрастным составом участников (от 22 до 35 лет), достаточно высоким уровнем организованности функционирования сетевой структуры, отсутствием жесткой стратификации и одного явно выраженного лидера, а также относительным гендерным равновесием.

Сетевые структуры, созданные на базе виртуального сервиса «Твиттер» являются наиболее децентрализованными. Специфика социального взаимодействия в них детерминируется важностью конкретного протестного события и характеризуется непостоянством, прерывистостью и существенным влиянием лидеров протестного сообщества на характер коммуникации.

Использование при анализе и обобщении эмпирических материалов структурно-функционального подхода позволило определить и описать типичный социальный портрет участника виртуального молодежного протестного сообщества. В основном это жители крупных городов, чаще административных центров субъекта РФ. Возраст участников виртуальных протестных объединений, наиболее склонных к реальным протестным действиям, варьируется в пределах от 19 до 26 лет. Анализ коммуникативных действий (лайки, репосты, комментарии) участников подобных сетевых объединений позволил установить, что наиболее значимыми ценностями для них являются семья, справедливость, а также склонность к идеализму. Здесь необходимо подчеркнуть, что большинство пользователей виртуальных сетевых сообществ не указывают о себе сведений, позволяющих оценить их ценностные

ориентации. Это было сделано с помощью специально разработанного алгоритма, основанного на графе ценностных ориентаций ближайшего социального окружения исследуемого пользователя.

Далее были определены основные функции, характерные для виртуальных молодежных протестных сообществ. К ним относятся:

1) информационная – оповещение участников сообщества о тех или иных событиях в виртуальном или реальном мире;

2) пропагандистская – распространение материалов о целях, сущности и функциях виртуального сообщества, формирование смыслов протеста;

3) организационная – воспроизводство и совершенствование внутренней структуры виртуального молодежного протестного сообщества;

4) рекрутинговая – поиск и привлечение новых сторонников протеста и членов сетевой структуры.

Далее необходимо заметить, что только лишь сетевой анализ не является полноценным социологическим исследованием, претендующим на выявление социоструктурных детерминант молодежных протестных сообществ. В связи с этим в следующей части исследования будет представлен анализ материалов и результатов авторского социологического исследования, осуществленного с помощью традиционных социологических методов и социально-сетевого анализа.

2.2 Характеристика и типологизация протестной активности современной молодежи, детерминированной виртуальными сетевыми сообществами

Перед началом данного этапа исследования перед нами стояла задача формирования выборки, адекватной целям и задачам настоящего исследования. В связи с этим первым этапом исследования стал поиск сетевых протестных сообществ социальной сети «ВКонтакте», локализованных в Ставропольском крае. Для решения этой задачи было создано специализированное программное обеспечение (скрипт) на языке программирования Python. Всего после ручной проверки и корректировки полученного списка было отобрано 43 виртуальных сообщества, численность участников которых варьировалась в пределах от 16 до 2 547 человек. Общее количество участников виртуальных молодежных протестных сообществ – 87 458 пользователей. Для анализа и получения информации о пользователях использовались только открытые данные, которые пользователи сами оставляют о себе в социальных сетях.

На следующем этапе были отобраны изолянты (участники протестных сообществ, не проявляющие активных действий в виртуальном сообществе). Далее активным участникам отобранных молодежных протестных виртуальных объединений было отправлено приглашение принять участие в количественном онлайн-опросе с помощью сервиса Google Docs. Анкета количественного этапа исследования представлена в приложении 1.

Эмпирическим объектом исследования явилась молодежь в возрасте от 18 до 35 лет, являющаяся активным участником виртуальных протестных сообществ и постоянно проживающая на территории Ставропольского края.

Для анализа первичной информации (электронного массива данных по результатам эмпирического исследования) в целях выявления латентных причинно-следственных связей признаков использовались многомерные методы статистического анализа данных – анализ соответствий, двухэтапный

кластерный анализ и метод «деревьев решений» (CHAID) на базе пакета IBM SPSS Statistics 23.01, Excel, языка программирования для статистических вычислений R.

При анализе материалов и результатов исследования использовались одномерные методы анализа данных – анализ частотных распределений, анализ таблиц сопряженности, корреляционный анализ. Для проверки выявления статической связи между переменными были использованы критерий хи-квадрат, методы оценка риска, тест Макнемара, а также коэффициенты F и V Крамера. При оценке наличия статической связи между двумерными переменными были использованы статистики Кокрена и Мантеля-Хенцеля.

Объем выборочной совокупности в соответствии с требованиями репрезентативности. Общий объем выборочной совокупности составляет 358 респондентов. Средняя ошибка выборки равна 4,52 %. Вычисление средней ошибки выборки при собственно-случайном бесповторном методе отбора респондентов осуществлено по формуле

$$n = \sqrt{\frac{O^2}{n} \left(1 - \frac{n}{N}\right)} \quad (1)$$

где:

n – объем выборочной совокупности;

N – объем генеральной совокупности;

n – средняя ошибка выборки;

O – дисперсия, измеряющая разброс признака в генеральной совокупности (при предположении, что доля равна примерно 50 % или 0,5). С учетом дизайн-эффекта выборочной совокупности ($deff = \frac{\text{var}_a(\bar{y})}{\text{var}_0(\bar{y})}$) предельная ошибка репрезентативности равна 3,67.

¹ SPSS – аббревиатура с англ. *Statistical Package for the Social Sciences* – Статистический пакет для социальных наук.

Формирование выборочной совокупности происходило по принципу трехступенчатой районированной (стратифицированной) пропорциональной выборки с использованием метода случайно-бесповторного отбора респондентов на маршрутах. Учет квотирования по половозрастному принципу в соответствии с данными социально-демографической статистики не осуществлялся.

Для сбора первичной информации использован метод онлайн-опроса с использованием стандартизированного инструментария (анкеты), в котором система вопросов направлена на выявление количественно-качественных характеристик объекта и предмета исследования.

Таблица 3 – Распределение респондентов по районам проведения исследования

	<i>Процент</i>
Шпаковский	10,7
Благодарненский	10,9
Новоселицкий	11,3
Грачевский	8,8
Невинномысск	11,1
Ипатовский	9,4
Новоалександровский	6,7
Предгорный	6,8
Пятигорск	10,0
Ставрополь	14,2
Всего	100,0

Таблица 4 – Структура выборочной совокупности по демографическим показателям

<i>Показатели</i>	<i>Характеристика выборочной совокупности</i>
<i>Пол</i>	
Мужчины	58,6 %
Женщины	41,4 %
<i>Возраст</i>	
18–24 года	55,3 %

25–35 лет

44,7 %

Сфера занятости, уровень образования, уровень материальной обеспеченности респондентов не являлись квотными показателями, тем не менее структура выборочной совокупности достаточно точно соответствует структуре населения региона по данным показателям, по независимым экспертным данным, полученным ранее исследователями в ходе работы в Ставропольском крае.

Структура выборочной совокупности по сфере занятости респондентов

1. Квалифицированный рабочий, включая сельское хозяйство (45,6 %).
2. Неквалифицированный рабочий, включая сельское хозяйство (19,9 %).
3. Неквалифицированный рабочий, включая сельское хозяйство (8,9 %).
4. Служащие без высшего образования (10,0 %).
5. Специалист с высшим образованием в коммерческом секторе (6,2 %).
6. Специалист с высшим образованием – бюджетник (4,9 %).
7. Бизнесмен, предприниматель (4,1 %).
8. Государственный или муниципальный служащий (0,5 %).

Структура выборочной совокупности по уровню образования

1. Начальное и неполное среднее (6,9 %).
2. Среднее общее, ПТУ (30,4 %).
3. Среднее специальное (39,9 %).
4. Высшее, незаконченное высшее (22,8 %).

Структура выборочной совокупности по материальной обеспеченности респондентов

1. Денег хватает на удовлетворение потребностей без особых ограничений (01,4 %).
2. Денег хватает на питание, жилье, одежду, образование, здоровье, отдых, товары длительного пользования (52,4 %).

3. Денег хватает в основном на питание, жилье, товары первой необходимости (43,2 %).

4. Денег не хватает даже на питание (3,1 %).

Первый блок инструментария исследования включал оценку социально-экономических проблем и рейтинг доверия по отношению к действующей исполнительной власти региона.

Среди наиболее актуальных социально-экономических проблем у населения муниципальных районов Ставропольского края выделяются: плохое состояние дорог (57,9 %), высокие тарифы ЖКХ (57,9 %), инфляция, рост цен (48,1 %), а также низкие зарплаты, стипендии и пособия (36,2 %). Полный перечень наиболее актуальных проблем представлен на рисунке 38.

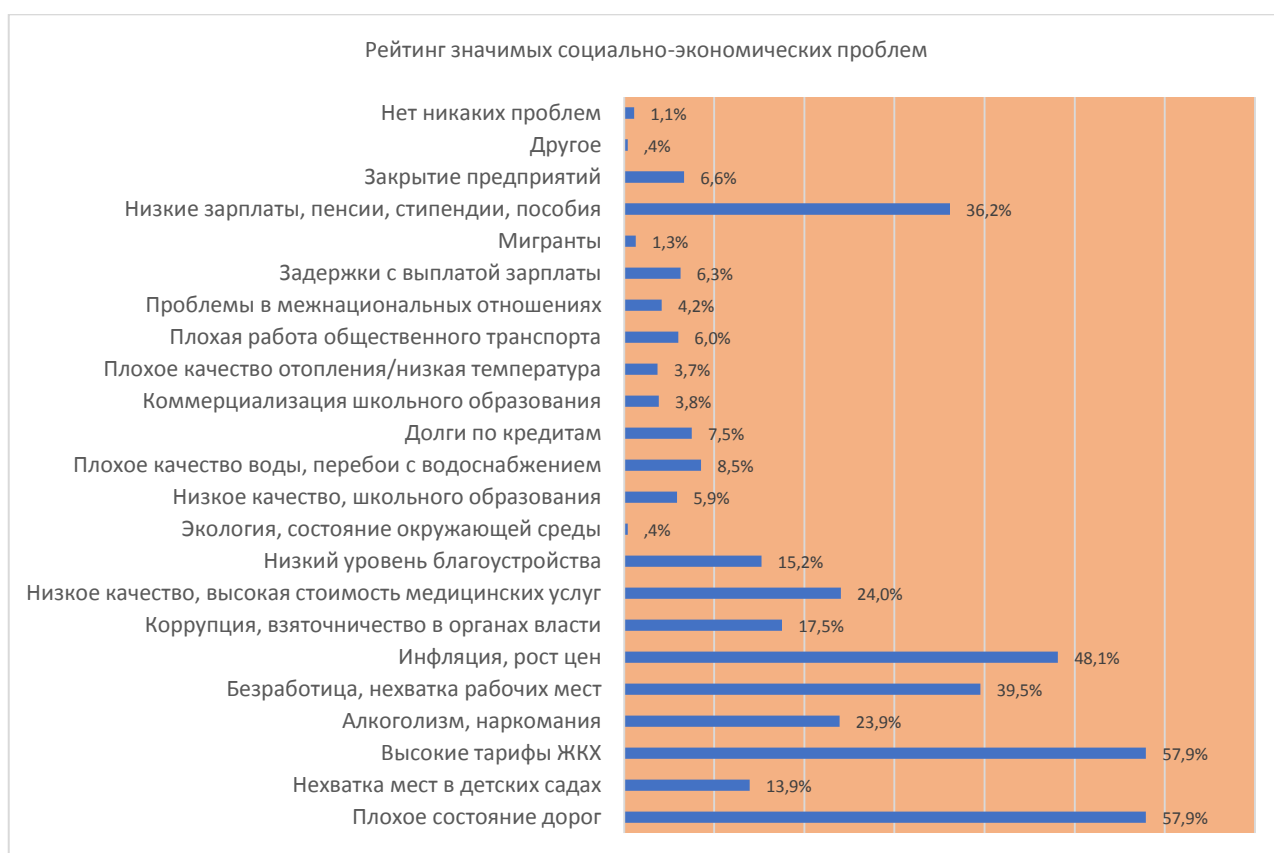

Рисунок 38. Рейтинг наиболее значимых социально-экономических проблем

При этом плохое состояние дорог в большей степени волнует мужчин, нежели женщин (63,3 % против 54,1 %). Высокие тарифы ЖКХ волнуют в равной степени женщин и мужчин.

В целом, анализируя данные количественного этапа социологического исследования, можно говорить о том, что фоновая напряженность, вызывающая протестные настроения молодежи, связана с такими проблемами, как плохое состояние дорог, высокие тарифы ЖКХ, инфляция, рост цен, а также низкие зарплаты, стипендии и пособия.

Далее для описания детализации уровня доверия к исполнительной власти региона был использован метод построения деревьев решений (CHAID) – алгоритм, который позволяет понять, в какой группе респондентов интересующий признак принимает максимальное значение.

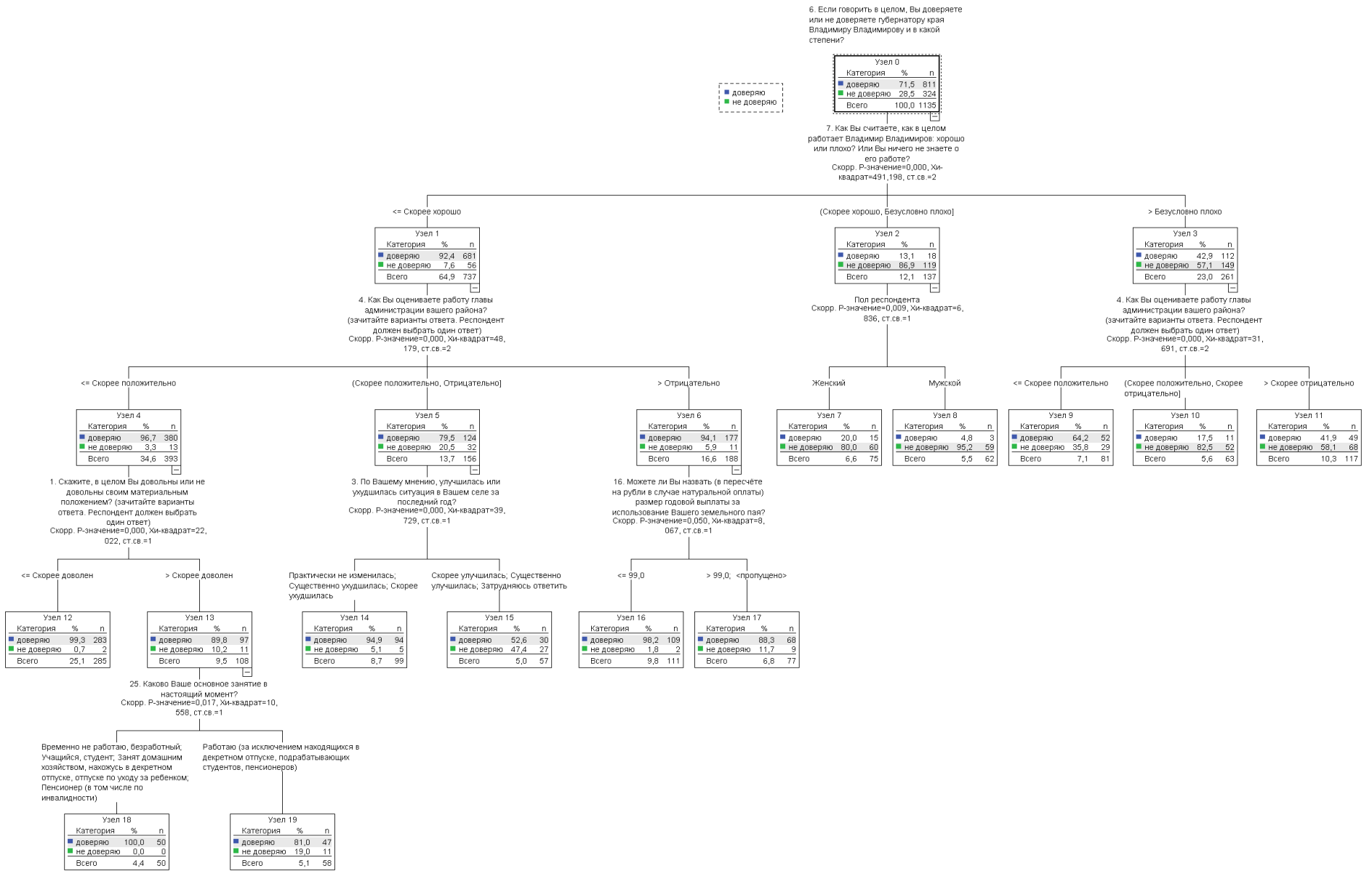

Рисунок 39. Доверяете ли Вы исполнительной власти Ставропольского края и в какой степени (метод Chaid)

Таблица 5 – Целевая категория: «доверяю»

<i>Узел</i>	<i>Узел</i>		<i>Выигрыш</i>		<i>Отклик</i>	<i>Индекс</i>
	<i>N</i>	<i>Процент</i>	<i>N</i>	<i>Процент</i>		
18	50	4,4 %	50	6,2 %	100,0 %	140,0 %
12	285	25,1 %	283	34,9 %	99,3 %	139,0 %
16	111	9,8 %	109	13,4 %	98,2 %	137,4 %
14	99	8,7 %	94	11,6 %	94,9 %	132,9 %
17	77	6,8 %	68	8,4 %	88,3 %	123,6 %
19	58	5,1 %	47	5,8 %	81,0 %	113,4 %
9	81	7,1 %	52	6,4 %	64,2 %	89,8 %
15	57	5,0 %	30	3,7 %	52,6 %	73,7 %
11	117	10,3 %	49	6,0 %	41,9 %	58,6 %
7	75	6,6 %	15	1,8 %	20,0 %	28,0 %
10	63	5,6 %	11	1,4 %	17,5 %	24,4 %
8	62	5,5 %	3	,4 %	4,8 %	6,8 %

Анализируя полученные данные можно сделать вывод о том, доверяют исполнительной власти региона в основном респонденты, которые в настоящее время учатся, временно не работают, заняты в домашнем хозяйстве или находятся в декретном отпуске. Данная модель получит отклик в 100 % случаев генеральной совокупности.

Таблица 6 – Целевая категория: «не доверяю»

<i>Узел</i>	<i>Узел</i>		<i>Выигрыш</i>		<i>Отклик</i>	<i>Индекс</i>
	<i>N</i>	<i>Процент</i>	<i>N</i>	<i>Процент</i>		
8	62	5,5 %	59	18,2 %	95,2 %	333,4 %
10	63	5,6 %	52	16,0 %	82,5 %	289,1 %
7	75	6,6 %	60	18,5 %	80,0 %	280,2 %
11	117	10,3 %	68	21,0 %	58,1 %	203,6 %
15	57	5,0 %	27	8,3 %	47,4 %	165,9 %
9	81	7,1 %	29	9,0 %	35,8 %	125,4 %
19	58	5,1 %	11	3,4 %	19,0 %	66,4 %
17	77	6,8 %	9	2,8 %	11,7 %	40,9 %
14	99	8,7 %	5	1,5 %	5,1 %	17,7 %
16	111	9,8 %	2	,6 %	1,8 %	6,3 %
12	285	25,1 %	2	,6 %	,7 %	2,5 %

18	50	4,4 %	0	,0 %	,0 %	,0 %
----	----	-------	---	------	------	------

Если говорить о тех респондентах, которые не доверяют исполнительной власти региона, то это лишь респонденты мужчины, ответившие «скорее хорошо» или «безусловно плохо» на вопрос о доверии исполнительной власти в Ставропольском крае. Данная модель получит отклик в 95,2 % случаев генеральной совокупности.

При оценке изменений состояния отрасли жилищно-коммунального хозяйства 26,3 % опрошенных выбрали вариант ответа «ухудшилось», 25,2 % – «не изменилось», 23,0 % – «в чем-то улучшилось, а в чем-то ухудшилось», 8,2 % – «улучшилось», 17,4 % участников опроса затруднились дать оценку изменениям в сфере ЖКХ за прошедший год.

Результаты сравнительного анализа степени удовлетворенности респондентов состоянием ЖКХ в муниципальных образованиях, свидетельствуют о преобладании низкого уровня удовлетворенности в этой сфере.

По результатам проведенного опроса, доля респондентов, которые удовлетворены и которые не удовлетворены работой администраций в месте своего проживания, приблизительно одинаковая – соответственно 37,6 % и 40,4 % (рисунок 40).

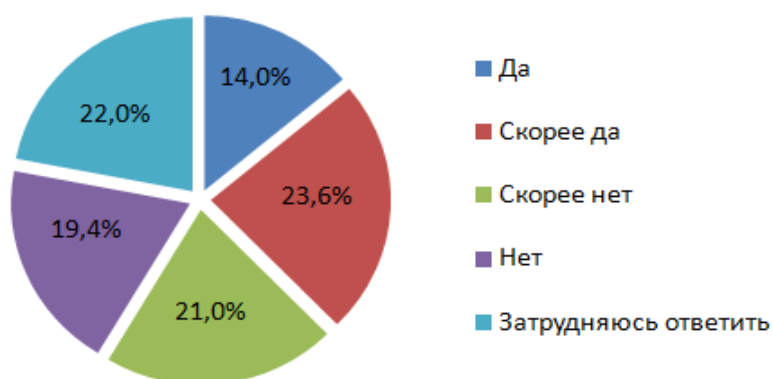

Рисунок 40. Степень удовлетворенности респондентов работой администрации своего города (района)

Результаты сравнительного анализа ответов респондентов разных муниципальных образований на вопрос об опыте коррупционных взаимодействий с представителями органов власти позволяет построить ранжированный ряд муниципальных образований по критерию убывания количества тех, кто лично сталкивался за последние год-два с предложениями неофициальной платы за услуги со стороны государственных или муниципальных служащих. При этом каждый четвертый участник опроса (24,5 %) считает, что за последний год проблема коррупции увеличилась, а принимаемые меры по предотвращению коррупции уменьшились (рисунок 41).

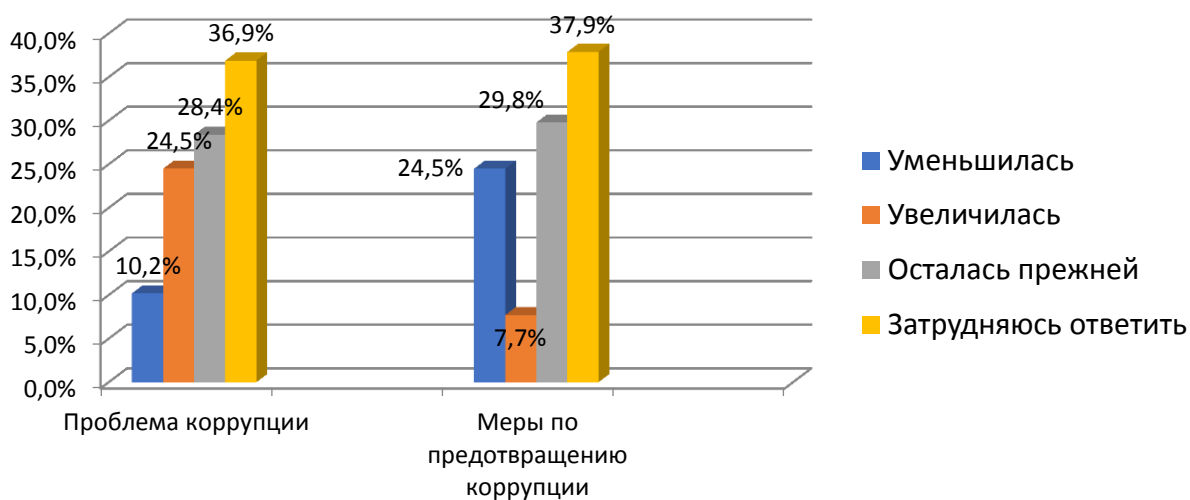

Рисунок 41. Динамика коррупционной ситуации в крае

Следует обратить внимание, что как в данных, приведенных на рисунке 41, так и в ответах на другие вопросы этого блока преобладают нейтральные оценки респондентов – «осталось прежней», «затрудняюсь ответить». Это иллюстрирует и сравнительный анализ оценок динамики коррупционной ситуации респондентами разных муниципальных образований.

О сложном отношении к коррупции, прежде всего на уровне общественного сознания, свидетельствуют некоторые несоответствия в ответах

на вопросы, которые должны коррелировать друг с другом: 59,9 % участников опроса считают, что коррупционные проявления в сфере предоставления государственных, муниципальных услуг являются неприемлемыми, но только 15,1 % готовы обнародовать факты склонения к коррупционным действиям.

Сравнительный анализ оценок респондентов разных категорий коррупционной ситуации в месте своего проживания не выявил корреляции между оценками респондентов и их социально-демографическими характеристиками. Выше всего доля критических оценок по всем вопросам этого блока среди респондентов-предпринимателей, которые чаще сталкиваются с коррупционной составляющей в своей деятельности.

Если в селе или районе состоятся акции протеста против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав и свобод, 16,5 % респондентов обязательно примут в них участие (рисунок 42). Лишь четверть участников исследования (26,0 %) уверены, что точно не примут участия в возможных акциях протеста. Почти столько же опрошенных участников исследования (22,5 %) считают, что, скорее всего, примут участие в возможных акциях протеста. Еще треть респондентов (29,0 %) полагают, что, скорее всего, не примут участия в подобных акциях. И лишь 6,0 % респондентов затруднились с ответом на предложенный вопрос.

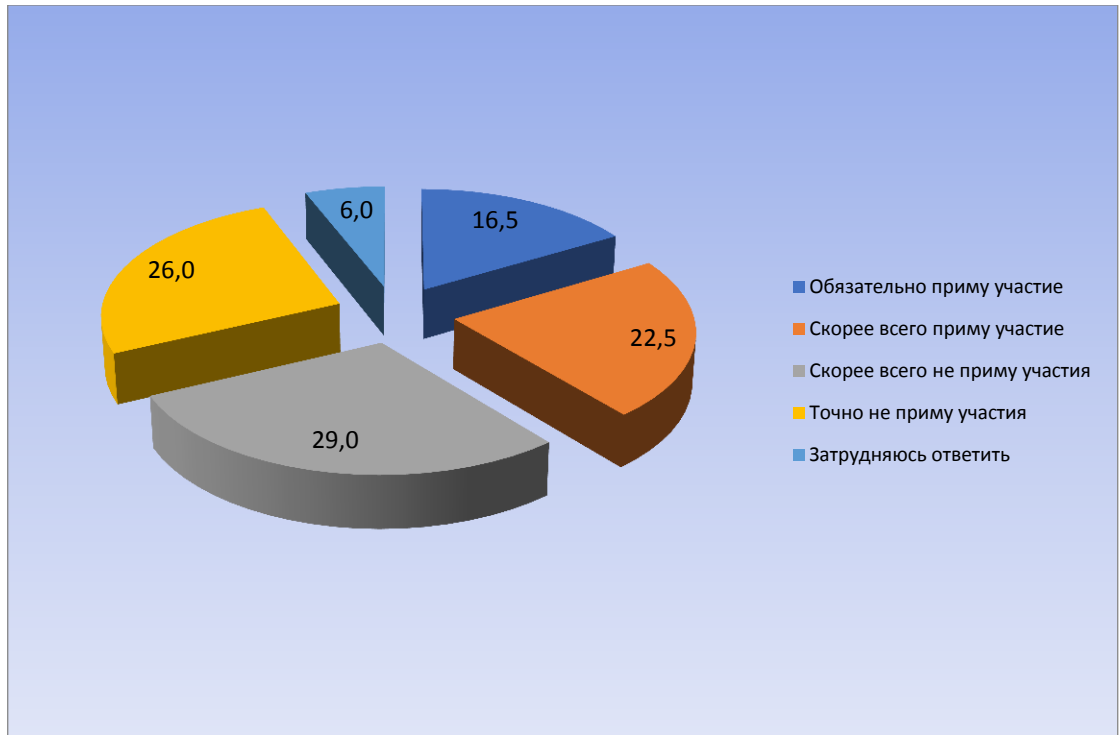

Рисунок 42. Возможность участия в протестных акциях против падения уровня жизни

На следующем рисунке демонстрируются эмпирические данные, характеризующие возможность возникновения в следующем году массовых протестов и волнений в молодёжной среде.

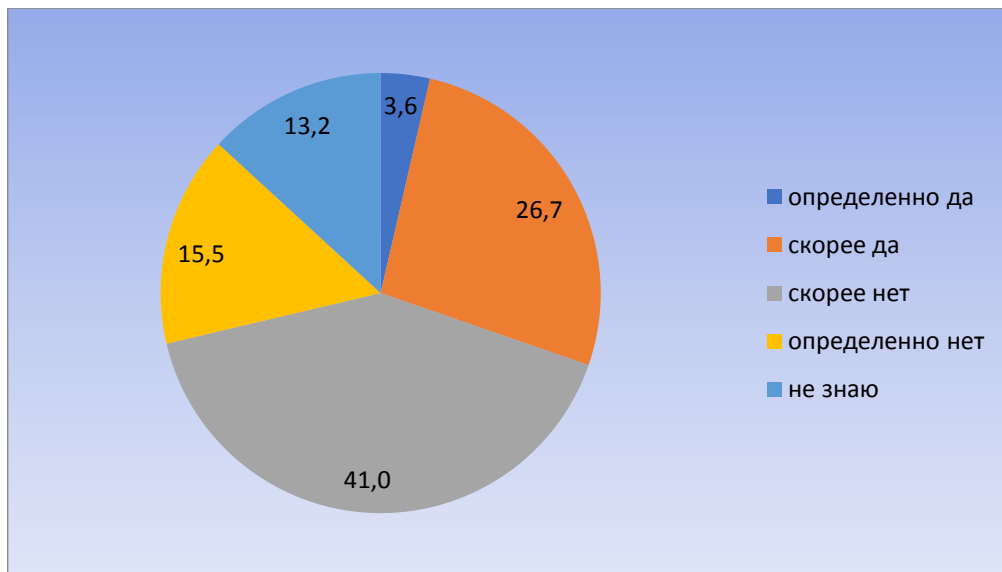

Рисунок 43. Возможность возникновения массовых протестов и волнений в будущем году

Данные рисунка 43 говорят о том, что количество респондентов, уверенных в возможности массовых протестных акций в будущем году, значительно меньше тех участников исследования, кто думает противоположным образом.

В настоящее время весьма актуальным также является вопрос о возможных столкновениях на национальной почве (рисунок 44).

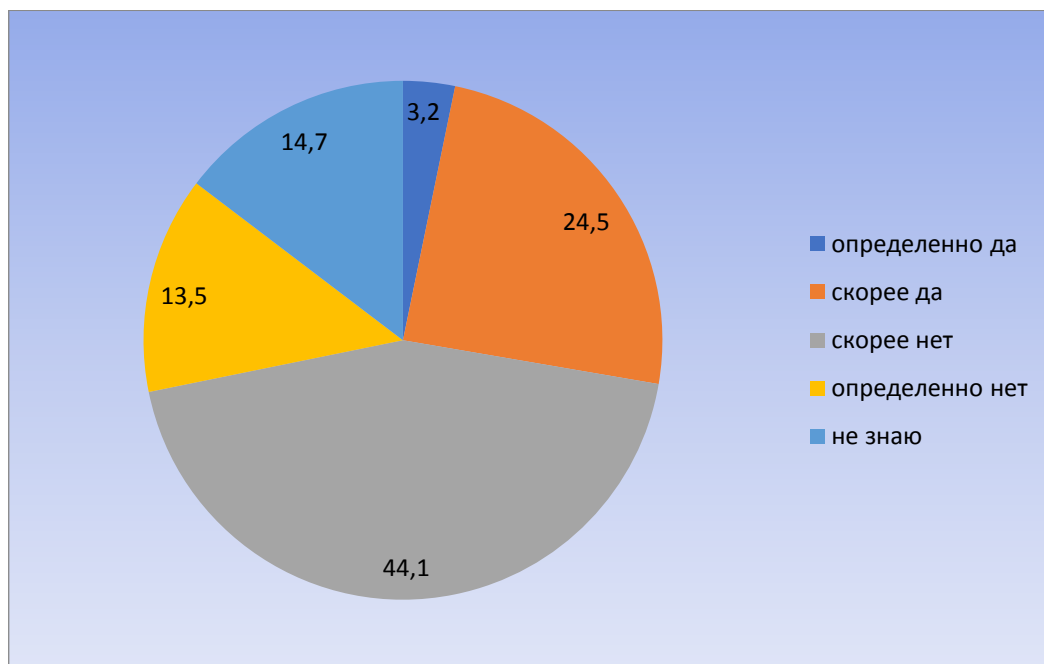

Рисунок 44. Возможность возникновения массовых протестов и волнений на национальной почве в будущем году

О возможности массовых протестов на национальной почве говорят четверть респондентов, согласившихся принять участие в данном исследовании. Более половины респондентов, состоящих в виртуальных протестных сообществах, говорят о невозможности в будущем году таких действий.

Далее в ходе исследования было установлено, что среди самих участников протестного движения первое место по уровню достоверности освещения протестных событий в стране занимают социальные сети. На втором месте оказались федеральные телеканалы. Замыкают тройку сайты крупных новостных порталов.

В целом можно говорить о том, что участники виртуальных сетевых структур отдают предпочтение интернет-источникам получения информации о протестных событиях, происходящих на территории страны.

Одной из основных задач данной части исследования является типологизация протестной активности современной молодежи в виртуальных сетевых сообществах. Для ее решения была разработана и апробирована авторская методика, сочетающая традиционные социологические методы и социально сетевой анализ.

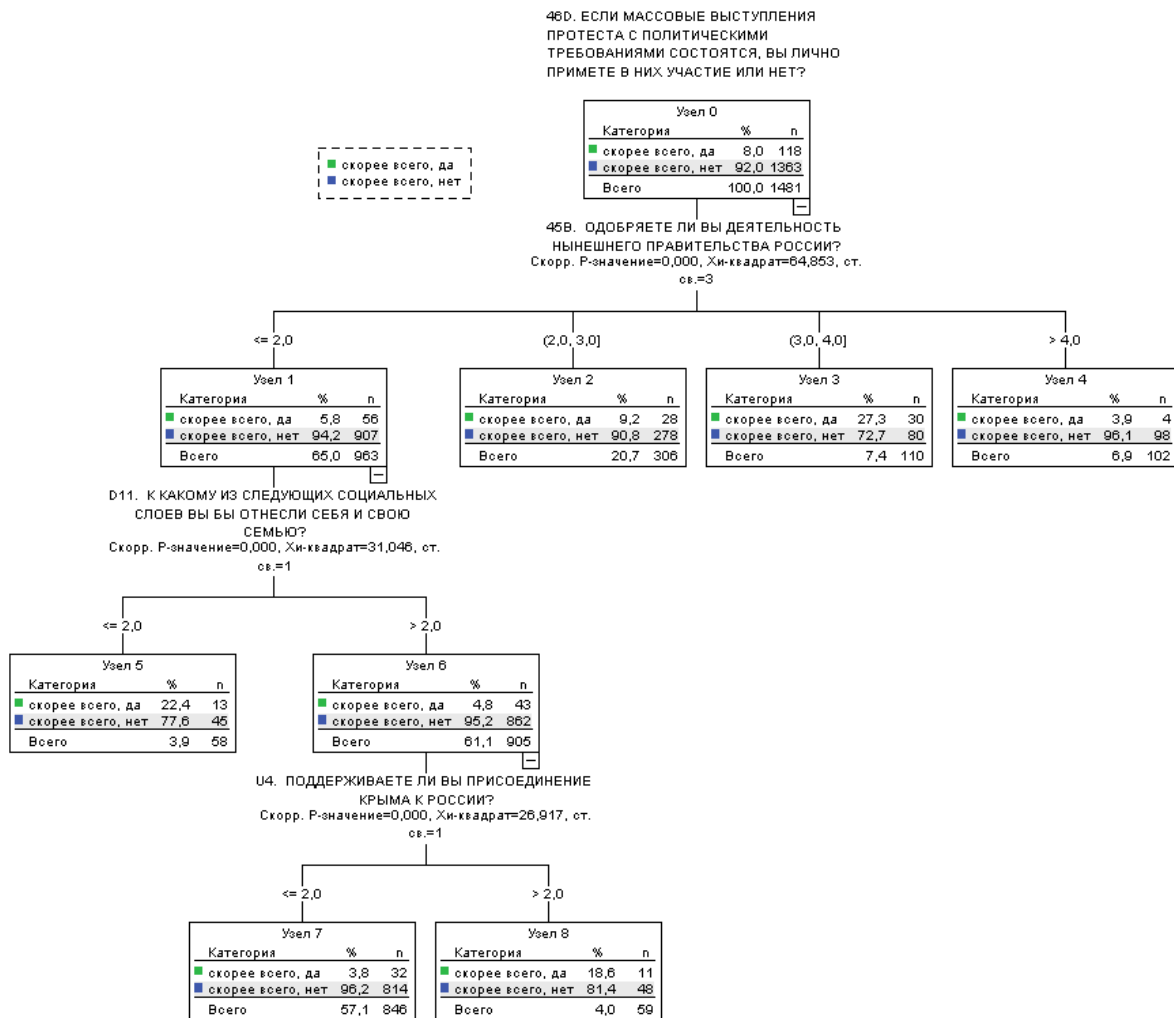

Рисунок 45. Социальный портрет потенциального участника протестных акций (метод исчерпывающий CHAID)

Применение метода классификации «исчерпывающий CHAID» позволило определить, что потенциальными участниками протестных акций могут стать те члены сетевых протестных сообществ, которые не одобряют присоединение Крыма к России, относят себя к среднеобеспеченным и высокообеспеченным слоям населения и при этом не одобряют деятельность нынешнего правительства страны. Такие переменные, как возраст, пол, семейное положение и род занятости, не оказывают влияния на принятие решения об участии в реальных акциях массового протеста.

Следующий вывод, который был сделан по итогам онлайн-опроса, заключается в том, что сетевые сообщества являются важным ресурсом, оказывающим влияние на формирование общественного мнения в молодежной среде. Об этом говорят 59,4% респондентов. Наибольшее влияние виртуальные сообщества, функционирующие в социальных сетях, оказывают на молодежь в возрасте от 17 до 25 лет (62,4%). При этом, интересно, что 57,2% респондентов полагают, что сетевые сообщества в виртуальных сетях не способствуют формированию протестной активности.

Далее следует заметить, что анализ влияния социальных сетей на реальные акции протеста, произошедшие в городах Невинномысск и Минеральные Воды, показал, что виртуальные протестные сообщества обладают в Ставропольском крае существенным потенциалом социальной мобилизации. Так, на основе данных глубинных интервью с модераторами и активными участниками исследуемых молодежных сетевых структур был сделан вывод о том, что основным каналом мобилизации социального протеста среди молодежи является социальная сеть «ВКонтакте»: *«Если бы не «Контакт», я бы об этом все и не узнал бы, наверное...»* (№ 1, муж. 19 лет).

Судя по результату анализа данных количественного онлайн-опроса, целевой группой для участия в акциях протеста, связанных с убийством жителя города Минеральные Воды осенью 2014 года, выступили мужчины (78,9 %) в

возрасте от 16 до 28 лет (58,7 %), проживающие в краевом центре и крупных городах региона Кавказских Минеральных Вод (62,3%), являющиеся студентами высших и средних специальных учебных заведений (28,7 %), а также наемными работниками (53,8 %).

Характерной особенностью молодежных протестных сообществ, выявленной в ходе исследования, является их деполитизированность. Так, только четверть участников онлайн-опроса (27,1 %) отметили, что они активно интересуются политической жизнью региона. Еще 24,3 % участников виртуальных протестных сообществ указали, что именно политическая жизнь и интерес к оппозиционным движениям заставили их стать участниками протестных сетевых структур. Оставшаяся часть участников исследования отметила, что основной мотивацией участия в протестных сообществах является стремление к справедливости и борьба против произвола. Подтверждается это и данными глубинных интервью. *«Я даже не знаю, кто у нас мэр города. Мне политика в принципе не интересна. Просто, когда до такого беспредела уже дошло...Просто так на это смотреть невозможно»* (№ 4, жен 27 лет).

Далее на основе данных количественного онлайн-опроса участников молодежных протестных сообществ и транскриптов глубинных интервью были выделены и охарактеризованы три основные стратегии использования сетевых протестных сообществ, сформированные на анализе мотивов и специфики взаимодействия между их участниками.

Первую стратегию можно условно обозначить, как *информационно-коммуникационная*. К этой стратегии относятся те респонденты, которые используют протестные сообщества для информирования их участников о различных массовых акциях, активно взаимодействуют с другими членами сетевой структуры и следят за различными общественно-политическими событиями в стране и за рубежом. К этой стратегии относятся респонденты в

возрасте от 27 до 35 лет, предпочитающие использовать социальные сети «Фейсбук» и «Твиттер», имеющие высшее образование и средний уровень материального благосостояния.

Следующая стратегия обозначена нами как *мобилизационная*. К данному типу пользователей относятся такие члены молодежных протестных сообществ, которые используют их ресурсы для поиска и рекрутинга новых участников, оповещения о специфике и подробностях реальных протестных акций и координируют деятельность других членов протестных сетевых объединений. Участники молодежных протестных сообществ, отнесенные к данной стратегии, используют такие виртуальные социальные сети, как «Фейсбук», «Твиттер» и «Вконтакте», а также такие ресурсы, как Newsru.com, slon.ru, gazeta.ru, meduza.io. Средний возраст пользователей протестных сообществ, отнесенных к мобилизационной стратегии, – 24 года. В этой группе доминируют пользователи с высшим и незаконченным высшим образованием, имеющие низкий или средний уровень личных ежемесячных доходов.

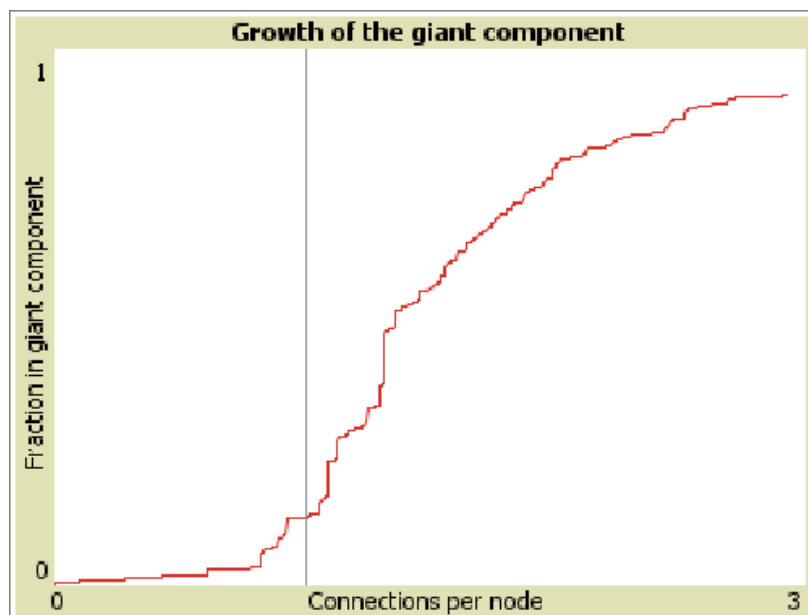
Третья стратегия обозначена нами как *деструктивная*. К ней относятся наиболее молодые пользователи сетевых протестных сообществ в возрасте от 17 до 22 лет. Используется сторонниками деструктивной стратегии только социальная сеть «Вконтакте». Типичный участник протестного сообщества, отнесенный к данной стратегии, имеет общее среднее или среднее специальное образование и проживает в городе или районном центре. Пользователи, отнесенные к данной стратегии, отличаются активными призывами к участию в реальных акциях протеста, активным распространением информации о них. Кроме того, сторонники данной стратегии зачастую занимаются распространением материалов экстремистского содержания.

На следующем этапе исследования были проанализированы профили потенциальных участников массовых протестных акций. Эмпирические данные для этого были получены из виртуальных протестных сообществ социальной

сети «ВКонтакте». Проанализировав 178 профилей, из которых 97 составляют мужчины и 81 – женщины, и основные сетевые показатели сообществ, построили модель функционирования молодежного сетевого сообщества.

Здесь необходимо заметить, что в данном случае была использована методика ретроспективного исследования. Для анализа были взяты данные, демонстрирующие специфику коммуникационных и иных взаимодействий в протестных сообществах, имевших место во время массовых протестных акций, происходивших в городе Минеральные Воды Ставропольского края в сентябре 2014 года.

Первым этапом данного этапа исследования стало моделирование протестного сетевого сообщества на основе модели случайного графа Эрдеша – Реньи. Построив теоретическую модель, в которой оказалось 1 243 «топовых» узла, оказалось, что 113 входят в так называемую гигантскую компоненту графа (эффект, возникающий в схемах случайного размещения частиц по ячейкам при неограниченном росте количества частиц. Другими словами, это большой кластер, в котором все узлы соединены друг с другом), 1 130 не входят (рисунок 46).

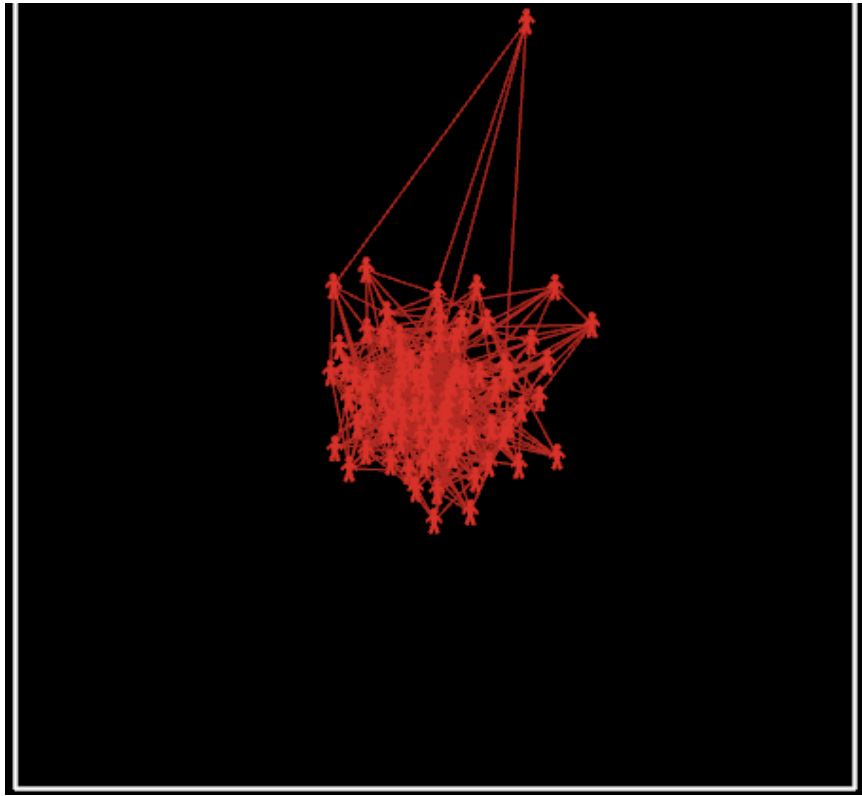

Рисунок 46. Гигантская компонента графа виртуального протестного сообщества

На основе анализа данных построенной модели можно сделать вывод о том, что если гигантской компоненте принадлежат узлы, от которых возможно попадание в другую часть сообщества (сети) по крайней мере, одним путем, то от узлов гигантской компоненты в другую часть графа возможно попадание не менее чем двумя возможными путями. Из этого следует вывод о том, что извлечение или блокирование аккаунтов лишь нескольких ключевых участников молодежного протестного сообщества неизбежно повлечет за собой кризис функционирования всей сетевой структуры.

Дальнейший анализ полученных данных и построение восьми иерархических регрессионных моделей на основе 16 переменных, среди которых семь – сетевые характеристики и 9 – социальные, в том числе данные онлайн-опроса, было выявлено, что «топовые» участники протестных сообществ имеют существенно большее влияние на его функционирование, чем

обычные пользователи. Кроме того, если у участников молодежного протестного сообщества имеется большое количество общих связей, это производит отрицательный эффект на скорость распространения информации в таком сообществе (рисунок 47).

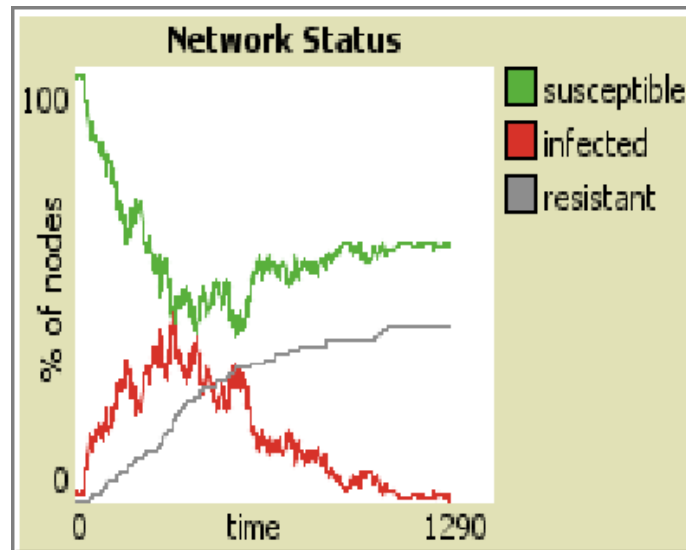
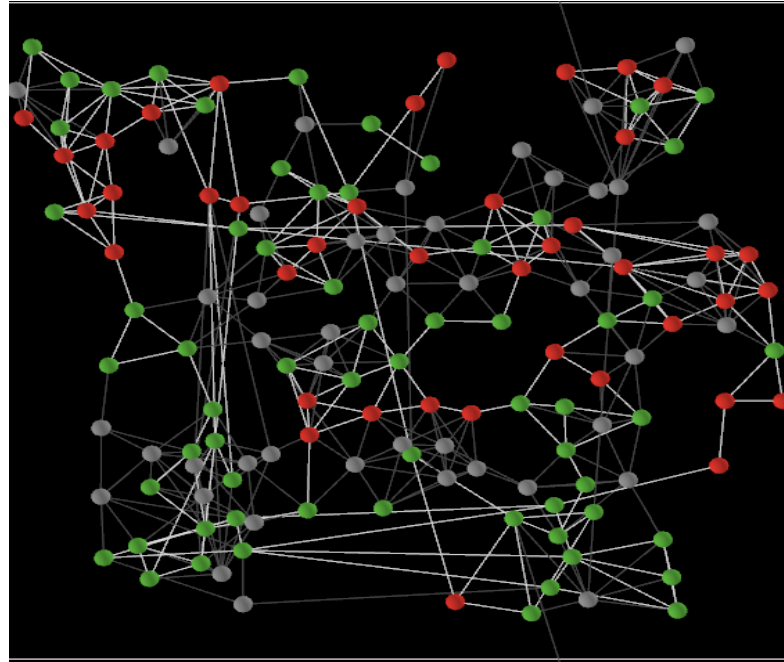

Рисунок 47. Моделирование характера и скорости распространения информации в протестном сообществе

В результате построения модели выяснилось, что все узлы в сети можно отнести к трем состояниям: восприимчивые к информационному сообщению, устойчивые к нему и склонные к воздействию информации, передаваемой с помощью данного сообщения. Таким образом, на основании осуществленного моделирования можно говорить о том, что в виртуальных молодежных протестных сообществах все их участники делятся на активных распространителей информации, ее потребителей, а также тех, кто эту информацию «не замечает».

Следующий важный вывод, который был сделан на основе анализа построенных иерархических регрессионных моделей, заключается в том, что количество взаимных связей пользователей в протестном сообществе не оказывает влияния на количество и скорость распространения информации о протестных акциях и других деструктивных массовых мероприятиях, осуществляемых в реальной жизни.

Наиболее важный тезис, который можно сформулировать по результатам этой части исследования, заключается в том, что участники протестных сетевых структур доверяют больше информации, распространяемой не лидерами или модераторами сообщества, а людьми, обладающими наиболее схожими характеристиками в данной сетевой структуре.

На заключительном этапе исследования, на основании построенных иерархических регрессионных моделей и динамического моделирования случайных графов был рассчитан жизненный цикл сетевого молодежного протестного сообщества. На начальной стадии происходит его формирование, когда вокруг лидера консолидируется не менее шестнадцати его последователей. На стадии зарождения осуществляется установка связей между участниками сообщества. На следующем этапе сетевая структура становится самоорганизующейся системой. Завершается жизненный цикл молодежного

протестного сетевого сообщества стадией деления на более мелкие протестные виртуальные структуры.

Важной задачей данного этапа исследования является определение степени влияния виртуальных молодежных протестных сообществ на поведение исследуемой целевой группы в реальной жизни. Для ее решения также был использован метод иерархического регрессионного моделирования. Учитывая то, что модели позволяют спрогнозировать относительно трансформируемой переменной, полученные в результате расчетов коэффициенты достаточно трудно поддаются интерпретации, необходимо ориентироваться на уровни значимости, а не на непосредственно числовые значения.

В итоге обобщения эмпирических данных установлено, что значительное влияние оказывают сообщества, обладающие следующими сетевыми характеристиками: количество участников – от 417 до 16924 человек; количество симметричных связей в сообществе – от 17 до 42% от общего количества членов группы; количество отслеживаемых участников сообщества – не менее 10% от общего числа участников конкретного сетевого сообщества; количество пользователей, состоящих в сообществах аналогичной направленности – не менее 19%; преобладающий возраст членов сообщества – 14-19 лет ($R^2=0,51$). Сетевые структуры, не обладающие указанными характеристиками, не оказывают существенного влияния на формирование протестной активности в молодежной среде.

Необходимо подчеркнуть, что отсутствие роста численности участников виртуального протестного сообщества говорит об ограниченных возможностях мобилизации участников протестов с помощью использования ресурсов виртуальных социальных сетей.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что виртуальные социальные сети являются достаточно

действенным инструментом формирования и поддержания протестных настроений в молодежной среде.

Выводы по главе II

Среди основных особенностей виртуального молодежного протеста можно выделить следующие:

- отсутствие географической локализации в виртуальных молодежных сообществах протестного характера;
- существенные различия по социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам пользователей;
- присутствие в молодежных протестных сетевых структурах большого числа изолянтов (пользователей, не состоящих во взаимодействии с другими участниками подобных сообществ);
- возможность адресного влияния на конкретного участника сетевого сообщества протестного характера;
- отсутствие непосредственных взаимодействий участников протестных сообществ с оппонентами;
- невысокие организационные и материальные затраты для создания молодежного сообщества протестного характера.

В ходе анализа протестных сообществ различного характера установлено существенное влияние социальной сети, на базе которой сформировано то или иное виртуальное объединение. Так, в протестных молодежных виртуальных объединениях, созданных на базе социального сервиса «ВКонтакте», существенно преобладают мужчины в возрасте от 16 до 23 лет. Протестные сетевые структуры, функционирующие в сети «ВКонтакте» отличаются активными призывами к реальным деструктивным действиям, низким уровнем организованности взаимодействия внутри сетевого сообщества.

Протестные сообщества, функционирующие на базе социальной сети «Фейсбук», отличаются возрастным составом участников (от 22 до 35 лет), достаточно высоким уровнем организованности функционирования сетевой

структуры, отсутствием жесткой стратификации и одного явно выраженного лидера, а также относительным гендерным равновесием.

Сетевые структуры, созданные на базе виртуального сервиса «Твиттер», являются наиболее децентрализованными. Специфика социального взаимодействия в них детерминируется важностью конкретного протестного события и характеризуется непостоянством, прерывистостью и существенным влиянием лидеров протестного сообщества на характер коммуникации.

Использование структурно-функционального подхода при анализе и обобщении эмпирических материалов позволило определить и описать типичный социальный портрет участника виртуального молодежного протестного сообщества. В основном это жители Москвы и других крупных городов, чаще административных центров субъектов РФ. Возраст участников виртуальных протестных объединений, наиболее склонных к реальным протестным действиям, варьируется в пределах от 19 до 26 лет. Анализ коммуникативных действий (лайки, репосты, комментарии) участников подобных сетевых объединений позволил установить, что наиболее значимыми ценностями для них являются семья, справедливость, а также склонность к идеализму. Необходимо подчеркнуть, что большинство пользователей виртуальных сетевых сообществ не указывают о себе сведений, позволяющих оценить их ценностные ориентации. Это было сделано с помощью специально разработанного алгоритма, основанного на графе ценностных ориентаций ближайшего социального окружения исследуемого пользователя.

Далее были определены основные функции, характерные для виртуальных молодежных протестных сообществ. К ним относятся:

- 1) информационная – оповещение участников сообщества о тех или иных событиях в виртуальном или реальном мире;
- 2) пропагандистская – распространение материалов о целях, сущности и функциях виртуального сообщества, формирование смыслов протеста;

3) организационная – воспроизводство и совершенствование внутренней структуры виртуального молодежного протестного сообщества;

4) рекрутинговая – поиск и привлечение новых сторонников протеста и членов сетевой структуры.

Далее в ходе исследования было установлено, что среди самих участников протестного движения на первом месте по уровню достоверности освещения протестных событий в стране стоят социальные сети. На втором месте оказались федеральные телеканалы. Замыкают тройку сайты крупных новостных порталов.

Применение метода классификации «исчерпывающий CHAID» позволило определить, что потенциальными участниками протестных акций могут стать те члены сетевых протестных сообществ, которые не одобряют присоединение Крыма к России, относят себя к среднеобеспеченным и высокообеспеченным слоям населения и при этом не одобряют деятельность нынешнего правительства страны. Такие переменные, как возраст, пол, семейное положение и род занятости, не оказывают влияния на принятие решения об участии в реальных акциях массового протеста.

На основе данных количественного онлайн-опроса участников молодежных протестных сообществ и транскриптов глубинных интервью были выделены и охарактеризованы три основные стратегии использования сетевых протестных сообществ, сформированные по результатам анализа мотивов и специфики взаимодействия между их участниками.

Первую стратегию можно условно обозначить как информационно-коммуникационную. К этой стратегии относятся те респонденты, которые используют протестные сообщества для информирования их участников о различных массовых акциях, активно взаимодействуют с другими членами сетевой структуры и следят за различными общественно-политическими событиями в стране и за рубежом. К этой стратегии относятся респонденты в

возрасте от 27 до 35 лет, предпочитающие использовать социальные сети «Фейсбук» и «Твиттер», имеющие высшее образование и средний уровень материального благосостояния.

Следующая стратегия обозначена нами как мобилизационная. К данному типу пользователей относятся такие члены молодежных протестных сообществ, которые используют их ресурсы для поиска и рекрутинга новых участников, оповещения о специфике и подробностях реальных протестных акций и координируют деятельность других членов протестных сетевых объединений. Участники молодежных протестных сообществ, отнесенные к данной стратегии, используют виртуальные социальные сети «Фейсбук», «Твиттер» и «Вконтакте», а также такие ресурсы, как Newsru.com, slon.ru, gazeta.ru, meduza.io. Средний возраст пользователей протестных сообществ, отнесенных к мобилизационной стратегии 24 года. В этой группе доминируют пользователи с высшим и незаконченным высшим образованием, имеющие низкий или средний уровень личных ежемесячных доходов.

Третья стратегия обозначена нами как деструктивная. К ней относятся наиболее молодые пользователи сетевых протестных сообществ в возрасте от 17 до 22 лет. Используется сторонниками деструктивной стратегии только социальная сеть «Вконтакте». Типичный участник протестного сообщества, отнесенный к данной стратегии, имеет общее среднее или среднее специальное образование и проживает в городе или районном центре. Пользователи, отнесенные к данной стратегии, отличаются активными призывами к участию в реальных акциях протеста, активным распространением информации о них. Кроме того, сторонники данной стратегии зачастую занимаются распространением материалов экстремистского содержания.

Количество взаимных связей пользователей в протестном сообществе не оказывает влияния на количество и скорость распространения информации о

протестных акциях и других деструктивных массовых мероприятиях, осуществляемых в реальной жизни.

Участники протестных сетевых структур больше доверяют информации, распространяемой не лидерами или модераторами сообщества, а людьми, обладающими наиболее схожими характеристиками в данной сетевой структуре.

На заключительном этапе исследования, на основании построенных иерархических регрессионных моделей и динамического моделирования случайных графов был рассчитан жизненный цикл сетевого молодежного протестного сообщества. На начальной стадии происходит его формирование, когда вокруг лидера консолидируется не менее шестнадцати его последователей. На стадии зарождения осуществляется установка связей между участниками сообщества. На следующем этапе сетевая структура становится самоорганизующейся системой. Завершается жизненный цикл молодежного протестного сетевого сообщества стадией деления на более мелкие протестные виртуальные структуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основным отличием сетевой теории от других социологических подходов является его концентрация на концептуальных особенностях социальных отношений между акторами. Основываясь на ключевых положениях сетевой теории, ее сторонники концентрируются на объяснении социальных структур и их влиянии на взаимодействие акторов внутри данных структур. Именно поэтому мы полагаем сетевую теорию наиболее подходящей для данного диссертационного исследования.

В сетевой теории различают две большие группы сетей, а именно социоцентричные и эгоцентричные. Социоцентричные сети включают в себя связи между всеми участниками конкретного сообщества. Отдельные акторы являются предметом исследования эгоцентричных сетей.

Сетевая методология предлагает исследователям широкий набор метрик для описания сетевых структур. Проанализировав зарубежные исследования, построенные на методологии сетевого анализа, мы сделали вывод о том, что специфика и тематическая направленность различных виртуальных сообществ также имеет значение в исследовании их влияния на протестное поведение участников таковых сообществ. В связи с этим в эмпирической части данного исследования исследовалось то, как различные типы коммуникации формируются в зависимости от сетевого контекста и тематики конкретного виртуального сообщества.

Итак, если говорить об особенностях сетевой методологии, то ее специфика заключается в следующем:

1) в сетевой методологии основное внимание уделяется структуре отношений внутри социальной сети;

2) акторы могут являться и индивидуальными участниками сообщества, и его коллективными агентами, что позволяет исследовать как микро-, так и макроструктуру виртуальных сообществ;

3) сетевая структура состоит как из субъектов, так и из потоков ресурсов, которыми участники сети обмениваются между собой;

4) способы сетевых взаимодействий в сообществах определяют тенденции и специфику развития самой сетевой структуры;

5) сетевые структуры не обладают четкими границами и не имеют количественных ограничений;

6) сетевые структуры во многом определяют индивидуальные и коллективные действия акторов конкретной сети;

7) пространство социальных сетей представляет собой совокупность статусов, ролей, взаимодействий и ресурсов; в этом пространстве акторы находятся согласно типичным для них взаимодействиям.

Сетевая методология представляет собой цельную и непротиворечивую систему концептуализации социальных отношений и описания общественных явлений в целом. Методология сетевого анализа позволяет исследователю выйти за рамки традиционных научных подходов и концепций благодаря изучению структуры взаимодействий и ее фундаментальных основ. Методология сетевого анализа позволяет исследовать социальные отношения на всех уровнях социальной организации общества. В рамках сетевой теории и методологии сетевого анализа именно взаимодействия рассматриваются в качестве ведущей детерминанты социального поведения индивидов.

Согласно одному из самых распространенных подходов в западной и отечественной социологии, протест концептуализируется исходя из допущения о том, что протестное поведение является одной из форм социально-политического участия населения. Концептуальные основы исследования протестной активности современной молодежи базируются на сетевых теориях

протестной активности и влияния новых информационных технологий на взаимодействие различных групп населения.

Формальной целью появления протестных движений является преобразование социальных отношений и структуры общества. При этом зачастую протест понимается не как средство достижения данной цели, а как некий идеалистический феномен, на который направлена энергия протестующих.

Социальному протесту присущи следующие типичные признаки:

- направленность против конкретной социальной группы или классовой структуры;
- выраженное содержание;
- стремление к существенным преобразованиям в обществе.

В зарубежной и отечественной социологической науке существуют различные концепции и теории изучения социального протеста. Отечественная социальная наука накопила достаточно большой объем эмпирических фактов реального протеста. При этом в изучении данной проблематики можно отметить и ряд проблем, требующих пристального изучения в настоящее время.

1. Малоисследованной остается проблема вовлеченности молодежи в протестные акции посредством виртуальных социальных сетей.

2. Большинство исследований, посвященных влиянию социальных сетей на формирование и развитие протеста, носят описательный характер и не содержат факторов, причин и мотивов реальной протестной активности современной молодежи.

3. Проблема влияния виртуальных сетей на формирование молодежной протестной активности особенно актуальна в настоящее время на региональном уровне, поскольку имеющиеся эмпирические данные говорят о существенных различиях протеста в зависимости от конкретного регионального сообщества.

Далее, на основе вторичных данных исследований социальных сетей в России, сделан вывод о том, что наиболее популярными социальными сетями у российской молодежи в настоящее время являются сервисы «ВКонтакте», «Инстаграмм», «Фейсбук» и «Твиттер». Именно эти сервисы станут объектом нашего прикладного эмпирического исследования влияния сетей на протестную активность, которое представлено во второй главе работы.

Виртуальные сети представляют собой принципиально новый феномен коммуникации, находящийся в процессе активных трансформаций и развития. Наряду с выполнением типичных функций для института коммуникации, виртуальные сети являются инструментом мобилизации и объединения как отдельных индивидов, так и социальных групп. Социальные сети могут нести как позитивные, так и негативные последствия для пользователей и их социального окружения.

Протестная активность в виртуальных сетях представляет собой отдельный вид гражданских инициатив, проявляющихся благодаря интенсификации взаимодействия пользователей социальных сетей, распространению контента, характеризующего протестную ситуацию, а также привлечению различных молодежных групп к протестной риторике.

Теоретико-методологическим основанием для исследования влияния виртуальных социальных сетей на протестную активность в современном обществе являются теория рационального выбора, теория социального действия, а также различные концепции информационного общества.

Изучение влияния виртуальных коммуникаций на протестную активность молодежи на основе структурно-функционального подхода позволяет принять во внимание цели традиционной коммуникации и при этом исследовать информационную составляющую в структуре виртуального пространства.

В ходе анализа протестных сообществ различного характера установлено существенное влияние социальной сети, на базе которой сформировано то или

иное виртуальное объединение. Так, в протестных молодежных виртуальных объединениях, созданных на базе социального сервиса «ВКонтакте», существенно преобладают мужчины в возрасте от 16 до 23 лет. Протестные сетевые структуры, функционирующие в сети «ВКонтакте», отличаются активными призывами к реальным деструктивным действиям, низким уровнем организованности взаимодействия внутри сетевого сообщества.

Протестные сообщества, функционирующие на базе социальной сети «Фейсбук», отличаются возрастным составом участников (от 22 до 35 лет), достаточно высоким уровнем организованности функционирования сетевой структуры, отсутствием жесткой стратификации и одного явно выраженного лидера, а также относительным гендерным равновесием.

Сетевые структуры, созданные на базе виртуального сервиса «Твиттер», являются наиболее децентрализованными. Специфика социального взаимодействия в них детерминируется важностью конкретного протестного события и характеризуется непостоянством, прерывистостью и существенным влиянием лидеров протестного сообщества на характер коммуникации.

Использование при анализе и обобщении эмпирических материалов структурно-функционального подхода позволило определить и описать типичный социальный портрет участника виртуального молодежного протестного сообщества. В основном это жители Москвы и других крупных городов, чаще административных центров субъектов РФ. Возраст участников виртуальных протестных объединений, наиболее склонных к реальным протестным действиям, варьируется в пределах от 19 до 26 лет. Анализ коммуникативных действий (лайки, репосты, комментарии) участников подобных сетевых объединений позволил установить, что наиболее значимыми ценностями для них являются семья, справедливость, а также склонность к идеализму. Здесь необходимо подчеркнуть, что большинство пользователей виртуальных сетевых сообществ не указывают о себе сведения, позволяющие

выявить их ценностные ориентации. Это было сделано с помощью специально разработанного алгоритма, основанного на графе ценностных ориентаций ближайшего социального окружения исследуемого пользователя.

Далее были определены основные функции, характерные для виртуальных молодежных протестных сообществ. К ним относятся:

1) информационная – оповещение участников сообщества о тех или иных событиях в виртуальном или реальном мире;

2) пропагандистская – распространение материалов о целях, сущности и функциях виртуального сообщества, формирование смыслов протеста;

3) организационная – воспроизводство и совершенствование внутренней структуры виртуального молодежного протестного сообщества;

4) рекрутинговая – поиск и привлечение новых сторонников протеста и членов сетевой структуры.

Также в ходе исследования было установлено, что среди самих участников протестного движения на первом месте по уровню достоверности освещения протестных событий в стране стоят социальные сети. На втором месте оказались федеральные телеканалы. Замыкают тройку сайты крупных новостных порталов.

Применение метода классификации «исчерпывающий CHAID» позволило определить, что потенциальными участниками протестных акций могут стать те члены сетевых протестных сообществ, которые не одобряют присоединение Крыма к России, относят себя к среднеобеспеченным и высокообеспеченным слоям населения и при этом не одобряют деятельность нынешнего правительства страны. Такие переменные, как возраст, пол, семейное положение и род занятости не оказывают влияния на принятие решения об участии в реальных акциях массового протеста.

На основе данных количественного онлайн-опроса участников молодежных протестных сообществ и транскриптов глубинных интервью, были

выделены и охарактеризованы три основные стратегии использования сетевых протестных сообществ, сформированные на основе анализа мотивов и специфики взаимодействия между их участниками.

Сетевые сообщества являются важным ресурсом, оказывающим влияние на формирование общественного мнения в молодежной среде. Об этом говорят 59,4% респондентов. Наибольшее влияние виртуальные сообщества, функционирующие в социальных сетях, оказывают на молодежь в возрасте от 17 до 25 лет (62,4%). При этом, интересно, что 57,2% респондентов полагают, что сетевые сообщества в виртуальных сетях не способствуют формированию протестной активности.

Первую стратегию можно условно обозначить как информационно-коммуникационную. К этой стратегии относятся те респонденты, которые используют протестные сообщества для информирования их участников о различных массовых акциях, активно взаимодействуют с другими членами сетевой структуры и следят за различными общественно-политическими событиями в стране и за рубежом. К этой стратегии относятся респонденты в возрасте от 27 до 35 лет, предпочитающие использовать социальные сети «Фейсбук» и «Твиттер», имеющие высшее образование и средний уровень материального благосостояния.

Следующая стратегия обозначена нами как мобилизационная. К данному типу пользователей относятся такие члены молодежных протестных сообществ, которые используют их ресурсы для поиска и рекрутинга новых участников, оповещения о специфике и подробностях реальных протестных акций и координируют деятельность других членов протестных сетевых объединений. Участники молодежных протестных сообществ, отнесенные к данной стратегии, используют виртуальные социальные сети «Фейсбук», «Твиттер» и «Вконтакте», а также такие ресурсы, как Newsru.com, slon.ru, gazeta.ru, meduza.io. Средний возраст пользователей протестных сообществ, отнесенных к

мобилизационной стратегии, – 24 года. В этой группе доминируют пользователи с высшим и незаконченным высшим образованием, имеющие низкий или средний уровень личных ежемесячных доходов.

Третья стратегия обозначена нами как деструктивная. К ней относятся наиболее молодые пользователи сетевых протестных сообществ в возрасте от 17 до 22 лет. Используется сторонниками деструктивной стратегии только социальная сеть «ВКонтакте». Типичный участник протестного сообщества, отнесенный к данной стратегии, имеет общее среднее или среднее специальное образование и проживает в городе или районном центре. Пользователи, отнесенные к данной стратегии, отличаются активными призывами к участию в реальных акциях протеста, активным распространением информации о них. Кроме того, сторонники данной стратегии зачастую занимаются распространением материалов экстремистского содержания.

Количество взаимных связей пользователей в протестном сообществе не оказывает влияния на количество и скорость распространения информации о протестных акциях и других деструктивных массовых мероприятиях, осуществляемых в реальной жизни.

Участники протестных сетевых структур больше доверяют информации, распространяемой не лидерами или модераторами сообщества, а людьми, обладающими наиболее схожими характеристиками в данной сетевой структуре.

На заключительном этапе исследования, на основании построенных иерархических регрессионных моделей и динамического моделирования случайных графов был рассчитан жизненный цикл сетевого молодежного протестного сообщества. На начальной стадии происходит его формирование, когда вокруг лидера консолидируется не менее шестнадцати его последователей. На стадии зарождения осуществляется установка связей между участниками сообщества. На следующем этапе сетевая структура становится

самоорганизующейся системой. Завершается жизненный цикл молодежного протестного сетевого сообщества стадией деления на более мелкие протестные виртуальные структуры.

Список литературы

1. Акаев, Д. В. Интернет-сообщества: место и роль в политическом процессе социума: дис... канд. социол. наук: 23.00.02 / Акаев Дмитрий Валерьевич. – Саратов, 2009. – 190 с.
2. Баранова, Г. В. Методика анализа протестной активности населения России / Г. В. Баранова // Социологические исследования. – 2012. – № 10. – С. 143–152.
3. Басов, Н. В. Создание знания в сетевых коммуникативных структурах / Н. В. Басов // Социологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 106–123.
4. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – Л.; М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
5. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
6. Бондаренко, С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / Бондаренко Сергей Васильевич. – Ростов-н/Д., 2004. – 396 с.
7. Бронников, И. А. Будущее политических Интернет-технологий: два сценария развития / И. А. Бронников // Власть. – 2014. – № 1. – С. 46–49.
8. Брун, О. Е. Развитие теории социальных сетей: от локального к глобальному социуму: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Брун Ольга Евгеньевна. – М., 2012. – 26 с.
9. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60–74.
10. Вайнштейн, Г. И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма / Г. И. Вайнштейн. – М.: Наука, 1990. – 167 с.

11. Вахштайн, В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории / В. С. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2005. – Т. 4. – № 1. – С. 94–115.
12. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – . 164 с.
13. Волченко, О. В. Доверие как продукт вовлеченности в информационные потоки / О. В. Волченко // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 2. – С. 128–140.
14. Вышегородцев, Д. Е. Особенности сетевых сообществ интернета: русскоязычный сегмент: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Вышегородцев Дмитрий Евгеньевич. – М., 2002. – 123 с.
15. Гапич, А. Э. Технологии цветных революций / А. Э. Гапич, Д. А. Лушников. – М.: РИОР; ИНФРА-М, 2014. – 126 с.
16. Гаранин, О. Ю. Протестная активность Российской молодежи в условиях обострения глобальных и региональных модернизационных рисков / О. Ю. Гаранин // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 2. – С. 137–140.
17. Гарр, Т. Р. Почему люди бунтуют / Т. Р. Гарр. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
18. Головин, Ю. А. Особенности социально-политических напряжений и конфликтов в крупных региональных центрах России: (Нижний Новгород – Ярославль) / Ю. А. Головин // История и методология политической науки. – 2010. – № 5. – С. 58–64.
19. Градосельская, Г. В. Анализ социальных сетей / Г. В. Градосельская // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 2. – С. 137–157.
20. Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – № 4. – С. 31–50.

21. Губанов, Д. А. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / Д. А. Губанов, Д. А. Новиков, А. Г. Чхартишвили. – М.: Изд-во физико-математической литературы, 2010. – 228 с.
22. Дементьева, И. Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке / И. Н. Дементьева // Мониторинг. – 2013. – № 4 (116) – С. 3–12.
23. Джери, Д. Большой толковый социологический словарь: основные термины и понятия по социологии: в 2 т. Т. 2: П–Я / Д. Джери, Дж. Джери; пер. с англ. Н. Н. Марчук. – М.: Изд-во «Вече»; АСТ, 2001. – С. 67.
24. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
25. Ефанова, Е. В. О культуре протестного поведения студенческой молодежи Волгоградского региона в 2011–2012 гг. / Е. В. Ефанова // Известия ВолгГТУ. – 2015. – № 8. (171) – С. 54–56.
26. Здравомыслова, Е. А. Социологические подходы к анализу общественных движений: учеб. пособие / Е. А. Здравомыслова. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2006. – 161 с.
27. Здравомыслова, Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений / Е. А. Здравомыслова. – СПб.: Наука, 1993. – 172 с.
28. Здравомыслова, Е. А. Социологические подходы к анализу общественных движений / Е. А. Здравомыслова // Социологические исследования. – 1990. – № 12. – С. 88–94.
29. Зинин, А. А. Социальные притязания современной молодежи в региональном социуме: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Зинин Александр Алексеевич. – Саранск, 2012. – 175 с.

30. Иванов, Д. В. Виртуализация общества: теоретический анализ общественных изменений современного общества. / Д. В. Иванов – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 96 с.
31. Иванова, Е. Н. Профессионализация Интернет-журналистики в блогосфере: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Иванова Елена Николаевна. – М., 2011. – 188 с.
32. История социологии в Западной Европе и США: учебник для вузов / под ред. Г. В. Осипова. – М.: НОРМА, 2001. – 576 с.
33. Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
34. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
35. Кастельс, М. Россия и сетевое сообщество / М. Кастельс, Э. Киселева // Мир России. – 2000. – № 1. – С. 23–51.
36. Киселев, В. О. Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга / В. О. Киселев // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 6. – С. 51–64.
37. Коллинз, Р. Сети сквозь поколения: почему личные связи философов важны для их творчества / Р. Коллинз // Социологический журнал. – 2001. – № 4. – С. 90–114.
38. Кон, И. С. Социология молодежи / И. С. Кон // Краткий словарь по социологии. – М.: Политиздат, 1988. – С. 151–154.
39. Ксенофонтова, И. В. Роль Интернета в развитии протестного движения / И. В. Ксенофонтова // II Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 3 (109). – С. 114–116.
40. Ксенофонтова, И. В. Интернет-солидарность: методологические основания подхода и практика изучения: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Ксенофонтова Ирина Владимировна. – М., 2014. – 160 с.

41. Латур, Б. Об интеробъективности / Б. Латур // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 2. – С. 79–96.
42. Лашевская, А. Д. Социальный протест и социальная критичность: новые времена / А. Д. Лашевская // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 2 (14). – С. 175–181.
43. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – М.: Терра-Книжный клуб, 2008. – 272 с.
44. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – СПб.: Речь, 2000. – 368 с.
45. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
46. Леонтьев, В. П. Новейшая энциклопедия персонального компьютера / В. П. Леонтьев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 920 с.
47. Ло, Дж. Объекты и пространства / Дж. Ло // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 30–42.
48. Мальцева, Д. В. Проект спасения социологии в акторно-сетевой теории Б. Латура / Д. В. Мальцева // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 6. – С. 3–14.
49. Мальцева, Д. В. Сетевой подход в социологии: генезис идей, современное состояние и возможности применения: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Мальцева Дарья Васильевна. – М., 2014. – 177 с.
50. Мамонов, М. В. Поствыборная ситуация в России: перспективы и риски / М. В. Мамонов // Социологические исследования. – 2013. – № 1. – С. 35–42.
51. Мартьянов, Д. С. Практика взаимодействия интернет-сообщества и политических акторов в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Мартьянов Денис Сергеевич. – СПб., 2007. – 214 с.

52. Материалы исследования социальных сетей компании Brand Analytics [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blog.br-analytics.ru/socialnye-seti-v-rossii-zima-2015-2016-cifry-trendy-prognozy/> (Дата обращения: 16.03.2015г.).
53. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ; Хранитель, 2006. – 873 с.
54. Михайловский, Н. К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии: в 2 т. / Н. К. Михайловский. – СПб.: Алетейя, 1998. – Т. 1. – 361 с.
55. Морено, Я. Л. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе / Я. Л. Морено. – М.: Академический проект, 2004. – 320 с.
56. Назаров, М. М. Телевидение и Интернет: типология российского медиапотребления / М. М. Назаров // Социологические исследования. – 2014. – № 6. – С. 116–126.
57. Нестеров, В. Ю. К вопросу о динамике сетевых сообществ / В. Ю. Нестеров // Социологические исследования. – 2008. – № 10. – С. 22–29.
58. Павлова, Т. В. Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории / Т. В. Павлова // Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 113–124.
59. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.
60. Потапова, С. А. Социальная активность студенческой молодежи современного молодого города / С. А. Потапова. – СПб.: Изд-во «Инфо-да», 2005. – 141 с.
61. Путин, В. В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Московские новости. – 2012. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>.
62. Радклифф-Браун, А. Р. Структура и функция в примитивном обществе: очерки и лекции / А. Р. Радклифф-Браун. – М.: Восточная литература, 2001. – 304 с.

63. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Ч. 4: От романтизма до наших дней / Дж. Реале, Д. Антисери. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 850 с.

64. Рейнгольд, Г. Умная толпа. Новая социальная революция / Г. Рейнгольд. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.

65. Сапов, А. М. Влияние Интернет-коммуникаций на процесс формирования сообщества российских трейдеров (Социологический анализ): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Сапов Александр Михайлович. Новочеркасск, 2004. – 156 с.

66. Сапов, А. М. Россия в сети конфликтности: между взрывом и согласием / А. М. Сапов, В. С. Семенов // Социологические исследования. – 1993. – № 7. – С. 73–76.

67. Сертакова, Е. А. Понятие «сеть» Джона Барнса как аналитический подход в познании системы социальных отношений [Электронный ресурс] / Е. А. Сертакова / Молодежь и наука: материалы VI Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. – Режим доступа: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/pdf/7/887.pdf>.

68. Скирбекк, Г. История философии / Г. Скирбекк, Н. Гилье. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 800 с.

69. Скуратов, А. Б. Локальные интернет-сообщества крупного российского города: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Скуратов Алексей Борисович. – Екатеринбург, 2009. – 182 с.

70. Сорокин, П. А. Система социологии / П. А. Сорокин. – М.: Астрель, 2008. – 1008 с.

71. Темкина, А. А. Теоретические подходы к проблеме политического участия: гендерное измерение / А. А. Темкина // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: сб. научных

статей / под ред. Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной. – СПб.: Центр независимых соц. исследований, 1996. – 96 с.

72. Тихонов, В. Г. Социально-политическая активность российской студенческой молодежи: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Тихонов Виталий Геннадьевич. – Ростов-н/Д., 2011. – 148 с.

73. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 781 с.

74. Тысячнюк, М. С. Мобильная социология Джона Урри / М. С. Тысячнюк // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. 7. – № 4. – С. 200–208.

75. Урри, Дж. Мобильности / Дж. Урри // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 5. – С. 197–252.

76. Урри, Дж. Социология за пределами обществ. Мобильности двадцать первого столетия / Дж. Урри. – М.: ГУ ВШЭ, 2012. – 336 с.

77. Филиппова, Т. В. Интерактивная коммуникация в эмпирической социологии: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06: 22.00.08 / Филиппова Татьяна Витальевна. – М.: МГУ, 2000. – 24 с.

78. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас; пер. с нем. М. М. Беляева и др. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.

79. Холмская, М. Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы / М. Р. Холмская // Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 18–21.

80. Шпара, К. И. Сетевая структура современного общества: теоретико-методологический аспект: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Шпара Кирилл Иванович. – СПб., 2010. – 150 с.

81. Adamic, L. A. The small world web (1999) / L. A. Adamic // Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics). – 1696. – № 9 – P. 443–452.

82. Adamic, L. A. Friends and neighbors on the Web / L.A. Adamic, E. Adar // *Social Networks*. – 2003. – № 25 (3). – P. 211–230.
83. Adler, P. S. Social capital: Prospects for a new concept (2002) / P. S. Adler, S.-W. Kwon // *Academy of Management Review*. – 2002. – № 27 (1). – P. 17–40.
84. Aiello, W. A random graph model for massive graphs / W. Aiello, F. Chung, L. Lu // *Proceedings of the Annual ACM Symposium on Theory of Computing*. – New-York, 2000. – P. 171–180.
85. Albert, R. Dynamics of complex systems: scaling laws for the period of Boolean networks / R. Albert, A.-L. Barabási // *Physical Review Letters*. – 2000. – № 84 (24). – P. 5660–5663.
86. Albert, R. Topology of evolving networks: Local events and universality / R. Albert, A.-L. Barabási // *Physical Review Letters*. – 2000. – № 85 (24). – P. 5234–5237.
87. Albert, R. Diameter of the world-wide web / R. Albert, H. Jeong, A.-L. Barabási // *Nature*. – 1999. – № 401 (6749). – P. 130–131.
88. Allport, F. H. *Social Psychology* / F. H. Allport. – London: Routledge, 1924. – 453 p.
89. Azarian, R. The general sociology of Harrison White / R. Azarian // *Stockholm Studies in Social Mechanisms*. – 2003. – № 4. – P. 135–140.
90. Baird, D. The seasonal dynamics of the Chesapeake Bay ecosystem / D. Baird, R. E. Ulanowicz // *Ecological Monographs*. – 1989. – № 59 (4). – P. 329–364.
91. Barabasi, A.-L. *Linked: The New Science of Networks* / A.-L. Barabasi // Cambridge. – MA, Perseus Publishing, 2002. – 256 p.
92. Barabási, A.-L. Emergence of scaling in random networks / A.-L. Barabási, R. Albert // *Science*. – 1999. – № 286 (5439). – P. 509–512.
93. Barabási, A.-L. Scale-free characteristics of random networks: The topology of the world-wide web / A.-L. Barabási, R. Albert, H. Jeong // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. – 2000. – № 281 (1). – P. 69–77.

94. Barabási, A.-L. Evolution of the social network of scientific collaborations / A.-L. Barabási, H. Jeong, Z. Néda, E. Ravasz, A. Schubert, T. Vicsek // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. – 2002. – № 311 (3–4). – P. 590–614.
95. Bargh, J. A. The Internet and social life / J. A. Bargh, K. Y. A. McKenna // *Annual Review of Psychology*. – 2004. – № 55. – P. 573–590.
96. Barnes, J. Class and committees in a Norwegian Island Parish / J. Barnes // *Human Relations*. – 1954. – № 7. – P. 39–58.
97. Barnes, S. B. A privacy paradox: Social networking in the United States / S. B. Barnes // *First Monday*. – 2006. – № 11 (9). – P. 5.
98. Bavelas, A. A mathematical model for small group structures / A. Bavelas // *Human Organization*. 1948. – № 7. – P. 16–30.
99. Bavelas, A. Communication patterns in task oriented groups // *The policy sciences* / D. Lerner, H. D. Lasswell. – Palo Alto: Stanford University Press, 1951. – P. 193–202.
100. Bayertz, K. Solidarity / K. Bayertz. – Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1999. – 351 p.
101. Bianconi, G. Bose-Einstein condensation in complex networks / G. Bianconi, A.-L. Barabási // *Physical Review Letters*. – 2001. – № 86 (24). P. 5632–5635.
102. Bianconi, G. Number of loops of size h in growing scale-free networks / G. Bianconi, A. Capocci // *Physical Review Letters*. – 2033. – № 90 (7). – P. 078701/1–078701/4.
103. Bilke, S. Topological properties of citation and metabolic networks / S. Bilke, C. Peterson // *Physical Review E – Statistical, Nonlinear, and Soft Matter Physics*. – 2001. – № 64 (3 II). – P. 361061–361065.
104. Blau, P. Microprocess and macrostructure / P. Blau // *Social exchange theory* / ed. by K. Cook. – Beverly Hills: Sage, 1988. – P. 128–160.

105. Boguñá, M. Epidemic spreading in correlated complex networks / M. Boguñá, R. Pastor-Satorras // *Physical Review E – Statistical, Nonlinear, and Soft Matter Physics*. – 2002. – № 66 (4). P. 047104/1–047104/4.
106. Bollobas, B. The diameter of random graphs / B. Bollobas // *Transactions of the American Mathematical Society*. – 1981. – № 267 (1). – P. 41–52.
107. Borgatti, S. P. Network analysis in the social sciences / S. P. Borgatti, A. Mehra, D. J. Brass, G. Labianca // *Science*. – 2009. – № 323. – P. 892–895.
108. Borgatti, S. «The Network Paradigm in Organizational Research: A Review and Typology» / S. Borgatti, P.C. Foster // *Journal of Management* (29:6). – Dec 2003. – P. 991–1013,
109. Bott, H. Observation of play activities in a nursery school (1928) / H. Bott // *Genet. Psychol. Monogr.* 4, pp. 44–88.
110. Bott, E. Urban families: Conjugal roles and social networks / E. Bott // *Human Relations*. – 1955. – № 8. – P. 345–383.
111. Bourdieu, P. *An Invitation to Reflexive Sociology* / P. Bourdieu, L. Wacquant. – University Of Chicago Press, 1992. – 348 p.
112. Boyd, D. Facebook's privacy trainwreck: Exposure, invasion, and social convergence / D. Boyd // *Convergence*. – 2008 – T. 14. – № 1. – P. 13–20.
113. Boyd, D. Friends, friendsters, and top 8: Writing community into being on social network sites / D. Boyd // *First Monday*. – 2006. – T. 11. – № 12. – P. 1–15.
114. Boyd, D. Profiles as conversation: Networked identity performance on Friendster / D. Boyd, J. Heer // *Proceedings of the Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. – 2006. – № 3. – P. 59.
115. Boyd, D. M. Friendster and publicly articulated social networking / D. Boyd // *Conference on Human Factors in Computing Systems*. – Proceedings, 2004. – P. 1279–1282.

116. Brehm, J. «Individual-Level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital» / J. Brehm, W. and Rahn // *American Journal of Political Science* (41:3). – 1997. – Jul. – P. 999–1023.
117. Buechler, S. M. *Social Movements in Advanced Capitalism: The Political Economy and Cultural Construction of Social Activism* / S. M. Buechler. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 256 p.
118. Butler, B. S. *Membership Size, Communication Activity, and Sustainability: A Resource – Based Model of Online Social Structures* / B. S. Butler // *Information Systems Research*. – 2001. – T. 12. – № 4. – P. 346–362.
119. Byrne, D. N. *The future of (the) 'race': Identity, discourse and the rise of computer-mediated public spheres* / D. N. Byrne // *Learning Race and Ethnicity*. – London: Sage. Smedley, 2008. – P. 15–38.
120. Callaway, D. S. *Are randomly grown graphs really random?* / D. S. Callaway, J. E. Hopcroft, J. M. Kleinberg, M. E. J. Newman, S. H. Strogatz // *Physical Review E – Statistical, Nonlinear, and Soft Matter Physics*. – 2001. – № 64 (4 I). – P. 419021–419027.
121. Charnigo, L. *Checking out facebook.com: The impact of a digital trend on academic libraries* / L. Charnigo, P. Barnett-Ellis // *Information Technology and Libraries*. – 2007. – T. 26. – № 1. – P. 23–34.
122. Chong, D. *Collective Action and the Civil Rights Movement* / D. Chong. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1991. – 279 p.
123. Coleman, J. S. *Social capital in the creation of human capital* / J. S. Coleman // *American Journal of Sociology*. – 1988. – № 94 (SUPPL). – P. 95–120.
124. *Community networks: Where offline communities meet online* // *Journal of Computer*. – 2005. – № 10 (4). – 33 p.
125. Cummings, J. N. *Communication technology and friendship during the transition from high school to college* / J. N. Cummings, J. B. Lee, Kraut, R. //

Computers, Phones, and the Internet. – Domesticating Information Technology, 2006. – P. 265–278.

126. Davern, M. Social Networks and Prestige Attainment: New Empirical Findings / M. Davern // *The American Journal of Economics and Sociology*. – 1999. – Vol. 58. – № 4. – P. 843–864.

127. Davies, J. C. When Men Revolt and Why – A Reader in Political Violence and Revolution / J. C. Davies. – New York: The Free Press, 1971. – 357 p.

128. Diener, E. Recent findings on subjective well-being / E. Diener, E. Suh, S. Oishi // *Indian Journal of Clinical Psychology*. – 1997. – Vol. 24. – № 1. – P. 25–41.

129. Dolfsma, W. On a Source of Social Capital: Gift Exchange / W. Dolfsma, R. van der Eijk, and A. Jolink // *Journal of Business Ethics*. – 2009. – Vol. 89. – № 3. – P. 315–329.

130. Donath, J. Public displays of connection / J. Donath, D. Boyd // *BT Technology Journal*. – 2004. – Vol. 22. – № 4. – P. 71–82.

131. Doreian, P. Evolution of Social Networks / P. Doreian, F. Stokman. – Amsterdam: Gordon and Breach Publishers, 1997. – P. 233–250.

132. Dwyer, C. Trust and privacy concern within social networking sites: A comparison of Facebook and MySpace / C. Dwyer, S.R. Hiltz, K. Passerini. – *Proceedings of AMCIS, 2007*. – 237 p.

133. Eisinger, P. The conditions of protest behavior in American cities (1973) / P. Eisinger // *American Political Science Review*. – 1973. – Vol. 81. – P. 11–28.

134. Ellison, N. Managing impressions online: Self–presentation processes in the online dating environment / N. Ellison, R. Heino, J. Gibbs // *Journal of Computer–Mediated Communication*. – 2006. – Vol. 11. – № 2. – P. 27–62.

135. Ellison, N. The benefits of Facebook «friends»: Exploring the relationship between college students' use of online social networks and social capital

/ N. Ellison, C. Steinfield, C. Lampe // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2007. – Vol. 12. – № 4. – P. 1143–1168.

136. Ewers, J. Cyworld: Bigger than Youtube? / J. Ewers // US News & World Report. – 2006. – Nov., 9.

137. Festa, P. Investors snub Friendster in patent grab / P. Festa // Веб-сайт CNet News. – 2004. – Apr., 19.

138. Finkelhor, D. Just the facts about online youth victimization: Researchers present the facts and debunk myths / D. Finkelhor, M. Ybarra, A. Lenhart, D. Boyd, T. Lordan // Internet Caucus Advisory Committee Event. – 2007. – May, 3.

139. Fono, D. Hyperfriends and beyond: Friendship and social norms on LiveJournal / D. Fono, K. Raynes-Goldie // Internet Research Annual. – 2006 – № 4. – P. 91–103.

140. Forgas, J. P. (Eds.) Social Motivation: Conscious and unconscious processes / J. P. Forgas, K. D. Williams, S. Laham. – New-York: Cambridge University Press, 2004. – P. 249–273.

141. Freeman, L. C. Research methods in social network analysis / L. C. Freeman, D. R. White, A. K. Romney. – Transaction Publishers, 1992. – 544 p.

142. Gajjala, R. Shifting frames: Race, ethnicity, and intercultural communication in online social networking and virtual work / R. Gajjala // The Role of Communication in Business Transactions and Relationships. – New-York: Peter Lang, 2007. – P. 257–276.

143. Gilbert, E «Predicting Tie Strength with Social Media» / E. Gilbert, K. Karahalios // Proceedings of the 27th International Conference on Human Factors in Computing Systems. – Boston, MA: ACM, 2009. – P. 211–220.

144. Goldberg, S. Analysis: Friendster is Doing Just Fine / S. Goldberg // Digital Media Wire. – 2007. – May, 13. – Vol. 3. – № 1. – P.10–18.

145. Golder, S. A. Rhythms of social interaction: Messaging within a massive online network / S. A. Golder, D. M. Wilkinson, B. A. Hubennan // Proceedings of the 3rd Communities and Technologies Conference. – C and T, 2007. – P. 41–66.
146. Gonzalez-Bailon, S. The structure of political discussion networks: a model for the analysis of online deliberation / S. Gonzalez–Bailon, A. Kaltenbrunner, R. E. Banchs // Journal of Information Technology. – 2010. – Vol. 25. – № 2. – P. 230–243.
147. Gross, R. Information revelation and privacy in online social networks / R. Gross, A. Acquisti, H.J. Heinz III / WPES'05: Proceedings of the 2005 ACM Workshop on Privacy in the Electronic Society. – New-York, 2005. – P. 71–80.
148. Guetzkow, H. The Impact of Certain Communication Nets upon Organization and Performance in Task-Oriented Groups / H. Guetzkow, H. A. Simon // Some Theories of Organization. – Illinois: Richard D. Irwin, 1996. – P. 425–443.
149. Granovetter, M. S. The strength of weak ties: A network theory revisited) Social Structure and Network Analysis / M. S. Granovetter. – Communications of the ACM, 1982. – P. 105–130.
150. Hampton, K. Neighboring in Netville: How the internet supports community and social capital in a wired suburb / K. Hampton, B. Wellman // City and Community. – 2003. – № 2. – P. 277–311.
151. Hampton, K. Place-based and IT mediated ‘community’ / K. Hampton // Planning Theory and Practice. – 2002. – Vol. 3. – № 2. – P. 228–231.
152. Harary, F. Structural Models: An Introduction to the Theory of Directed Graphs / F. Harary, R. Z. Norman, D. Cartwright. – New-York: John Wiley & Sons, 1965. – 415 p.
153. Hardy, B. W. Examining differential gains from Internet use: Comparing the moderating role of talk and online interactions / B. W. Hardy, D. A. Scheufele // Journal of Communication. – 2005. – Vol. 55. – № 1. – P. 71–84.

154. Haythornthwaite, C. Social networks and internet connectivity effects / C. Haythornthwaite // *Information Communication and Society*. – 2005. – Vol. 8. – № 2. – P. 125–147.
155. Heider, F. *The psychology of interpersonal relations* / F. Heider. – New York: John Wiley & Sons, 1958. – 322 p.
156. Hewitt, A. *Crossing Boundaries: Identity Management and Student Faculty Relationships on the Facebook* / A. Hewitt, A. Forte // *Gender and Education*. – 2006. – Vol. 13. – № 2. – P. 153–166.
157. Homans, G. C. *The humans group* / G. C. Homans. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1950. – 484 p.
158. Ibarra, H. Race, opportunity and diversity of social circles in managerial networks / H. Ibarra // *Acad. Mgmt. Rev.* – 1995. – № 38. – P. 673–703.
159. Krackhardt, D. *The Ties That Torture: Simmelian Tie Analysis in Organizations (1999)* / D. Krackhardt // *Research in the Sociology of Organizations*. – 1999. – № 16. – P. 183–210.
160. Lazarsfeld, P. F. Friendship as a social process: a substantive and methodological analysis. In *Freedom and Control in Modern Society* / P. F. Lazarsfeld, R. K. Merton ed. M. Berger. – New York: Van Nostrand, 1954. – P. 18–66.
161. Newman, M. E. J. *The structure and dynamics of networks* / M. E. J. Newman, D. J. Watts. – Princeton University Press, 2006. – 596 p.
162. Newman, M. E. J. Finding and evaluating community structure in networks / M. E. J. Newman, M. Girvan // *Phys. Rev. E*. – 2004. – T. 69. – P. 26-113.
163. Scott, J. *Social Network Analysis* / J. Scott. – London; Newbury Park: Sage Publications, 2000. – P. 465–472.
164. *The Politics of Social Protest: comparative Perspectives on States and Social Movements* / ed. by J. C. Jenkins, B. Klandermans. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. – 256 p.

165. Visser, P. S. Attitudes in the social context: The impact of social network composition on individual-level attitude strength / P. S. Visser, R. R. Mirabile // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2004. – № 87. – P. 779–795.

АНКЕТА

Участника виртуальных молодежных сетевых сообществ

Уважаемый респондент!

Я провожу исследование специфики взаимодействия между участниками различных молодежных виртуальных сообществ.

Заранее благодарим Вас за ответы на вопросы анкеты!

1. Чем Вы обычно занимаетесь в свободное время? (отметьте не более ПЯТИ наиболее типичных занятий)

1. Читаю газеты, журналы
2. Посещаю дискотеки, ночные клубы, другие развлекательные мероприятия
3. Посещаю спортклубы, секции, тренировки
4. Посещаю театры, концерты, кино
5. Занимаюсь дополнительно для получения образования, повышения квалификации
6. Посещаю музеи, выставки, вернисажи
7. Занимаюсь домашним хозяйством, бытовыми проблемами
8. Имею хобби и занимаюсь им дома (рукоделие, фотография, моделирование и т.п.)
9. Участвую в работе общественных организаций, ассоциаций
10. Занимаюсь в различных кружках, клубам по интересам (музыкой, танцами и т. д.)
11. Увлекаюсь компьютером, Интернетом, играю в компьютерные игры
12. Смотрю телевизор, слушаю радиопередачи
13. Слушаю музыку, читаю книги, смотрю видео
14. Посещаю кафе, бары, рестораны
15. Посещаю политические организации, собрания, митинги
16. Встречаюсь и общаюсь с друзьями дома или в гостях
17. Провожу время на природе, гуляю
18. Посещаю церковь, другие религиозные собрания
19. Чем еще? (напишите, что именно?) _____

2. Что является основными источниками Вашей информации по общественно-политической ситуации в мире и России? (выберите не более ТРЕХ вариантов ответа):

1. Телевидение
2. Пресса, газеты и журналы
3. Радио
4. Информационные, новостные Интернет-сайты
5. Социальные сети (В контакте, Facebook и др.)
6. Блоги (ЖЖ, Vlogpost и др)
7. Зарубежные информационные ресурсы
8. Общение с друзьями, родственниками, знакомыми
9. Встречи кандидатов с избирателями
10. Агитаторы, которые ходят по домам
11. Листовки и другие материалы, которые распространяются в общественных местах
12. Социально-гуманитарные дисциплины в Вузе
13. Я не интересуюсь общебественно-политической ситуаций

3. Интересуетесь ли Вы тем, как развиваются события в политической, экономической жизни нашей страны?

1. Да, внимательно слежу за развитием ситуации
2. Слежу за развитием событий, но мне это не очень интересно
3. Нет, меня это не интересует
999. Затрудняюсь ответить

4. Сколько в среднем времени в день (в часах) Вы обычно смотрите телевизор? (запишите цифрами)

_____ часов

5. Сколько в среднем времени в день (в часах) Вы обычно слушаете музыку? (запишите цифрами)

_____ часов

6. Сколько в среднем времени в день (в часах) Вы проводите в социальных сетях в Интернете? (запишите цифрами)

_____ часов

7. Сколько в среднем времени в день (в часах) Вы обычно уделяете подготовке к учебе? (запишите цифрами)

_____ часов

8. Можете ли Вы о себе сказать, что Вы ведете здоровый образ жизни?

1. Определенно да
2. Скорее да
3. Скорее нет
4. Определенно нет

9. Если Вы попадете в кризисную ситуацию (напр., трудности с учебой, проблемы в семье или другие неприятности), к кому Вы можете обратиться за помощью? (выберите любое количество ответов)

1. Родители
2. Друзья
3. Одногруппники
4. Тренер
5. Друзья по спорту
6. Куратор группы
7. Кто еще(напишите?) _____

10. А теперь назовите того, к кому Вы обратитесь в подобной ситуации в первую очередь? (выберите только ОДИН вариант ответа)

1. Родители
2. Друзья
3. Одногруппники
4. Тренер
5. Друзья по спорту
6. Куратор группы
7. Таких людей нет
8. Кто еще(напишите?) _____

11. Как Вам кажется, сколько всего таких людей, к которым Вы могли бы обратиться за помощью в кризисной ситуации? (напишите количество)

_____ человек

Укажите, как часто Вы виделись со следующими категориями людей в течении последних двух месяцев? (обведите ответ, соответствующий Вашему мнению, в каждой строке таблицы)

		<i>Не более двух раз за последние два месяца</i>	<i>Более двух раз за последние два месяца</i>	<i>Множество раз за последние два месяца</i>	<i>Не виделся в течении последних двух месяцев</i>
12	Одногруппники	1	2	3	4
13	Друзья по месту постоянного проживания	1	2	3	4
14	Друзья из числа студентов	1	2	3	4
15	Братья/сестры	1	2	3	4
16	Друзья по спорту	1	2	3	4
17	Преподаватели	1	2	3	4
18	Родители	1	2	3	4
19	Родственники (кроме родителей и родных братьев/сестер)	1	2	3	4

20. Сколько у Вас родных братьев и сестер? (напишите общее количество)

_____ братьев и сестер

999. Нет родных братьев или сестер

21. Сколько у Вас двоюродных братьев и сестер? (напишите общее количество)

_____ братьев и сестер

999. Нет двоюродных братьев или сестер

22. Сколько человек из числа Ваших одногруппников можно назвать Вашими близкими друзьями? (напишите количество)

_____ человек

999. Затрудняюсь ответить

23. Если Вы живете в общежитии, со сколькими студентами, также проживающими в данном общежитии у Вас поддерживаются дружеские отношения? (напишите количество)

_____ человек

999. Затрудняюсь ответить

24. Если говорить о людях, которые проживают рядом с Вами в Вашем населенном пункте или дворе, со сколькими из них у вас поддерживаются дружеские отношения? (напишите количество)

_____ человек

999. Затрудняюсь ответить

25. Подумайте о друзьях по месту жительства, религиозной общине и т.д. (напишите количество)

_____ человек

999. Затрудняюсь ответить

26. Расскажите о человеке, с которым у Вас сохраняются наиболее теплые дружеские отношения. Этот человек (выберите только ОДИН вариант ответа):

1. Родственник мужского пола
2. Родственница женского пола
3. Одногруппник/одногруппница
4. Партнер по спортивной секции
5. Тренер
6. Школьный друг/подруга
7. У меня нет близких друзей, со всеми ровные отношения

27. Как часто Вы видите со своим наиболее близким другом/подругой (выберите только ОДИН вариант ответа)?

1. Ежедневно
2. Несколько раз в неделю
3. Один раз в неделю
4. Несколько раз в месяц
5. Один раз в месяц
6. В последнее время мы видимся реже одного раза в год

28. Как часто Вы общаетесь с Вашим самым близким другом/подругой с помощью телефона, электронной почты, скайпа или другого способа коммуникации? (выберите только ОДИН вариант ответа)

1. Ежедневно
2. Несколько раз в неделю
3. Один раз в неделю
4. Несколько раз в месяц
5. Один раз в месяц
6. В последнее время мы общаемся не чаще одного раза в год

29. Подумайте, сколько человек в студенческой группе Вы можете назвать как тех людей, с которыми Вам приятно и легко общаться? (напишите количество)
_____ человек

30. Скольким людям в Вашей студенческой группе Вы полностью доверяете? (напишите количество) _____ человек

31. Как Вы думаете, при возникновении сложностей в учебе, сколько человек в учебной группе смогут оказать Вам помощь? (напишите количество) _____ человек

32. Теперь мы бы хотели спросить Вас о том, каким образом и к кому Вы обратитесь за помощью в различных жизненных ситуациях? Предположим, что вы простудились и Вам пришлось остаться дома в течении нескольких дней. К кому Вы обратитесь за помощью в первую очередь? (выберите только ОДИН вариант ответа)

1. Мать
2. Отец
3. Брат
4. Сестра

5. Сосед/ка по общежитию
6. Лучший друг/подруга
7. Дядя
8. Тетя
9. Сосед по квартире
10. Одногруппник/ца
11. Тренер
12. Товарищ по спортивной секции
13. Мой земляк
14. Никто

33. Если бы так получилось, что Вам пришлось бы занимать крупную сумму денег, к кому бы Вы первым обратились за помощью? (выберите только ОДИН вариант ответа)

1. Мать
2. Отец
3. Брат
4. Сестра
5. Сосед/ка по общежитию
6. Лучший друг/подруга
7. Дядя
8. Тетя
9. Сосед по квартире
10. Одногруппник/ца
11. Тренер
12. Товарищ по спортивной секции
13. Мой земляк
14. В такой ситуации мне бы никто помочь не смог

34. Если у Вас плохое настроение ли неприятности, с кем первым Вы можете это обсудить? (выберите только ОДИН вариант ответа)

1. Мать
2. Отец
3. Брат
4. Сестра
5. Сосед/ка по общежитию
6. Лучший друг/подруга
7. Дядя
8. Тетя
9. Сосед по квартире
10. Одногруппник/ца
11. Тренер
12. Товарищ по спортивной секции
13. Мой земляк
14. Ни с кем

В течение последних 12 месяцев, как часто Вы делали что-либо из следующего списка для Ваших друзей? (обведите ответ, соответствующий Вашему мнению, в каждой строке таблицы) *Внимание, те, кто спортом не занимаются, пропускают строку под номером 58!!!*

		Неск олько раз в недел ю	Прим ерно 1 раз в недел ю	2-3 раза в меся ц	Прим ерно 1 раз в меся ц	Не менее 2-3 раз за год	1 раз за год	Ни разу за после дний год	Затру дняю сь ответ ить
35	Помогали кому-либо вне вашего дома по хозяйству	1	2	3	4	5	6	7	999
36	Давали денег взаймы	1	2	3	4	5	6	7	999
37	Уделяли время, чтобы поговорить с расстроенным /подавленным человеком	1	2	3	4	5	6	7	999
38	Помогали решить проблемы с учебой	1	2	3	4	5	6	7	999
39	Помогали на тренировках	1	2	3	4	5	6	7	999
40	Помогали решать бытовые проблемы	1	2	3	4	5	6	7	999
41	Помогали разобраться с личными проблемами	1	2	3	4	5	6	7	999

42. Можете ли Вы о себе сказать, что Вы регулярно занимаетесь спортом, физкультурой?

1. Определенно да
2. Скорее да
3. Скорее нет
4. Определенно нет

43. Уверены ли Вы, что в спорте сможете реализовать свои планы?

1. Совершенно уверены
2. Скорее уверены, чем не уверены
3. Скорее не уверены, чем уверены
4. Совершенно не уверены
999. затрудняетесь ответить

44. Какие проблемы Вы считаете актуальными для современной молодежи? (выберите не более ТРЕХ вариантов ответа)

1. Наплевательское отношение к собственному здоровью
2. Опасность заражения ВИЧ-инфекцией, СПИДом

3. Злоупотребление слабоалкогольными напитками (пивом, коктейлями)
4. Злоупотребление сильными алкогольными напитками
5. Злоупотребление табакокурением
6. Злоупотребление энергетическими напитками
7. Распространение наркомании
8. Морально-нравственный кризис
9. участие в массовых драках, побоищах и прочих общественно опасных мероприятиях
10. Никакие из перечисленных
11. Затрудняюсь ответить

45. Видели ли Вы когда-нибудь человека, находящегося в состоянии наркотического опьянения?

1. Да
2. Нет

46. Есть ли среди Ваших знакомых люди, которые хотя бы иногда употребляют наркотические вещества?

1. Да
2. Нет

999. Затрудняюсь ответить

47. Как часто Вы употребляете алкогольные напитки?

1. Не употребляю вообще
2. Редко и только по праздникам
3. 1-2 раза в неделю
4. Почти каждый день, каждый день

Оцените степень Вашего согласия со следующими высказываниями, где 1 балл – полное несогласие с высказыванием, 10 баллов – полное согласие с высказыванием (обведите ответ в каждой строке)

48	Прежде, чем помогать другим, нужно позаботиться о себе и своей семье	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
49	Люди, которые живут лучше других должны помогать тем, кто живет хуже	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
50	Нормально заводить дружбу с людьми, которые могут быть Вам полезны	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
51	Большинству людей можно доверять	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
52	Большинство людей постарается Вас использовать в своих целях, если у них появится такая возможность	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
53	Большинство людей всегда ведут себя с Вами честно	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
54	В большинстве случаев люди стараются помогать друг другу	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
55	Я полностью доволен жизнью в настоящее время	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
56	Я полностью доволен своей учебой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

57	Приток людей из других стран обогащает жизнь нашей страны	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
58	В настоящее время я полностью счастлив(а)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
59	Я пользуюсь уважением у одноклассников	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
60	Мой социальный статус в обществе достаточно высок	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
61	Я верующий человек	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
62	Я веду здоровый образ жизни	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
63	Я часто смотрю спортивные трансляции по телевизору	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
64	Я часто смотрю трансляции футбольных матчей по телевизору	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
65	Я соблюдаю религиозные обряды	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
66	Мне нравится рок-музыка	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
67	Я часто смотрю трансляции баскетбольных матчей по телевизору	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
68	Мне нравится национальная музыка моего народа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
69	Мне нравится поп-музыка	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
70	Я часто смотрю трансляции единоборств по телевизору	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
71	Мне нравится современная танцевальная музыка	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
72	Я часто провожу время в ночных клубах	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
73	Ближайшее окружение чувствует мое превосходство и силу	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
74	Я всегда встану на защиту того, кого несправедливо обижают	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
75	В случае нарушения моих прав я буду всячески привлекать внимание общественности	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
76	Если меня несправедливо обидят я, прежде всего, обращусь за помощью к моим друзьям	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
77	Если большинство моих друзей будут участвовать в акциях протеста против несправедливости, я к ним присоединюсь	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

78. Вспомните, сколько друзей у Вас в социальной сети «ВКонтакте»? (напишите количество) _____ человек

79. Подумайте, сколько времени в среднем в день (в часах) Вы уделяете общению в социальных сетях? (напишите количество) _____ часов

80. Как Вы думаете, от чего в наибольшей степени зависит Ваше благосостояние? (выберите только ОДИН вариант ответа)

1. От положения дел в обществе, условий жизни в нем
2. От Вас самих, целеустремленности, активности

3. От условий жизни и Ваших собственных усилий в равной степени
4. От наличия нужных связей и знакомств
999. Затрудняетесь ответить

81. Как Вы считаете, что мешает реализации жизненных планов молодежи в нашей стране? (можно выбрать любое количество вариантов)

1. Дискриминация молодых людей со стороны старших поколений
2. Невостребованность молодежи на рынке труда
3. Менталитет современной молодежи, низкая активность
4. Общая социально-экономическая ситуация в стране
5. Недоступность качественного образования
6. Отсутствие действенной государственной политики по поддержке молодежи
7. Незнание, где и как приложить свои силы
8. Клановость и коррумпированность в стране
999. Затрудняетесь ответить

82. Ваше семейное положение?

1. Женат (замужем)
2. Не женат (не замужем)
3. Разведен(а)
4. Вдова/вдовец

144. Место Вашего постоянного проживания:

1. Краевой центр
2. Районный центр
3. Город
4. Село
5. Станица
6. Поселок

145. Ваш пол:

1. Мужской
2. Женский

146. Ваш возраст (напишите)_____

147. Курс, на котором Вы сейчас учитесь?

1. Первый
2. Второй
3. Третий
4. Четвертый
5. Пятый

Спасибо за участие в исследовании!

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.**Приложение 1. Гайд интервью.**

Здравствуйте, меня зовут Кучукян Артем, я аспирант СКФУ учусь в аспирантуре на кафедре социологии. Прошу принять Вас участие в интервью, которое посвящено исследованию особенностей поведения в виртуальных сообществах, в которых Вы являетесь активным участником. Все полученные ответы будут использоваться исключительно в целях моей диссертации. Информация о Вас и Ваши контактные данные не будут переданы третьим лицам, поэтому говорите то, что Вы думаете, мне важно только ваше личное мнение.

1. Насколько давно вы пользуетесь Интернетом?
2. Для чего Вы, в основном, используете Интернет?
3. С какой целью Вы используете его сейчас?
4. Приобретаете ли Вы товары или услуги с помощью Интернета?
5. Назовите те виртуальные сети, в которых Вы зарегистрированы?
6. Помните ли Вы, хотя бы примерно, в скольких сообществах в каждой из социальных сетей Вы состоите?
7. Назовите примерную тематику сообществ, в которых Вы состоите в каждой из социальных сетей
8. А почему Вас привлекают протестные сообщества?
9. Можете назвать цели, которые Вы преследуете, общаясь с людьми, которые также зарегистрированы в этих сообществах?
10. Как много людей у Вас в друзьях в социальной сети Вконтакте?

11. Часто ли Вы в реальной жизни видите с теми людьми, с которыми Вы общаетесь в онлайне?
12. Как Вы понимаете термин «сетевое протестное сообщество»?
13. Можете вспомнить, в скольких протестных сообществах в той или иной социальной сети Вы состоите?
14. Видитесь ли Вы с модераторами или лидерами протестных сообществ в реальной жизни?
15. Как Вы думаете, способствует ли членство в сетевых протестных сообществах распространению подобных настроений в молодежной среде?
16. Что лично для Вас есть проявление социального протеста?
17. Принимали ли Вы когда-либо участие в протестных акциях в реальной жизни?
18. Можете ли Вы сказать, что участие в сетевых протестных сообществах помогает избегать наказания за участие в реальных протестных акциях?
19. Можете ли Вы сказать, что подружился с кем-либо из таких же, как и Вы участников протестных сообществ из какой-либо социальных сетей?
20. Как влияют сетевые протестные сообщества на Вас лично?

Спасибо за участие в исследовании!

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.**Код на языке программирования R для обработки данных об активностях участников протестных молодежных сообществ**

```

# calculate statistics

statistics <- data.frame(n = c(1:6), name = c("kprf", "er", "sr", "ldpr", "yabloko",
"parnas"))

#count all positive comments by types

statistics$count_positive[1] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"positive" &
                                main_table$type == "kprf",])

statistics$count_positive[2] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"positive" &
                                main_table$type == "er",])

statistics$count_positive[3] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"positive" &
                                main_table$type == "sr",])

statistics$count_positive[4] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"positive" &
                                main_table$type == "ldpr",])

statistics$count_positive[5] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"positive" &
                                main_table$type == "yabloko",])

statistics$count_positive[6] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"positive" &
                                main_table$type == "parnas",])

#count all negative comments by types

```

```
statistics$count_negative[1] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"negative" &
```

```
main_table$type == "kprf",])
```

```
statistics$count_negative[2] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"negative" &
```

```
main_table$type == "er",])
```

```
statistics$count_negative[3] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"negative" &
```

```
main_table$type == "sr",])
```

```
statistics$count_negative[4] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"negative" &
```

```
main_table$type == "ldpr",])
```

```
statistics$count_negative[5] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"negative" &
```

```
main_table$type == "yabloko",])
```

```
statistics$count_negative[6] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"negative" &
```

```
main_table$type == "parnas",])
```

```
#count all neutral comments by types
```

```
statistics$count_neutral[1] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"neutral" &
```

```
main_table$type == "kprf",])
```

```
statistics$count_neutral[2] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"neutral" &
```

```
main_table$type == "er",])
```

```
statistics$count_neutral[3] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"neutral" &
```

```

                                main_table$type == "sr",])
statistics$count_neutral[4] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"neutral" &
                                main_table$type == "ldpr",])
statistics$count_neutral[5] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"neutral" &
                                main_table$type == "yabloko",])
statistics$count_neutral[6] <- NROW(main_table[main_table$kind_of_comment ==
"neutral" &
                                main_table$type == "parnas",])
# percent of positive comments
statistics$pers_positive <- (statistics$count_positive/(statistics$count_neutral+
                                statistics$count_positive+
                                statistics$count_negative)) *100
# percent of negative comments
statistics$pers_negative <- (statistics$count_negative/(statistics$count_neutral+
                                statistics$count_positive+
                                statistics$count_negative)) *100
#percent of neutral comments
statistics$pers_neutral <- (statistics$count_neutral/(statistics$count_neutral+
                                statistics$count_positive+
                                statistics$count_negative)) *100
#write to file
write.csv (statistics, "statistics.csv")

```